

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1904.

№ 14.

ІЮЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Значеніе церковнаго обряда въ религіозной жизни челоѣка. <i>Ив. Шерова.</i>	47—68
Очерки изъ жизни Христа Спасителя. (По ЭдлершеВху) (продолженіе). <i>Свѣтц. Михаила Овсѣенкаго.</i>	69—87
Церковныя школы Россійской Имперіи (продолженіе). <i>В. Давыденко.</i>	88—102
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Философія возрѣнія Б. Н. Чичерина (р. 1828 † 1904 г.) и нѣсколько словъ о значеніи дѣятельности Н. К. Михайловскаго (р. 1843 † 1904 г.), какъ позитивнота (продолженіе). <i>Александра Никольскаго.</i>	48—64
Поворотъ къ старому въ ученіи о сущности жизненнаго процесса (окончаніе). <i>Свѣтц. Іанова Галахова.</i>	65—86
III. ИЗВѢСТІЯ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. I. Высочайшая благодарность.—Отъ Харьковскаго Отдѣленія Попечительства ГОСУДАРНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ о глухонѣмыхъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Жепскаго Училища за 1902—1903 учебный годъ (продолженіе). II. Къ вопросу о производствѣ дованій и слѣдствій надъ духовенствомъ. <i>Свѣтц. Михаила Ковалевскаго.</i> —Воспоминаніе о посѣщеніи въ Возѣ почившаго Архіепископа Анарросія слободы Кпряковки Архангело-Михайловскаго прихода, Ахтырскаго уѣзда. <i>Свѣтц. Димитрія Скрынникова.</i> —Епархіальная хроника.—Иновархіальный отдѣлъ.—Рисныя извѣстія и замѣтки —Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петропавлскій пер., д № 17.

1904.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ, вѣрн, правилъ христіанской нравственности, изясненія церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнять для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна на годовое издаваніе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАБОРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редаціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при обвѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Изъ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры всѣхъ изданій за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г., по 8 р. за 1887—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 185 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редаціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Врентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. „Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?““ Сочиненіе А. Рождественскаго. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. ВЕСЕЛДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Влагочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πιστεῖ νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Юля 1904 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКОВНАГО ОБРЯДА ВЪ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА.

Православная церковь со всею любовью относится къ церковному обряду, какъ выраженію нашего внутренняго богопочтенія, даетъ ему въ своей практикѣ самое широкое употребленіе и усваиваетъ ему глубокой смыслъ и весьма важное значеніе. Между тѣмъ протестанты и особенно реформаты (кальвинисты), вопреки обычаю Православной церкви, холодно относятся къ церковному обряду. Превративъ храмы свои въ аудиторіи и усвоивъ богослуженію своему преимущественно, даже исключительно, дидактическій (учительный) характеръ, они смотрятъ на обрядъ, какъ на печальную, хотя и неизбежную уступку слабости и немощи человѣческой природы, ниспадшей до невозможности видѣть и уразумѣвать духовное, и потому, хотя не уничтожаютъ его совсѣмъ, однако стараются нивести употребленіе его до самаго минимума. Протестантскіе же сектанты, напр. квакеры, и нѣкоторые изъ нашихъ русскихъ, какъ напр. молокане, духоборцы, штундисты, пашковцы, толстовцы, не только отрицаютъ всякую церковную обрядность, но и относятся къ ней съ какою-то непонятною нетерпимостью. Да и въ нашемъ православномъ обществѣ нельзя не отмѣтить все болѣе и болѣе развивающагося въ послѣднее время преимущественно среди интеллигентныхъ классовъ его охлажденія къ церковному обряду. Хотя въ большинствѣ случаевъ эта холодность къ церковной обрядности зависитъ частію отъ внѣшнихъ условій жизни названныхъ классовъ общества, слагающейся такъ, что она своимъ

строены не благопріятствуютъ развитію любви къ церковному обряду, частію отъ обычной людямъ слабости, ихъ небрежности, лѣности, но съ другой стороны въ этомъ охлажденіи къ обряду нельзя не подмѣчать основъ принципіальныхъ, — именно, все болѣе и болѣе утверждающагося въ послѣднее время въ извѣстной части нашего общества убѣжденія въ малоцѣнности обряда. Многіе склонны думать, что церковная обрядность въ настоящее время существуетъ собственно для низшихъ классовъ общества, но что для образованныхъ людей обрядъ уже устарѣлъ, что религіозность образованнаго челоука не нуждается въ обрядности. Всѣ отрицатели церковнаго обряда отрицаніе свое думаютъ оправдать и ученіемъ Св. Писанія, и здравымъ бубто бы разумѣніемъ вещей; церковь же Православную и представителей ея они, по своему горделивому и неразумному сомнѣнію, думаютъ обличить въ невѣжество и непониманіи истиннаго духа христіанства. Христіанство, говорятъ они, есть духовная религія, а потому все въ немъ должно носить на себѣ духовный, а слѣдовательно и внутренній характеръ.

Воспитанные въ недрахъ Православной церкви и, слѣдовательно, привыкшіе цѣнить обрядъ, какъ необходимый внѣшній знакъ богопочтенія, мы на отрицаніе его смотримъ, какъ на неразумное игнорированіе одной изъ существенныхъ сторонъ жизни; во насъ, повидимому, не можетъ не смущать и не вызывать на насъ сомнѣній вопросъ объ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о примиреніи между упомянутою выше духовностью христіанской религіи и обрядовою церковною внѣшностью. Церковная обрядовая внѣшность въ высшей степени цѣнилась въ Іудейской церкви и ею характеризуется Ветхій Заветъ, какъ заветъ свѣней и образовъ, но Христосъ отвергъ эту обрядность, какъ отжившую свой вѣкъ. Въ бесѣдѣ своей съ Самарянкой Онъ, отрывая вниманіе ея отъ настоящаго и обращая взоръ ея къ будущему лучшему и высшему, говоритъ, что наступаетъ время духовнаго поклоненія Богу: когда Богу будутъ поклоняться вездѣ, ибо будутъ поклоняться духомъ. *Жено, вѣру Ми ими, яко грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни въ Іерусалимѣхъ поклонитесь Отцу. Вы кланяетесь, еложе не въсте: мы кла-*

няемся, елюже въмы: яко спасеніе отъ Іудей есть. Но грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истинною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся ему. Духъ есть Богъ: и уже кланяется ему, духомъ и истинною достоинъ кланятися (Іоан. 4, 21—24). Въ этихъ словахъ Спасителя, повидимому, содержится тотъ смыслъ, что ими богопочтеніе наше отрывается отъ внѣшней—временной и пространственной сферы и переносится въ область духа. Оно не должно быть привязано къ какому-нибудь опредѣленному мѣсту или опредѣленному часу и времени дня или ночи: наступаетъ время, говоритъ Спаситель, когда и не на горѣ сей и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу, т. е. когда молитва, какъ духовная жертва Богу, будетъ возноситься во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, гдѣ и когда существуетъ духъ человѣка, стремящійся къ Богу. Между тѣмъ въ Православной церкви, какъ бы въ прямую противоположность этимъ словамъ Спасителя, богопочтеніе строго привязывается къ опредѣленному мѣсту и времени. Въ опредѣленный часъ дня или ночи раздается, по церковному уставу, церковный благовѣстъ, приглашающій православныхъ чадъ въ храмъ Божій для участія въ тѣхъ или другихъ дѣйствіяхъ богопочтенія; въ храмѣ, въ который приходимъ мы, какъ въ установленное мѣсто собранія, совершаются внѣшнія, строго опредѣленныя, дѣйствія внѣшняго богопочтенія: возженіе свачей, кажденіе, ѳимиама, чтеніе, пѣніе, символическія дѣйствія, совершаемыя священнослужителями, поклоны поясные и земные,—и все это съ самою строгою, напередъ указанною опредѣленностью и численною точностью. Не есть ли все это матеріализація нашего богопочтенія, прямо, повидимому, отвергнутая приведенными словами Спасителя, не есть ли это обратное перенесенія богопочтенія изъ области духа въ область внѣшности и матеріальности, и, наконецъ, можно ли согласить эту строгую внѣшнюю регламентацію богопочтенія съ духовностью его? Далѣе, область духа есть область свободы, и эта установленная въ Православной церкви регламентація и этотъ распорядокъ внѣшняго богопочтенія, указывающіе и отводящіе для каждаго дѣйствія богопочтенія свое опредѣленное время

и опредѣленный часъ, не должны ли вести къ отрицанію этой свободы? Принадлежа къ Православной церкви, мы, повидимому, являемся не сынами ея, обладающими свободою дѣйствія, а рабами, которые должны жить и дѣйствовать не повлеченію своего сердца и указанію разума, а по установленному независимо отъ насъ порядку; не обрядъ долженъ приспособляться къ намъ, а мы къ установленному обряду.

Всѣ приведенныя нами отрицательныя мнѣнія на счетъ церковнаго обряда и возникающія по поводу употребленія его въ Православной церкви недоумѣнія въ связи съ понятіемъ о томъ важномъ значеніи, которое усвоитъ ему эта церковь, и даютъ намъ основаніе взойти въ разрѣшеніе вопроса о значеніи обряда для нашей религіозной жизни.

Чтобы придти къ выясненію этого вопроса, мы должны опредѣлить существо обряда, а для этой цѣли указать источникъ, изъ котораго беретъ начало обрядъ, и выяснить процессъ образованія обряда.

Источникъ, изъ котораго истекаетъ церковный обрядъ, какъ внѣшній видъ богопочтенія, есть самое свойство природы человѣка, стремящагося къ религіозному общенію съ Богомъ. Человѣкъ не есть только тѣло, но ве есть и только духъ; онъ есть живой организмъ, представляющій въ себѣ удивительное сочетаніе того и другого,—онъ есть такое существо, въ самой природѣ котораго духовное, идеальное бытіе реально соединилось съ чувственнымъ, онъ есть по истинѣ микрокосмъ (малый міръ), представляющій въ себѣ примиреніе и объединеніе двухъ противоположностей бытія—духа и матеріи. Какъ въ таковомъ, въ человѣкѣ явленія одной природы, не могутъ совершаться безъ того или другаго участія другой, въ жизни и дѣятельности, одной природы необходимо принимаетъ участіе другая (психофизическія явленія) и только при правильномъ взаимодействіи, обѣихъ природъ въ человѣкѣ развивается истинно-человѣческая жизнь. Если можно уподобить эту человѣческую жизнь растенію, то растеніе это нужно представить имѣющимъ двойные корни, изъ которыхъ одни укрѣплены въ духъ, другіе въ тѣлѣ, и въ явленіяхъ и стремленіяхъ того и другаго они находятъ для себя обильное питаніе. Въ силу та-

кого свойства нашей природы, именно въ силу органическаго соединенія въ насъ двухъ природъ, явленія одной изъ этихъ природъ необходимо отражаютъ на себѣ свойства другой: явленія духовной природы такъ или иначе принимаютъ на себя видъ и печать природы чувственной, а явленія природы чувственной, явленія по существу своему чисто органическія, принимаютъ на себя характеръ нравственный, слѣдовательно, разумный и свободный. Что можетъ быть чувственнѣе процесса питанія, однакожъ въ человѣкѣ онъ принимаетъ чисто нравственный характеръ, такъ какъ мы можемъ подчинять природную, чисто инстинктивную потребность питанія нашему свободному изволенію,—можемъ свободно ограничивать и опредѣлять эту потребность, и, наконецъ, по слову Апостола, мы можемъ подъ это чисто физическое отправленіе подкладывать нравственныя побужденія: *еще ясте, еще ли ѣсте, еще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1 Кор. 10, 31). Но чтобы понять всю высоту нравственнаго характера, который можетъ быть усвоенъ чисто физиологическому по природѣ своей процессу питанія, мы должны припомнить то церковное ученіе, что физиологическимъ процессомъ вкушенія мы въ величайшемъ христіанскомъ таинствѣ причащенія вкушаемъ подъ видомъ хлѣба и вина истинное тѣло и истинную кровь Иисуса Христа и, слѣдовательно, физиологическимъ процессомъ усвоаемъ себѣ истинную небесную жизнь. Но что сказано по отношенію къ процессу питанія, то же должно быть сказано и по отношенію ко многимъ другимъ процессамъ и отправленіямъ нашего тѣлеснаго организма: такъ, процессомъ зрѣнія мы можемъ видѣть Бога, насколько Онъ открывается въ природѣ; мы можемъ смотрѣть и видѣть окружающіе насъ предметы и явленія съ чисто нравственною, чисто духовною цѣлію; мы можемъ смотрѣть на природу, чтобы видѣть красоту, ее, цѣлесообразность, законосообразность; мы можемъ смотрѣть на картину, чтобы понять идею художника—творца ея; мы можемъ смотрѣть на икону, чтобы возбудить въ себѣ мысль о Богѣ и вообще мірѣ горнемъ, идеальномъ, чтобы проникнуться подъ вліяніемъ чисто физиологическаго акта чувствомъ благоговѣнія предъ горнимъ, небеснымъ. Органъ и отправленіе

слуха мы можемъ употребить на то, чтобы слышать голосъ Божій—и когда онъ раздается въ непосредственномъ откровеніи Бога человѣку и когда онъ раздается посредственно и въ природѣ внѣшней, и въ исторіи человѣка и человѣчества. Не даромъ въ Св. Писаніи дѣйствіе призванія божественной благодати называется гласомъ Божиимъ, который раздается и слышенъ бываетъ тѣми, которые способны еще слышать его во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена исторіи и жизни человѣчества. Не будемъ умножать примѣры, которые въ данномъ случаѣ поразительны и многочисленны; укажемъ только на самый разительнѣйшій примѣръ одухотворенія и идеализированія самаго, повидимому, органическаго процесса—рожденія—чрезъ величайшее въ лѣтописяхъ бытія таинство рожденія Богочеловѣка отъ Пресвятой Дѣвы.

Силою своего духа мы можемъ одухотворять не только органическіе процессы своего тѣла, но чрезъ посредство тѣла можемъ идти къ одухотворенію и окружающаго насъ внѣшняго міра, когда мы понимаемъ его, какъ систему разумныхъ цѣлей средствъ, какъ упорядоченное разумное и цѣлесообразное цѣлое, словомъ, когда смогримъ на него, какъ на зеркало и отображеніе безконечныхъ свойствъ Бога, Творца и Промыслителя его,—и когда, давая бездушному матеріалу желательную форму, выражаемъ въ немъ и, такъ сказать, влагаемъ въ него свою мысль, свою волю и чувство.

Но если, такимъ образомъ, духъ человѣка, возобладавъ надъ тѣломъ и подчиняя себѣ управленія его, одухотворяетъ тѣло и чисто фязіологическимъ процессамъ его усволяетъ нравственный и свободный характеръ; то и наоборотъ, чисто духовныя проявленія нашей природы, въ силу органическаго соединенія въ ней духа съ тѣломъ, становятся въ нѣкоторую зависимость отъ процессовъ тѣлеснаго организма и необходимо принимаютъ на себя нѣкоторое отраженіе тѣлесности. *Mens sana in corpore sano*—говорили древніе, указывая этимъ изрѣченіемъ на дѣйствительный и очевидный фактъ зависимости духа отъ тѣла. Но эта зависимость отражается на всей духовной жизни человѣка, начиная съ самыхъ низшихъ и восходя до самыхъ высшихъ проявленій ея. Она отражается и въ томъ, что само-

малѣйшее духовное возбужденіе сопровождается подъемомъ и возбужденіемъ жизнедѣятельности тѣла, и въ томъ, что самая, повидимому, духовнѣйшая дѣятельность нашего духа—мысленіе сопровождается физическимъ утомленіемъ и замедляется и затрудняется по мѣрѣ усиленія физическаго утомленія, и въ безконечномъ множествѣ другихъ подобныхъ фактовъ. Въ силу тѣхъ же основаній стремленія и жизненныя проявленія нашего духа, также опять начиная съ низшихъ и восходя до самыхъ высшихъ и благороднѣйшихъ, отражаются въ явленіяхъ тѣлеснаго организма и чрезъ посредство его выражаются. Въ самомъ дѣлѣ, прислушаемся и присмотримся къ внутренней жизни нашего духа и убѣдимся въ томъ, что каждая наша мысль, каждое чувство и каждое движеніе воли съ необходимостью ищутъ для себя выраженія въ дѣйствіяхъ тѣла—или въ звукѣ голоса, или въ движеніяхъ рукъ или другихъ членовъ, или во взорахъ глазъ. Лице-зеркало души—говоритъ народная наблюдательность. Правда, мы силою воли своей можемъ задерживать выраженіе нашихъ мыслей и чувствъ во внѣшнихъ движеніяхъ своего тѣла, но тѣ чрезвычайныя усиленія, которыя мы должны сдѣлать надъ собою въ подобныхъ случаяхъ, ясно свидѣтельствуютъ намъ о томъ, какая неотразимая связь между нашимъ духомъ и тѣломъ и какая неотразимая потребность въ нашемъ духѣ къ выраженію своихъ жизненныхъ явленій въ движеніяхъ тѣла. Значеніе и важность этой потребности наглядно можно выразить такъ: духъ нашъ, надѣленный стремленіями къ безконечному идеалу, но заключенный въ тѣло, ищетъ свободы и простора для проявленія своихъ стремленій, онъ хочетъ видѣть, слышать, дѣйствовать дальше тѣла, дальше времени, дальше пространства, но порывы его связываются и затрудняются тѣломъ, поэтому духъ воздѣйствуетъ на тѣло, одухотворяетъ его, дѣлаетъ его своимъ послушнымъ органомъ и чрезъ него, чрезъ его посредство, выходитъ на тотъ просторъ и свободу, которыхъ онъ ищетъ по природѣ своей; и необходимо, чтобы мысль или чувство наша выразились во внѣ, чрезъ посредство движеній нашего тѣла, ибо въ противномъ случаѣ, мысль наша, не проявившаяся во внѣ, будетъ мертворожденною, засохнувшимъ растеніемъ вслѣд-

ствіе отсутствія свѣта и тепла. Хотя нѣкоторыя изъ нашихъ мыслей, желаній и чувствованій и называются тайными и дѣйствительно суть таковыя, потому что они по извѣстнымъ побужденіямъ и до извѣстнаго времени, т. е. до удобнаго момента, остаются безъ осуществленія, но они тѣмъ не менѣе возникаютъ и существуютъ въ интересахъ ранняго или поздняго осуществленія ихъ во внѣ, потому что въ противномъ случаѣ такая мысль и такое желаніе будутъ не здоровою мыслию и трезвымъ желаніемъ, а праздною мечтою и пустымъ сновидѣніемъ. Но какъ лучъ солнечный, проходя чрезъ цвѣтное стекло, окрашивается необходимо въ цвѣтъ этого стекла, такъ и дѣйствія и состоянія нашего духа, выражаясь чрезъ посредство органовъ тѣла, принимаютъ на себя характеръ тѣлесности, т. е. или образно, или дѣйствительно облекаются въ чувственныя и осязаемыя формы.

Такимъ образомъ, на основаніи представленныхъ нами психологическихъ указаній, мы имѣемъ право сдѣлать такое обобщеніе, что во внутренней нашей жизни, въ силу свойствъ самой нашей природы, существуютъ два, такъ сказать, теченія: одно направлено къ одухотворенію тѣлеснаго и матеріальнаго, а другое къ воплощенію и матеріализаціи духовнаго. Физиологическіе процессы своего тѣлеснаго организма, равно какъ и окружающій насъ внѣшній міръ мы хотимъ подчинить своей волѣ, осмыслить—одухотворить, напротивъ, весь идеальный міръ своего духа, міръ отвлеченныхъ понятій и духовныхъ представленій мы матеріализуемъ, т. е. воплощаемъ въ какія либо внѣшнія—пространственныя и временныя формы. Но чего достигаетъ человѣкъ и достигаетъ ли онъ чего-нибудь путемъ этихъ двухъ направленій дѣятельности своего духа, самихъ въ себѣ, повидимому, мало отвѣчающихъ существу предметовъ представленія, ибо одно изъ этихъ направленій оживотворяетъ предметъ мертваго міра и одухотворяетъ слѣпую и безсознательную жизнь міра, а другое даетъ чувственную форму (объективируетъ) духовнымъ явленіямъ? На вопросъ этотъ мы должны отвѣчать утвердительно, т. е. въ томъ смыслѣ, что эта дѣятельность духа не можетъ не сопровождаться благотѣльными послѣдствіями для него уже по тому одному, что оба эти

указанныя нами направленія возникаютъ въ нѣдрѣ нашей природы и являются естественнымъ плодомъ требованія ея и что поэтому результатомъ этой дѣятельности является удовлетвореніе насъ, нашего духа. Но такъ какъ всякое нормальное удовлетвореніе обуславливаетъ собою преуспѣваніе и развитіе духа ли, тѣла ли; то, значить, объективирующая и идеализирующая дѣятельность нашего духа должна быть разсматриваема нами какъ условіе и средство къ развитію нашей внутренней и внѣшней жизни, какъ духа, такъ и тѣла.

Наша мысль о какомъ-нибудь отвлеченномъ сверхчувственномъ предметѣ, облакаясь въ какую-либо чувственную форму, получаетъ конкретность, а вмѣстѣ съ тѣмъ особенную для насъ живленность и силу: сдѣлавшись конкретнымъ, эта мысль становится подѣ нашимъ умственнымъ взоромъ во всей ясности и опредѣленности, какъ полный жизни и бытія предметъ, въ бытіи котораго мы, не смотря на его природную отвлеченность и трансцендентность, убѣждаемся какъ бы дѣйствіемъ непосредственнаго созерцанія. Мы смотримъ на этотъ предметъ или это существо, стоящее теперь предѣ нами въ своемъ опредѣленномъ, конкретномъ образѣ, и если это существо по натурѣ своей безконечно, то благоговѣемъ предѣ нимъ, преклоняемся предѣ нимъ, наслаждаемся имъ и стремимся къ нему. Словомъ, мы становимся въ живую и непосредственную связь и общеніе съ такимъ существомъ, и существо это пріобрѣтаетъ неотразимое вліяніе на всю нашу жизнь. Достаточно въ настоящемъ случаѣ указать одинъ примѣръ. Для насъ гораздо большую цѣну и большую силу имѣетъ слово, сказанное намъ лично, нежели слышанное нами заочно. Но при этой склонности и способности человѣка къ воплощенію въ чувственные образы своихъ мыслей и духовныхъ представленій всѣ законы божественные превращаются въ живую рѣчь къ намъ Бога, всѣ стремленія и идеалы минувшихъ временъ обращаются въ живое къ намъ слово минувшихъ временъ, въ обращенный лично каждому изъ насъ вавѣтъ прошедшихъ поколѣній. Изъ сказаннаго мы можемъ понять, почему чело-
вѣкъ съ необходимостью антропоморфизуетъ свое понятіе о Богѣ

и какое важное имѣетъ значеніе эта антропоморфизація (человѣкообразное представленіе) для жизни человѣка.

Богъ по природѣ своей есть существо безпредѣльное, а поэтому превышающее всѣ предѣлы нашего пониманія и представленія. Мы можемъ быть убѣждены въ томъ, что Богъ истинно и дѣйствительно существуетъ, но такъ какъ Онъ существуетъ во свѣтѣ непреступимъ (I Тим. 6, 16) и такъ какъ поэтому собственнаго образа Его мы видѣть не можемъ; то мы не можемъ представлять бытія Его въ раздѣльныхъ чертахъ. Мы становимся вмѣстѣ съ этимъ въ затрудненіе относительно представленія божественнаго существа. Мы исходимъ изъ понятія о Богѣ, какъ существѣ безпредѣльномъ, но эта безпредѣльность, не имѣющая образа, эта абсолютная безпредѣльность превращается предъ нашею мыслию и нашимъ представленіемъ въ нѣчто непостижимое, хотя и ощущаемое сердцемъ. Тогда мы выходимъ изъ затрудненія такимъ образомъ: безконечному, безпредѣльному, а поэтому для насъ непостижимому существу мы даемъ свой человѣческій образъ и этимъ достигаемъ того, что безпредѣльнаго Бога мы представляемъ какъ определенное существо, какъ имѣющее свой определенный образъ. Правда, представляя Бога человѣкообразно, мы усвоаемъ Ему несвойственный Ему образъ, мы незаконно умаляемъ Его безпредѣльное бытіе, но чрезъ это—и только чрезъ это мы достигаемъ того, что можемъ представлять Бога, какъ определенное существо и притомъ исполненное высочайшей жизни и созванія существо. Изъ сказаннаго мы можемъ видѣть, какъ безусловно необходимымъ, антропоморфизмъ въ области представленія Бога: еслибы въ настоящемъ случаѣ на помощь къ намъ не являлось антропоморфическое представленіе, то и самое представленіе наше о Богѣ было бы невозможно. Значеніе антропоморфизма въ дѣлѣ представленія Бога мы можемъ уподобить значенію зрачка для нашего зрѣнія,—какъ въ зрачкѣ видимые нами предметы умаляются до возможной степени и этимъ обусловливается возможность самаго видѣнія нами крупныхъ предметовъ внѣшняго міра и притомъ многихъ въ совокупности; такъ и возможность нашего представленія безусловнаго и безпредѣльнаго существа обусловливается тѣмъ, что это без-

предѣльное въ нашемъ антропоморфическомъ представленіи умалается для того, чтобы обусловить возможность представленія Бога, какъ существа безпредѣльнаго.

Вслѣдствіе безусловной необходимости антропоморфизма въ представленіи Бога и въ силу невозможности безъ него самаго представленія о Богѣ, мы не только лице Божіе представляемъ человѣкообразно, но переносимъ эту человѣкообразность и на жизнь Божественную, и на Его дѣйствія и отношенія къ міру. Мы представляемъ присутствіе вездѣсущаго и всемогущаго Бога на небѣ, какъ области высшей и совершеннѣйшей сравнительно съ землею; мѣсто покоя Его мы представляемъ въ видѣ величественнаго царскаго престола, окруженнаго водами чиновъ ангельскихъ; твореніе міра мы представляемъ въ смыслѣ послѣдовательнаго изрѣченія Богомъ чисто раздѣльныхъ повелѣній: да будетъ свѣтъ, да будетъ твердь; промышленіе Божіе о мірѣ мы представляемъ какъ смотрѣніе Божества на міръ и т. д.

Священное Писаніе не только не осуждаетъ этого антропоморфическаго представленія Бога и всего міра духовнаго, но и подтверждаетъ его своимъ авторитетомъ, когда во всей силѣ и широтѣ усволяетъ его себѣ, когда указываетъ оправданіе его въ томъ, что Богъ сотворилъ человѣка по своему образу, что Богъ въ теченіе исторіи человѣчества неоднократно являлся людямъ, — избранникамъ своимъ въ видимомъ человѣческомъ образѣ, что Второе Лице Пресвятыя Троицы, Сынъ Божій въ исполненіе времени воплотился и истинно воочеловѣчился отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи для спасенія рода человѣческаго. Опыты же нѣкоторыхъ философскихъ школъ (неоплатонизма, александрійскаго эклектизма) свидѣтельствуютъ, что наше понятіе о Богѣ, неправильно и неестественно лишенное антропоморфической оболочки, теряетъ свою живость и опредѣленность; само существо Божественное, по мѣрѣ все большаго и большаго абстрактированія понятія о немъ, какъ бы постепенно исчезаетъ предъ нашимъ взоромъ и превращается въ нечто совершенно непостижимое для насъ.

Въ антропоморфизмѣ мы облакаемъ въ опредѣленные формы и такимъ образомъ, даемъ образность нашимъ внутреннимъ умопредставленіямъ о мірѣ духовномъ, сверхчувственномъ, по-

мы еще остаемся въ области духа: ибо ваши умопредставленія, хотя и облеченныя въ опредѣленныя формы, все-же остаются внутренними, духовными умопредставленіями. Но мы, въ силу свойства природы нашей и въ силу природнаго направленія дѣятельности нашего духа, хотимъ дать духовнымъ представленіямъ своимъ не только наглядность и конкретность, но и осязаемость; мы хотимъ выдти изъ субъективной области своего духа, и представленія свои о предметахъ и событіяхъ міра сверхчувственнаго и преимущественно о событіяхъ домостроительства нашего спасенія хотимъ облечь въ внѣшніе, чувствамъ подлежащіе знаки и дѣйствія. Вотъ отсюда-то, — изъ этого природнаго стремленія человѣка къ воплощенію своихъ духовныхъ представленийъ во внѣшніе знаки и дѣйствія и, такъ сказать, въ матеріализаціи ихъ, и беретъ начало свое *церковный обрядъ*.

Значить, происхожденіе церковнаго обряда въ существѣ сходно съ происхожденіемъ и началомъ антропоморфизма, — онъ такъ же, какъ и этотъ послѣдній, вытекаетъ изъ потребностей нашей природы къ выраженію во внѣ нашихъ религіозныхъ представленийъ и нашихъ религіозныхъ отношеній къ Богу и, судя по характеру нашей природы, онъ также безусловно необходимъ въ области религіозныхъ отношеній, какъ и антропоморфизмъ въ области религіозныхъ представленийъ.

Но чтобы понять собственное существо обряда и значеніе его для нашей религіозной жизни, мы, вслѣдъ за указаніемъ свойствъ природы человѣка и его психической жизни и дѣятельности, должны выяснить психологическую сторону религіозности, органомъ которой служитъ обрядъ.

Психологическая сторона и основа религіозности такова: религіозныя стремленія обнимаютъ собою всѣ силы и способности духа человѣка, обращая дѣятельность ихъ на высшее, совершеннѣйшее — Бога. Умомъ мы познаемъ то, что даетъ намъ наше познаніе о Богѣ, волею своею мы все существо свое обращаемъ къ Богу и съ готовностью исполняемъ законъ Его, но чувствомъ мы непосредственно воспринимаемъ Бога, чувствуемъ Его, Его существо, Его жизнь, Его дѣйствія, — чувствомъ мы, по выраженію Апостола, какъ бы непосред-

ственно ощущаемъ Бога и находимъ Его (Дѣян. 17, 27); вслѣдствіе этого чувства Бога и нахождения Его мы испытываемъ чувство внутренняго міра и довольства и непосредственно увѣряемся въ бытіи Его. Поэтому собственный центръ религіозной жизни есть чувство—сердце: *сердцемъ отъруется*, говоритъ Апостолъ (Рим. X, 10). Вѣра наша, пока она ограничивается областью одной только мысли, носитъ на себѣ отвлеченный характеръ и остается безъ силы и значенія для насъ, но когда затѣмъ она переходитъ въ область чувства, она принимаетъ характеръ истинной и животворной вѣры. Наши отвлеченныя понятія о Богѣ, какъ существѣ премірномъ, о Его безконечныхъ свойствахъ вѣчности, вседѣйствія, Его святости, благодати, правды, дѣлаясь достояніемъ сердца, переходятъ въ непосредственное чувство божественнаго величія, чувство непосредственнаго нашего нахождения предъ лицемъ Божиимъ (Пс. 138, 7—10), чувство благоговѣнія предъ Богомъ, чувство щедротъ божественныхъ, а эти чувства наконецъ, порождаютъ высшее всѣхъ чувство, представляющее собою объединеніе всѣхъ другихъ совершенныхъ чувствъ,—чувство любви. Такимъ образомъ, наша теоретическая, слѣдовательно, по натурѣ своей философская вѣра, дѣлаясь достояніемъ сердца, принимаетъ на себя видъ любви и чрезъ то дѣлается истинно религіозною вѣрою. Равнымъ образомъ, здѣсь же, въ сердцѣ, принимаетъ истинно религіозный характеръ и наша нравственно-практическая дѣятельность, ибо холодное сознаніе долга, возлагаемаго на насъ самою природою, подъ вліяніемъ сердечной теплоты принимаетъ жизненный видъ любви къ Богу и ближнимъ.

Итакъ, собственный органъ религіи есть чувство, а собственное сѣдалище ея есть сердце. Но чувство характеризуется слѣдующими свойствами. Оно есть, во 1-хъ, такая сила нашего духа, которая всего энергичнѣе стремится къ внѣшнему выраженію своего внутренняго содержанія и своихъ внутреннихъ актовъ въ словѣ или внѣшнемъ какомъ либо дѣйствіи; ибо оно есть та сила, или та сторона нашего духа, которою этотъ послѣдній непосредственно соприкасается или связуется съ внѣшнимъ міромъ; оно есть такая область нашего самосо-

знанія; въ которой одинаково живо и ясно чувствуется біеніе жизни какъ міра сверхъестественнаго, такъ и міра видимаго-матеріальнаго. Поэтому, если мы по влеченію своей природы стремимся къ внѣшнему выраженію своихъ мыслей; то тѣмъ съ большею необходимостью мы стремимся къ выраженію своихъ чувствъ. Пламенное по живости своихъ отправленій и стоящее, такъ сказать, на рубежѣ двухъ міровъ, чувство невольно стремится къ выраженію впечатлѣній міра духовнаго въ дѣйствіяхъ чувственныхъ. Спаситель сказалъ: *отъ избытка сердца уста глаголютъ* (Лк. 6, 45), указывая этимъ на то, что полнота внутренней жизни сердца необходимо отражается во внѣ—въ словѣ. И внутренній и внѣшній опытъ говорятъ намъ, что каждое наше чувство необходимо ищетъ внѣшняго выраженія для себя и притомъ чѣмъ чувство наше полнѣе и интенсивнѣе, тѣмъ оно съ большою настойчивостію и необходимостію стремится къ своему внѣшнему выраженію. Горе, напр., необходимо выражается въ слезахъ, стонахъ, рыданіяхъ, радость въ смѣхѣ, словоохотливости, пѣніи и т. п.

Чувство, во 2-хъ, есть такое проявленіе нашего духа, которымъ всего непосредственнѣе сознается потребность живого общенія съ предметомъ стремленія, и которые за личнымъ отсутствіемъ этого предмета побуждаютъ духъ нашъ творчески создавать образы, напоминающіе намъ этотъ предметъ, чтобы чрезъ посредство этихъ образовъ стать въ связь и общеніе съ самымъ предметомъ стремленія.

Чувство наше, въ 3-хъ, по природѣ своей глубоко, а по характеру своихъ отправленій оно живо, но насколько оно живо, настолько неустойчиво и легко подвижно, и притомъ чѣмъ оно живѣе, чѣмъ оно пламеннѣе, тѣмъ оно неустойчивѣе. Огонь религиозныхъ чувствъ—благочестія, преданности и любви, или такъ называемый религиозный восторгъ, быстро охватываетъ все существо наше, производитъ въ насъ самое блаженное чувство религиозной теплоты; но этотъ огонь быстро также и погасаетъ. Причина такой подвижности чувства заключается частью въ самой природѣ чувства, частью же въ окружающихъ насъ быстро смѣняющихся внѣшнихъ обстоятельствахъ. Но мы хотимъ остановить эту текучесть лучшихъ

нашихъ чувствованій, задержать ихъ стремительность, а для этой цѣли мы хотимъ священный огонь нашихъ религіозныхъ чувствованій, который возгорается въ сердцѣ нашемъ подъ вліяніемъ религіозныхъ вѣрованій, заключить въ какое нибудь внѣшнее дѣйствіе, какъ въ какой нибудь сосудъ и такимъ образомъ хранить ихъ.

Изъ указанныхъ свойствъ нашего сердца, нашего чувствованія, какъ органа религіозности, и беретъ начало свое *церковный обрядъ*. Побуждаемый влеченіями своего сердца, человекъ, стремящійся къ религіозному общенію съ Богомъ, невольно облакаетъ свои вѣрованія или свои представленія о мірѣ духовномъ въ творчески созданные имъ внѣшніе чувствамъ подлежащіе знаки и дѣйствія, чтобы выразить въ нихъ свои религіозныя чувствованія, чтобы чрезъ посредство чувственного удобія вознестись къ невидимому и сверхчувственному и чтобы, наконецъ, чрезъ посредство этихъ образовъ и знаковъ найти возможное удовлетвореніе своимъ чувствованіямъ. Примѣнительно къ этому мы можемъ дать такое опредѣленіе обряду: обрядъ есть внѣшнее дѣйствіе, служащее выраженіемъ нашихъ внутреннихъ религіозныхъ отношеній къ Богу, или, раздѣльнѣе, обрядъ есть такое внѣшнее дѣйствіе, въ которомъ чувственно представляется то или другое наше вѣрованіе или представленіе о мірѣ духовномъ и которое служитъ орудіемъ къ выраженію нашихъ религіозныхъ чувствъ: благоговѣнія, преданности и любви и средствомъ къ удовлетворенію вышего стремленія къ Богу. На такое вменно значеніе обряда и указываетъ церковное пѣснопѣніе: иже херувимы тайно образующе, сопровождающее одно изъ церковныхъ обрядовыхъ дѣйствій (великій выходъ). Смыслъ этой пѣсни такой: созерцая и вникая въ смыслъ совершающагося предъ нами церковнаго дѣйствія (великаго выхода), мы, оставивъ всѣ житейскія заботы и попеченія, такъ сильно притягивающія васъ къ землѣ, и возбуждая духъ свой пѣснью животворящей Троицѣ, перенесемся умомъ своимъ изъ этого міра дольняго въ міръ горній и, вообразивъ себя въ обществѣ небесныхъ духовъ, примемъ участіе въ томъ царственномъ прославленіи и величаніи, которое воздаютъ ангелы Христу Господу; какъ

Царю царствующихъ и Господу господствующихъ и какъ побѣдителя ада и смерти, и въ той хвалебной пѣснѣ, которую они немолчно воспѣваютъ Ему: аллилуія, аллилуія, аллилуія.

Если мы, затѣмъ отъ теоретическихъ опредѣленій обряда и его психологическаго источника, обратимся къ историческому разсмотрѣнію и изученію обрядовыхъ дѣйствій, входящихъ въ кругъ нашего богослуженія; то мы найдемъ, что въ каждомъ церковномъ обрядѣ воплощена какая-нибудь религіозная идея или какое-нибудь представленіе о мірѣ небесномъ, и что каждый обрядъ, возводя умъ нашъ отъ чувственнаго къ небесному, служитъ средствомъ или орудіемъ къ пробужденію въ насъ и къ выраженію нами нашихъ религіозныхъ чувствъ, вызываемыхъ религіозною идеею обряда; найдемъ также, что въ цѣломъ кругѣ нашихъ обрядовыхъ дѣйствій воплощена вся совокупность великихъ христіанскихъ вѣрованій и что въ кругѣ этихъ дѣйствій намъ представляются и предлагаются самыя разнообразныя, и притомъ близкія къ нашему сердцу средства какъ для пробужденія въ насъ, такъ и для выраженія нами нашихъ религіозныхъ чувствъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы съ вѣрою и разумніемъ стоимъ въ храмѣ, присутствуя при богослуженіи, то въ сѣняющихся одно за другимъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ его мы должны видѣть и уразумѣвать рядъ драматическихъ дѣйствій или живыхъ картинъ, пластически представляющихъ намъ событія изъ міра духовнаго, невидимаго, умъ нашъ возносящихъ къ горнему, а сердце наше наполняющихъ чистыми и высокими религіозными чувствованіями.

Такъ, въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ повседневнаго общественнаго богослуженія, для возбужденія насъ къ высшему созерцанію и для пробужденія въ насъ высокихъ религіозныхъ чувствованій, въ послѣдовательномъ порядкѣ дневныхъ службъ, воспоминаются и пластически воспроизводятся: то дѣла дѣла Вожія, всемогущества и Божіей благодати: твореніе міра и промышленіе о немъ, то печальныя событія исторіи рода человѣческаго: паденіе нашихъ прародителей и изгнаніе ихъ изъ рая; но, особеннымъ и главнымъ предметомъ для обрядовыхъ дѣйствій служатъ дѣла безконечной божественной любви, явленной въ исторіи искупленія рода человѣческаго крестною

смертію Богочеловѣка. Божественная литургія въ кругѣ общественнаго и повседнежнаго богослуженія есть по преимуществу божественная служба, въ которой послѣдовательнымъ рядомъ дѣйствій воспроизводятся предъ нашимъ взоромъ всѣ выдающіяся обстоятельства земной жизни нашего Спасителя, начиная съ рожденія Его отъ Пресвятой Дѣвы и положенія Его въ ясляхъ и кончая славнымъ вознесеніемъ Его на небо для участія въ вѣнной славѣ Отца и для непрестаннаго ходатайствованія предъ Богомъ, и при этомъ воспоминаніи или въ самомъ этомъ воспроизведеніи выражаются или изливаются тѣ святія чувствованія, которыя пробуждаютъ въ сердцѣ нашемъ воспоминаемыя событія: смиренія, благоговѣнія, преданности, любви, благодарности, сливающіяся въ концѣ литургіи въ одну общую гармонию, выражаемую въ словахъ церковной пѣсни: *Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ и молимтися, Боже нашъ.*

Въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ постового богослуженія, вслѣдствіе сознанія и представленія о непрестанныхъ грѣхахъ человека, оскорбляющихъ великаго Бога и влекущихъ человека къ гибели, выражаются скорбныя и покаянныя чувства печали о грѣхахъ нашихъ и смиренія предъ всесвятымъ Богомъ.

Въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ богослуженія страстной седмицы, для возбужденія въ насъ, со одной стороны, чувства печали о грѣхахъ и смиренія предъ Богомъ, а съ другой—удивленія предъ безконечнымъ божественнымъ снисхожденіемъ, умиленія и совершеннѣйшей преданности Богу, воспоминается объ умиляющихъ и потрясающихъ душу событіяхъ послѣднихъ дней земной жизни Спасителя: Его шествіи на вольную страсть, Его, крестныхъ страданій, смерти на крестѣ и положенія бездыханнаго тѣла Его во гробъ.

Въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ праздничнаго богослуженія рядомъ съ воспроизведеніемъ событій, воспоминаемыхъ во вседневномъ богослуженіи, а иногда при устраненіи нѣкоторыхъ изъ этихъ воспоминаній, воспроизводятся тѣ или другія событія изъ земной жизни нашего Спасителя или исторіи христіанской церкви, для праздничнаго и торжественнаго выраженія радостныхъ чувствъ церкви къ Богу Спасителю нашему

и къ святымъ Его, оказавшимъ и оказывающимъ благодѣянія свои къ церкви воинствующей. Такъ, въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ самаго радостнаго и торжественнаго для церкви дня— Воскресенія Христова—воспоминается это событіе, какъ величайшее откровеніе любви и славы божественной и вмѣстѣ съ этимъ воспоминаніемъ выражаются чувства торжества побѣды жизни надъ смертію, добра надъ зломъ, правды надъ неправдою; ибо въ моментъ воскресенія Христа *смерть поправа смертію и сущимъ во гробѣхъ*, т. е. уже отданнымъ во власть смерти, *подана жизнь*. Подобныя же радостныя и свѣтлыя чувства выражаются въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ при богослуженіи въ другіе праздничные дни, по поводу и воспроизведеніи ими другихъ событій изъ земной жизни Спасителя или изъ жизни Пресвятой Дѣвы и святыхъ угодниковъ Божіихъ.

Но кругъ событій, воспоминаемыхъ христіанскою Православною церковію въ дѣйствіяхъ общественнаго богослуженія, такъ великъ, что перечисленіе этихъ дѣйствій, а вмѣстѣ и указаніе чувствованій, соединяемыхъ съ этими дѣйствіями, будетъ дѣломъ немаловажнымъ.

Какъ вѣншее выраженіе нашихъ духовныхъ представленій въ творчески созданныхъ чувственныхъ образахъ и дѣйствіяхъ, обрядъ очевидно имѣетъ сходство съ произведеніями поэзіи и искусства, преимущественно съ трагедіею и драмою. Въ драмѣ или трагедіи берется какой-нибудь выдающійся историческій моментъ и воспроизводится въ созданныхъ творческою фантазіею поэта лицахъ, образахъ и дѣйствіяхъ,—для того, чтобы мы, читая эту драму или смотря на представленіе ея, могли духомъ своимъ перенестись въ эту изображаемую въ драмѣ эпоху, чтобы мы вмѣстѣ съ этимъ въ возставшихъ образахъ жизни могли видѣть и уразумѣвать духъ жизни, оживляющій ту эпоху, тѣ идеи и стремленія, которыми жили лучшіе люди того времени. И вотъ, дѣйствительно, творческою силою поэта, какъ бы по какому-нибудь волшебному мановенію, въ хорошей драмѣ какъ бы снова начинается жизнь уже завершенная и уже минувшая, снова встаютъ предъ нами, какъ живые, образы выдающихся дѣятелей этой минувшей

жизни. Они проходятъ предъ нами, свидѣтельствуя намъ о волновавшихъ ихъ интересахъ, стремленіяхъ и цѣляхъ жизни, о своихъ радостяхъ и печаляхъ. Благородныя стремленія возставшихъ предъ нашею мыслию въ своемъ живомъ образѣ дѣйствующихъ лицъ драмы, ихъ высокія идеи, ихъ самоотверженныя дѣянія въ пользу человѣчества возбуждаютъ въ насъ добрыя чувствованія и располагаютъ къ подражанію, тогда какъ злодѣянія и пороки злодѣевъ, выступающихъ въ драмѣ рядомъ съ героями идеи и добра, возбуждаютъ въ насъ чувство отвращенія отъ этихъ черныхъ дѣвий и сожалѣніе объ ихъ дѣятеляхъ. Вотъ какъ старецъ Пимень въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина опредѣляетъ цѣль и задачу лѣтописи:

„Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Своей страны мнувшую судьбу...
„Своихъ царей великихъ поминаютъ
„За ихъ труды, за славу, за добро,—
„А за грѣхи, за тайныя дѣянья
„Спасителя смиренно умоляютъ“.

Такъ равно и обрядовыя дѣйствія христіанскаго богослуженія представляютъ намъ, какъ мы выяснили выше, невидимый намъ духовный міръ въ живой дѣйствительности, чтобы мы чрезъ посредство чувственнаго перенеслись умомъ своимъ въ этотъ невидимый міръ и, созерцая жизнь и дѣянія его, прониклись чувствомъ истиннаго благоговѣнія и смиренія предъ этимъ безпредѣльнымъ и святымъ міромъ.

Произведенія поэзіи и искусства, воспроизводяція предъ нами извѣстныя событія, дѣянія и эпохи и воскрешающія, такъ сказать, предъ нами дѣятелей этихъ дѣвий, событій и эпохъ, отличаются характеромъ художественности и запечатлѣны печатію прекраснаго. Причина этого заключается въ самомъ характерѣ и цѣли поэтическихъ произведеній. Цѣль поэтическаго произведенія—установить возможно—полное соотвѣтствіе между идеею и ея формою, каковаго въ дѣйствительности обыкновенно не бываетъ,—найти и творчески создать отвѣчающее идеѣ выраженіе ея—значитъ прекрасное. Герои драмы или трагедіи—это такіе люди, въ которыхъ идеи

правды, добра, любви, самопожертвованія нашли для себя возможно полное выраженіе; слѣдовательно, это лучшіе люди; отличающіеся своею нравственною и вмѣстѣ физическою красотою и мощію,—это люди, составляющіе украшеніе не только своего поколѣнія, но и всего человѣческаго рода. Будучи прекрасными въ себѣ самихъ, эти люди являются прекрасными и въ своихъ дѣйствіяхъ, которыя суть выраженіе ихъ внутренняго настроенія, ихъ стремленія къ осуществленію идей—истины, добра и красоты. Увлекая насъ своимъ внутреннимъ достоинствомъ, они увлекаютъ насъ и красотою своихъ дѣйствій; они являются поражающими насъ своею красотою и увлекающими за собою даже тогда, когда обстоятельства ихъ жизни принимаютъ трагическій оборотъ. Мы можемъ плакать, сожалѣть о печальной судьбѣ героя или героини той или другой трагедіи, но мы не можемъ не видѣть, что ореолъ прекраснаго не покидаетъ нашего героя даже и въ то время, когда онъ страдаетъ, можно сказать даже болѣе, что это сіяніе прекраснаго еще виднѣе и замѣтнѣе бываетъ во время этихъ страданій; ибо это страданія за идею,—это страданія, обнаруживающія внутреннее нравственное достоинство и красоту страдальца.

Такъ равно и обрядовыя церковныя дѣйствія,—всѣ безъ исключенія,—являются запечатлѣнными характеромъ художественности и красоты. Стоитъ посмотрѣть на украшенія, а иногда и въ собственномъ смыслѣ великолѣпіе нашихъ храмовъ, на живопись—нерѣдко истинно художественную—иконъ, украшающихъ наши храмы; стоитъ посмотрѣть на совершеніе нашего богослуженія, особенно архіерейскаго, на облаченія священнослужителей, священныя принадлежности храма: крестъ, евангеліе, свѣчи и т. д.; стоитъ послушать наше стройное хорое церковное пѣніе, чтобы понять, что признакъ истинно художественнаго и истинно прекраснаго есть основной признакъ нашего внѣшняго православнаго богослуженія, а въ частности и церковнаго обряда. Это и совершенно естественно. Мы видѣли уже, что въ нашихъ православныхъ церковныхъ обрядахъ воспроизводятся тѣ или другія дѣла божественныя:

и выражаются тѣ или другія христіанскія идеи, сами въ себѣ истинно церковныя, исполненыя внутренней безпредѣльной красоты, почему творческій духъ церкви, облакающій духовныя христіанскія идеи въ видимые образы, создаетъ для выраженія этихъ идей такіе формы и образы, въ которыхъ идея находитъ для себя по возможности полное выраженіе и въ которыхъ она выражается какъ прекрасная.

За сродство церковнаго обряда съ произведеніями искусства и поэзіи говоритъ тотъ историческій фактъ, что религія и искусство всегда стояли между собою въ тѣсной внутренней связи. Исторія даже свидѣтельствуетъ намъ, что искусство всегда и вездѣ возникало первоначально изъ религіозныхъ потребностей человѣческихъ обществъ и возникало именно для удовлетворенія этихъ потребностей, для нагляднаго и притомъ художественнаго выраженія ихъ. Выражаясь образно, можно сказать, что искусство родилось у алтаря и первоначально служило алтарю, т. е. потребностямъ богослуженія. Религія давала творческой способности человѣческаго духа высшія и благороднѣйшія идеи, исполненныя сами въ себѣ чистой и возвышенной красоты; творческое искусство, воспринявъ эти идеи, облакало ихъ въ художественныя виѣшнія формы и въ этомъ видѣ возвращало ихъ религіи, принося такимъ образомъ какъ бы жертву Богу, какъ источнику добра и красоты. Известенъ также тотъ историческій фактъ, что все великія произведенія искусства какъ древнихъ, такъ и новыхъ временъ внушены религіею и были посвящены ей. Такъ, у евреевъ лирическія пѣсни, пѣніе, музыка имѣли религіозный характеръ и служили выраженіемъ богопочтенія, составляли собою главные части общественнаго богослуженія; у древнихъ языческихъ народовъ искусство главнымъ образомъ служило религіи; великія произведенія древняго языческаго міра—это были храмы, статуи боговъ и богинь и т. д.; да и у самихъ христіанскихъ народовъ самыя лучшія, самыя великія произведенія искусства, которыя составляютъ украшеніе человѣчества, которыя свидѣтельствуютъ о величій творческой силы духа человѣческаго какъ въ области архитектуры, такъ и въ области му-

зыки, живописи, скульптуры внушены христіанствомъ и выражаютъ христіанскія идеи. Правда, въ новѣйшее время поэзія и искусство стали все болѣе и болѣе эмансипироваться отъ религіи и отдѣляться отъ нея, брать свое содержаніе не изъ области только религіи и религіозной жизни, но преимущественно изъ политической и семейной жизни людей, а также и жизни природы; но это обстоятельство говоритъ только о самостоятельности искусства, но не противоположности его религіи.

Ив. Перовъ.

(Окончаніе будетъ).

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ.

(ПО ЭДЕРШЕИМУ).

(Продолженіе *).

ГЛАВА VIII.

Ученіе въ храмѣ въ восьмой день праздника кущей. (Іоанн. VIII. 12—59).

Удивительное ученіе въ „последній“, „великій день праздника“ не было единственнымъ, преподааннымъ въ это время. Въ нашемъ умѣ остается впечатлѣніе, что послѣ того, какъ начальники заставили, какъ они думали, замолчать Никодима, вожди фарисеевъ разошлись ¹⁾. Рѣчи Иисуса Христа, слѣдовавшія затѣмъ, были поэтому, вѣроятно, произнесены или позже въ тотъ же день, или, что, судя по всему, представляется болѣе вѣроятнымъ, большею частію, или же полностью, въ слѣдующій день ²⁾, который былъ восьмымъ днемъ праздника, когда въ храмѣ опять начали толпиться богомольцы.

Мы находимъ Христа при этомъ сначала въ „сокровищницѣ“

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1904 г. № 18.

¹⁾ Такъ, хотя Іоанн. VIII. 59 и слѣдуетъ отвергнуть, какъ не подлинный, но весь контекстъ, кажется, подразумеваетъ, что, въ настоящемъ случаѣ, слушатели Христа разошлись.

²⁾ Впрочемъ не невѣроятно, что первая рѣчь (ст. 12—19) могла быть сказана въ послѣполуденное время „последняго дня праздника“, когда прекращеніе приготовленій въ храмовой иллюминаціи могло дать внѣшній поводъ для словъ: „И свѣтъ міру“. Къ ст. 12 и 21, кажется, въ обоихъ случаяхъ указываютъ на новые періоды времени. Кроме того, едва ли можно предполагать, что все отъ VII. 37 до VIII. 59 совершилось въ одинъ день. Объ этомъ и другомъ, касающемся предмета, см. *Lücke*, т. II, стр. 279—281.

(Иоанн. VIII, 20), а затѣмъ (ст. 21)—въ какой-то неназванной части священнаго зданія, по всей вѣроятности въ одномъ изъ „портиковъ“. Здѣсь существовала большая свобода, потому что эти „портики“, устроенные во дворѣ язычниковъ, не составляли части храма въ болѣе строгомъ смыслѣ. Тутъ и могли произойти разсужденія, въ которыхъ не одни „фарисеи“ (ст. 13), какъ въ „сокровищницѣ“ храма, но и весь вообще народъ могъ предлагать вопросы, отвѣты или же выражать свое согласіе. Далѣе,—относительно требованій настоящаго разсказа,—если портики имѣли выходы во дворъ, то іудеи могли тамъ набрать себѣ камней, чтобы бросить ихъ въ Іисуса Христа (что было бы невозможно въ самомъ зданіи храма). Наконецъ, Іисусъ Христосъ легко могъ выйти изъ храма въ толпу, которая двигалась чрезъ портики къ внѣшнимъ вратамъ ¹⁾).

Но разсказъ сначала переноситъ насъ въ „сокровищницу“, гдѣ „фарисеи“, или начальники, одни могли осмѣлиться вести рѣчь. Нужно въ особенности замѣтить, что если они не положили рукъ на Іисуса Христа, когда Онъ осмѣлился учить въ этомъ священномъ мѣстѣ и притомъ высказывать столь непріятныя фарисеямъ мысли, то причиною этой Его безопасности, какъ слѣдуетъ думать, было высшее божественное опредѣленіе. Такъ случилось, „потому что не пришелъ часъ Его“ (ст. 20). Здѣсь мы можемъ поставить археологическій вопросъ относительно мѣстонахожденія „сокровищницы“, именно называлась ли такъ колоннада около „двора женщинъ“, въ которую полагались добровольныя приношенія (Шекал. VI, 5), т. е. *шофаротъ*, или „трубы“, или же одна изъ двухъ комнатъ, въ которой или тайные дары ²⁾, или обѣтныя жертвы ³⁾ приносились ⁴⁾. Представляется болѣе вѣроятнымъ первое. Во всякомъ случаѣ разсказанное совершилось во „дворѣ женщинъ“,—этомъ общемъ сборномъ мѣстѣ богомольцевъ,

¹⁾ Последнія предложенія ст. 59 „прошелъ посреди ихъ и пошелъ далѣе“, должны быть отвергнуты, какъ неподлиныя.

²⁾ Такъ наз. „комната молчанія“ (*хамимъ*) Шекал. V, 6.

³⁾ „Комната сосудовъ“ (*келимъ*). Она находилась или надъ комнатой, въ которой Агриппа повѣсилъ золотую цѣль своего плѣненія (Jos. Antiq. XIX, 6, 1), или же въ ней.

⁴⁾ Ср. вообще „The Temple and its Services“, стр. 26, 27.

какъ мы можемъ сказать, особенно часто посѣщаемой части храма ¹⁾. Здѣсь, вслухъ народныхъ начальниковъ, и произошелъ первый разговоръ Христа съ фарисеями.

Онъ начался съ того, что было вѣроятно намекомъ и на великую церемонію во время праздника кущей, на ея символическій смыслъ, и на ясное миссіанское оживленіе раввиновъ. Мишна говоритъ, что въ первую (Сукк. V, 2), или, какъ могъ говорить талмудъ (Іер. Сукк. 55b; Сукк. 53a), въ каждую ночь ²⁾ праздничной недѣли „дворъ женщинъ“ бывалъ ярко освѣщенъ, а въ самую ночь совершались демонстраціи уже описанныя. Это называлось „праздничною радостью“: „Праздничная радость“, происхожденіе которой темно, была безъ сомнѣнія связана съ надеждой на великую всеобщую жатву въ обращеніи языческаго міра, и тѣмъ указывала на „дни Мессіи“. Въ связи съ этимъ замѣтимъ, что терминъ „свѣтъ“ спеціально прилагался къ Мессіи. Въ одномъ очень интересномъ мѣстѣ мидраша (Бемидб. V, 15, изд. Варш. стр. 652a, b) рассказывается, что если обыкновенныя окна дѣлались широкими внутри и узкими внѣ, то было какъ разъ наоборотъ въ храмѣ Соломоновомъ, потому что свѣтъ, свѣтившій изъ храма, долженъ былъ освѣщать то, что находилось внѣ. Это напоминаетъ намъ рѣчь благочестиваго старца Симона о Мессіи (Лук. II, 32), какъ о „свѣтѣ къ просвѣщенію язычниковъ и славѣ Его народа, Израиля“. Мидрашъ, далѣе, объясняетъ, что если свѣтъ храма долженъ былъ всегда свѣтить предъ Іеговой, то причина этого заключалась не въ томъ, что Онъ имѣлъ нужду

¹⁾ „Дворъ женщинъ“ (יחנאן'ים Jos. Bell. Jud. V, 5, 8, ср. также V, 5, 2), такъ называемый потому, что женщины не могли проходить дальше. Это былъ дѣйствительный дворъ храма. Здѣсь училъ Іереміи (XIX, 14; XXVI, 2). Но не точно говорятъ (Весткоттъ), что совѣщательная комната синодріона (азитъ) была „между дворомъ женщинъ и внутреннимъ дворомъ“. Она была на юго-восточномъ концѣ двора священниковъ и потому въ значительномъ разстояніи отъ двора женщинъ. Но, не говоря о томъ, что синодріонъ не собирався въ этой комнатѣ,—если бы она находилась и ближе, то ученіе Христа въ сокровищницѣ не могло произойти (въ какой бы то ни было періодъ) „вслухъ синодріона“, потому что онъ не держалъ вѣзданій въ это время.

²⁾ Хотя раввинъ Іошуа говоритъ (въ талмудѣ), что по всемъ ночамъ праздничной недѣли они „не спали“, это представляется едва ли вѣроятнымъ, и мишна мишна болѣе рациональна. *Matjконидъ*, однако, приписываетъ взглядъ талмуда (Hilch. Lul. VIII, 12).

въ такомъ свѣтѣ, но что Онъ почтилъ Израиля символическою заповѣдію о такомъ свѣтѣ. Въ мессіанскія времена Богъ, во исполненіе пророчественнаго смысла обряда, „заставитъ свѣтитъ для іудеевъ великій свѣтъ“, а народы міра будутъ указывать на Израиля, который зажегъ свѣтъ для того, кто свѣтитъ всему міру. Но и это не все. Раввины говорятъ о первоначальномъ свѣтѣ, въ который Богъ одѣвался, какъ въ одежду (Бер. р. 3), и который не могъ свѣтитъ днемъ, потому что затмѣвалъ свѣтъ солнца. Отъ этого свѣта получился свѣтъ солнца, луны и звѣздъ (Бемидб. Р. 15). Первоначальный свѣтъ сохранялся подъ престоломъ Божиимъ для Мессіи (Яик. Ис. IX), во дни котораго онъ засвѣтитъ оиять. Наконецъ, мы должны сослаться на одно мѣсто и въ другомъ мидрашѣ (Плаг. I, 16, изд. Варш. стр. 64a, b), гдѣ послѣ замѣчательнаго разсужденія объ именахъ Мессіи, „Богъ наша Праведность“, „Отрасль“, „Утѣшитель“, „Шило“, „Состраданіе“, рожденіе Мессіи поставляется въ связь съ разрушеніемъ, а Его возвращеніе съ возстановленіемъ храма ¹⁾. Но въ этомъ самомъ мѣстѣ Мессія названъ „Просвѣтителемъ“; слова: (Дан. II, 22), „свѣтъ обитаетъ съ Нимъ“ прилагаются къ Мессіи.

Только что изложенное показываетъ, что въ мессіанской надеждѣ старца Симеона (Лук. II, 32) наиболѣе вѣрно выразились мессіанскія надежды того времени. Слова Симеона показываютъ также, что и фарисеи не могли ошибаться въ мессіанскомъ значеніи словъ Іисуса Христа, какъ они относились къ минувшему торжеству: „Я свѣтъ міру“. Это обстоятельство и само по себѣ имѣетъ апологетическое значеніе для разсматриваемой рѣчи Христа, для признанія настоящаго разсказа истиннымъ и даже свидѣтельствуетъ о принадлежности четвертаго евангелія іудейскому автору. Но именно и вся рѣчь, и разговоръ, который слѣдовалъ за ней, равно какъ и послѣдующее обращеніе Спасителя къ іудеямъ и разговоръ съ ними, особенно отличаются іудейскимъ характеромъ по формѣ доказательства. Существенно эти рѣчи составляютъ продолженіе тѣхъ рѣчей, которыя были сказаны раньше на томъ

¹⁾ Мѣсто это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ—относительно мессіанскихъ взглядовъ раввиновъ. См. приложение IX.

же правдикѣ. Но въ повдѣйшихъ явъ этихъ рѣчей доказывается нѣчто большее. Здѣсь дѣлается по одному шагу и назадъ и впередъ. Положеніе дѣлъ теперь совершенно выяснилось и ни одна сторона не заботилась, чтобы прикрыть чѣмъ нибудь его. То, о чемъ Иисусъ Христосъ постепенно сообщалъ ученикамъ, которые столь медленно воспринимали Его ученіе, теперь сдѣлалось призваннымъ фактомъ. Не было больше тайной, что начальники Израиля и Иерусалима вступили теперь въ заговоръ о преданіи смерти Иисуса Христа. Это предполагается всѣми Его словами. Онъ же хотѣлъ отворотить ихъ отъ принятаго ими намѣренія, обращаясь не къ чувству состраданія въ нихъ, и не къ какому либо другому побужденію, а признавая Своимъ правомъ то, за что они хотѣли осудить Его. Онъ *былъ* Посланникъ Божій, Мессія. Но для того, чтобы знать Его, нужно имѣть нравственную близость къ Тому, Кто послалъ Его. Это-то именно и вело къ разъясненію самой сущности дѣла. Требовалась нравственная близость къ Богу. Близокъ ли былъ къ Нему Израиль, какъ такой? *Нѣтъ, не былъ близокъ.* Даже и ни одинъ человекъ не имѣлъ этой близости, если она не преподавалась ему Самимъ Богомъ. Такое ученіе, содержащееся въ разсматриваемыхъ рѣчахъ Христа, не было совершенно новымъ; но оно было теперь гораздо яснѣе прежняго изложено и развито, и въ этомъ смыслѣ отличалось повизпой.

И мы также весьма охотно не обращаемъ вниманія на это ученіе Христа, можетъ быть просматриваемъ его. Оно относится къ развращенію всей нашей природы грѣхомъ, и отсюда къ нашей нуждѣ въ наученіи отъ Бога, если мы принимаемъ Христа и желаемъ усвоить Его ученіе. Рожденное отъ плоти есть плоть; рожденное отъ Духа есть духъ; поэтому „не удивляйся тому, что Я сказалъ тебѣ: должно вамъ родиться свыше“ (опять). Таково было первоначальное ученіе Христа, преподаванное Никодиму; и оно, пріобрѣтая все большую и большую точность, дѣлалось окончательнымъ ученіемъ, которое сообщено было Имъ учителямъ Израиля. Апостоль Павелъ не первый проповѣдалъ ученіе о полномъ нашемъ нравственномъ развращеніи: онъ заимствовалъ свое ученіе отъ Христа. Оно

составляетъ самое основаніе христіанства; оно есть послѣднее основаніе нужды въ Искупителѣ и есть *rationale* дѣла, которое Христосъ пришелъ совершить. Священническое служеніе и жертвоприношеніе Христа, равно какъ и высшая сторова Его пророческаго служенія и истинный смыслъ Его царскаго достоинства не отъ міра сего, здѣсь именно имѣютъ свое основаніе. Очень замѣчательно, что ученіе это составляетъ исходный пунктъ въ основномъ различіи между начальниками синагоги и Христомъ,—пунктъ, который, можно сказать, остался на всѣ времена, сдѣлался отличительнымъ между христіанами и нехристіанами. Учители Израиля не знали о полномъ развращеніи человѣка и не вѣрили въ него,—о развращеніи какъ іудей, такъ и элина, и поэтому не чувствовали нужды въ Искупителѣ. Они не могли понять, какимъ образомъ „человѣкъ“, по крайней мѣрѣ іудей, если „не родится опять“ и „свыше“, то не можетъ войти въ царство Божіе и даже увидѣть его. Они не понимали своей собственной Библии,—исторіи грѣхопаденія,—не понимали Моисея и пророковъ; какъ они могли понять Христа? Они не вѣрили въ нихъ; какъ они могли вѣрить въ Него? И однако если смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, и именно съ этой, то все дѣлается яснымъ: воплощеніе, исторія искупенія и побѣды въ пустынѣ, даже крестъ. Только человѣкъ, который въ нѣкоторой степени пережилъ самъ агонію перваго сада, можетъ понимать и агонію *второго сада*. Если бы іудеямъ, быдо извѣстно по личному опыту, который и всѣ мы должны имѣть, первое благовѣстіе о великой борьбѣ и великой побѣдѣ чрезъ страданіе, то они послѣдовали бы за Христомъ, который раскрывалъ благовѣстіе предъ ними, до самой окончательной цѣли во Христѣ, какъ исполненіи всего. Такимъ образомъ, и въ настоящемъ случаѣ слова Христа, что для пониманія Его ученія нужно было небесное просвѣщеніе и близость къ божественному, были истинны.

Это и служить подкладкой и составляетъ главный предметъ разсматриваемыхъ рѣчей Христа. Въ видѣ прибавленія Онъ могъ еще говорить, что сатана не только злое и коварное, разрушительно дѣйствующее, существо, но что существовала

нравственная сила вла, которая имѣла власть надъ всѣми людьми, не только надъ языческимъ міромъ, но даже и надъ наиболѣе любимыми учеными и возвышенными людьми среди іудеевъ. Сатана былъ средоточіемъ и олицетвореніемъ этой силы; былъ княземъ власти „тмы“. Этимъ объясняется ходъ аргументаціи Христа, какъ выраженной, такъ и подразумеваемой. Онъ представился іудеямъ, какъ Мессія, и отсюда, какъ свѣтъ міра. Въ результатѣ было то, что, только слѣдуя за Нимъ, могъ человѣкъ „не ходить во тмы“¹⁾, но имѣть свѣтъ, и притомъ,— слѣдуетъ замѣтить,—свѣтъ не знанія, а жизни (Іоанн. VIII, 12). Съ другой стороны, слѣдствіе заключалось и въ томъ, что всѣ, которые не освѣщались этимъ свѣтомъ, находились во тмѣ и снѣи смертной. ~~Здѣсь Христосъ обращается къ нравственной сторонѣ Своихъ слушателей. Фарисеи хотятъ опровергнуть Его ссылкою на внѣшнее и видимое. Они требуютъ нѣсколькихъ свидѣтелей, или очевиднаго доказательства того, что они называли Его свидѣтельствомъ о Себѣ (ст. 13), хорошо зная, что такое могло быть дано только чрезъ нѣкоторое видимое, внѣшнее, чудесное явленіе. Именно, здѣсь произошло то же, что и прежде, когда они просили знаменія съ неба. Библия, и особенно евангельская исторія, наполнены тмѣ, что люди называютъ чудесами, хотя часто и не соединяютъ съ этимъ выраженіемъ никакого смысла. Но въ рассматриваемомъ случаѣ чудесное могло сдѣлаться волхвованіемъ, которымъ оно никогда на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Если бы Христосъ уступилъ просьбѣ фарисеевъ и перенесъ вопросъ изъ нравственной области въ грубо—внѣшнюю сферу, то пересталъ бы быть Мессіей—Спасителемъ. Евангельскій Мессія сдѣлался бы тогда не Мессіей, потому что тутъ, только въ иной формѣ, повторилось искушеніе. Чудо или знаменіе въ данный моментъ было бы нравственнымъ анахронизмомъ, подобно тому, какимъ чудо было бы и въ наши дни²⁾, когда Христосъ обращается~~

1) Замѣтите здѣсь присутствіе опредѣленнаго члена.

2) Тутъ въ существенномъ такъ же очевидность, какая требуется естественниками отрицательнаго направленія въ наши дни. Я не могу вообразить большаго недоразумѣнія относительно характера и ученія христіанства, чѣмъ найр.

къ нравственному и встрѣчается съ требованіемъ внѣшней и матеріальной доказательности Своихъ словъ.

Перерывъ со стороны фарисеевъ (Іоанн. VIII. 13) отличался исполнѣ іудейскимъ характеромъ. Таково же было и ихъ возраженіе. На все это нужно было отвѣтить и притомъ въ іудейской формѣ ¹⁾, въ которой возраженіе было дано. Между тѣмъ, одновременно съ этимъ, Христосъ долженъ былъ и продолжить Свое прежнее учевіе, обращенное къ фарисеямъ, о Богѣ и ихъ собственномъ удаленіи отъ Него. Ихъ возраженіе сводилось къ слѣдующему основному юридическому принципу: „никто не можетъ свидѣтельствовать самъ о себѣ“ (Кетуб. II. 9). Какъ бы ни былъ по временамъ суровъ и даже несправедливъ этотъ принципъ ²⁾, онъ, очевидно, имѣлъ приложеніе только въ *юридическихъ* случаяхъ, и отсюда—подразумѣвалъ, что фарисеи начали уже судить Христа, какъ подозрѣваемаго и обвиненаго въ преступленіи. Отвѣтъ Іисуса Христа былъ ясенъ. Даже если Его свидѣтельство о Себѣ и не было бы подтверждено, оно могло бы быть еще истиннымъ, и Онъ могъ указывать на это свидѣтельство, потому что зналъ фактически, откуда Онъ пришелъ и куда идетъ, зналъ и Свое собственное, и Божіе участіе въ Своей миссіи и ея цѣль, между тѣмъ какъ они не знали ни того, ни другого (Іоанн. VIII. 14). Но этого недостаточно. Требованіе фарисеями свидѣтельства происходило отъ того, что они приняла на себя обязанность судей, и смотрѣли на Него, какъ на отвѣтника,—отношеніе возникшее исключительно потому, что они судили по плоти. Духовное сужденіе о томъ, что внутри, принадлежитъ только Тому, кто знаетъ все тайны. Христосъ пока жилъ на землѣ, не судилъ никого; даже если бы Онъ и судилъ, то нужно помнить, что

то, которое выражается въ предложеніи засвидѣтельствовать дѣйствительность молитвы исцеленіемъ выздоровленіи лицамъ, помѣщеннымъ въ госпиталь! Все это есть язычество, а не христіанство.

1) Замѣтимъ, что это опять говорить въ пользу іудейскаго происхожденія четвертаго евангелія.

2) Такимъ образомъ, свидѣтельство одного человѣка, что во время осады язычниками Іерусалима его жена не оставила его ни разу, не было принято, и мужъ съ овсой женой былъ разведенъ (Кетуб. II. 9).

Онъ судилъ не одинъ, но съ Отцомъ, и въ качествѣ Лица, посланнаго Имъ. Поэтому Его судъ и долженъ быть истиннымъ (стт. 15, 16). Что касается ихъ главнаго обвиненія, то было ли оно истинно или одобралось ли закономъ? Соотвѣтственно закону, данному Богомъ, были два свидѣтельства о фактѣ Его посланничества: Его собственное и часто дѣлавшееся видимымъ свидѣтельство Отца Его. Если бы возразили, что человекъ не можетъ свидѣтельствовать о себѣ, то въ раввинскихъ правилахъ было также установлено, чтобы свидѣтельство имѣло силу, если оно было и одиночнымъ. Но если бы такое свидѣтельство было подтверждено (даже въ весьма щекотливомъ дѣлѣ)¹⁾ хотя бы однимъ свидѣтелемъ, рабомъ или рабыней, свидѣтельство которыхъ обыкновенно не принималось, то могло встрѣтить довѣріе.

Разсужденіе Христа, ни на моментъ не спускаясь изъ высшей области Его ученія, было совершенно неопровержимо съ іудейской точки зрѣнія. Фарисеи это чувствовали. Хотя имъ и хорошо было извѣстно, кому они отвѣчали, они попробовали однако выйти изъ затрудненія хитрымъ вопросомъ, гдѣ (не кто) былъ Его Отецъ. Это подало поводъ Христу возвратиться къ главному предмету Своей рѣчи, именно о томъ, что причина незнанія Его фарисеями заключалась въ ихъ незнанія Отца Его, и въ свою очередь, что только знаніе, кто Онъ, могло принести имъ истинное знаніе объ Отцѣ (Іоанн. VIII. 19).

Слова эти могли только укрѣпить въ сердцахъ такихъ людей намѣреніе убить Иисуса Христа. Но ни Ею, ни ихъ часъ еще не наступилъ! Скоро мы встрѣчаемся съ Нимъ опять, теперь въ одномъ изъ „портиковъ“, вѣроятно Соломоновомъ, и видимъ, что Онъ учитъ „іудеевъ“. Мы думаемъ, что слушавшіе Его были преимущественно, если не всѣ, іудеи. Можетъ быть, Онъ обратился съ рѣчью къ іерусалимлянамъ, знавшимъ о намѣреніи своихъ начальниковъ предать Его смерти, а не къ Своимъ галилеянамъ. И то, что Онъ теперь сказалъ Своимъ слушате-

¹⁾ Кетуб. II. 9. Такое единичное свидѣтельство принималось только тогда, когда благопріятствовало осужденному, а не высказывалось противъ него. О законѣ относительно свидѣтельства вообще ср. *Saalschütz*, *Mov. Recht*, стр. 604, 605.

лямъ, и то, что они чувствовали по отношенію къ Нему, было продолженіемъ прежняго. Слова Христа полны скорби, они были прощаніемъ Его съ Его непокорнымъ народомъ, были словами плача надъ потеряннымъ Израилемъ. Они были отрывочны, какъ будто были разрозненными мнѣніями, заголовками спеціальныхъ рѣчей: „Я отхожу“... „будете искать Меня, и умрете во грѣхѣхъ вашемъ“¹⁾... „куда Я иду, туда вы не можете придти“... Не вполнѣ ли все это истинно? Въ теченіе мивушихъ многихъ столѣтій Израиль искалъ своего Христа и погибъ въ своемъ великомъ грѣхѣ отверженія Его. Синагоги и іудейство никогда не могли придти туда, куда устремлены Христосъ и Его Царство. Слушатели Христа думали, что Онъ говорилъ о Своей смерти, а не о томъ, что наступитъ послѣ нея. Онъ же и говорилъ именно о послѣднемъ. Но какимъ-же образомъ могла Его смерть такъ разъединить Его и іудеевъ? Это дальнѣйшій вопросъ, возникшій въ ихъ умѣ (Іоанн. VIII, 22). Могло ли это означать что-нибудь особенное относительно Его смерти. Или же въ Его выраженіи объ отшествіи означалось только намѣреніе Его прекратить насильственно Свою жизнь²⁾?

Таково было недоразумѣніе, которое Іисусъ Христосъ кратко, но точно, устранилъ, говоря, что основаніемъ разъединенія между ними было различіе ихъ природъ. Они были отъ нижнихъ, Онъ отъ вышнихъ; они отъ міра сего, Онъ не отъ міра сего. Поэтому они не могли придти туда, гдѣ Онъ будетъ, потому что должны умереть отъ грѣха, какъ Онъ и сказалъ имъ: „если не увѣруете, что это Я“ (ст. 23, 24).

1) Не во „грѣхахъ“, какъ въ А. V. и др. редакціяхъ.

2) Обыкновенно это понимается относительно мнимого іудейскаго вѣрованія, что самоубійцы занимаютъ самое нижнее мѣсто въ геенѣ. Но контекстъ убѣждаетъ насъ, что, по мнѣнію іудеевъ, Христосъ здѣсь не могъ разумѣть отдѣленія ихъ вслѣдствіе помѣщенія въ самыхъ нижнихъ мѣстахъ геенн. (Кромѣ того, такое мнимое наказаніе самоубійцы выводится только изъ риторическаго мѣста у Іосифа (Bell. Iud. III. 8 5), но не подтверждается писаніями раввиновъ. Раввинское опредѣленіе, или, лучше, ограниченіе, того, что называется самоубійствомъ, замѣчательно. Ни Сауль, ни Ахитофель, ни Замврій не считаются самоубійцами,—они убили себя потому, что имъ не хотѣлось попасть въ руки своихъ враговъ. Для преднамѣренныхъ, дѣйствительныхъ самоубійцъ наказаніе опредѣляется Богомъ. При погребеніи ихъ дѣлается нѣкоторое различіе; но позоръ послѣ смерти самоубійцы не подвергаются.

Слова эти намѣренно были облечены въ таинственность для іудейскихъ слушателей Христа. Не вѣрить, что это Онъ? Ему отвѣчали: „кто же Ты“? Были ли эти слова сказаны съ гнѣвомъ, или нѣтъ, вопросъ фарисеевъ былъ осужденіемъ для нихъ. Своимъ отрывочнымъ изреченіемъ Иисусъ Христосъ испыталъ ихъ, чтобы посмотрѣть, какъ они осудятъ сами себя. Въ теченіе всего минувшаго времени они не узнали, кто Онъ; не имѣли даже и опредѣленнаго убѣжденія объ этомъ предметѣ, не стояли ни за, ни противъ Него, но находились подъ вліяніемъ своихъ начальниковъ! „Кто—Я“? Не говорилъ ли объ этомъ Я вамъ съ самаго начала; не относилось ли свидѣтельство, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣлахъ, именно къ этому факту? Я есмь Тотъ, о Комъ съ самаго начала говорилъ вамъ ¹⁾. Затѣмъ, оставляя рѣчь, вызванную этимъ перерывомъ, Спаситель снова началъ Свою аргументацію (ст. 25, 26). Многое и другое Онъ долженъ бы былъ сказать имъ, кромѣ объясненія имъ горькой истины объ ихъ гибели, если они не вѣрили въ Него. Но Тотъ, кто послалъ Его, истиненъ, и Онъ долженъ всегда говорить въ мірѣ о томъ, что Ему поручено. Когда Христосъ говорилъ о Своей миссиі, какъ о такой, которую Онъ „слышалъ отъ Него“ (ст. 26), то, очевидно, желалъ этимъ подчеркнуть фактъ Своего посланничества отъ Бога, дающій Ему право требовать отъ іудеевъ повиновенія вѣры. Но этого-то въ разсматриваемый моментъ они и не понимали (ст. 27). Они узнаютъ объ этомъ, только не изъ Его словъ, а чрезъ событія когда „вознесутъ“ Его, какъ они думали, на крестъ, но въ дѣйствительности будутъ содѣйствовать Его славѣ (ст. 28) ²⁾. Тогда они поймутъ смыслъ

¹⁾ Видно бы невозможнымъ входить здѣсь въ критическій анализъ или оправдывать принятый нами переводъ этого, весьма спорнаго текста. Его можно перевести съ еврейскаго: „начать съ того, Я тотъ, о комъ Я говорю вамъ“; или: „отъ начала Я Тотъ, о комъ говорю вамъ“. Я предпочитаю послѣдній переводъ. Смыслъ его въ существенномъ согласенъ съ А. V.

²⁾ Епископъ *Весткоттъ* правильно указываетъ (Іованн. XII, 82), что терминъ „возносить“ включаетъ понятія о смѣрти и о славѣ. Если мы пожелаемъ узнать, какое еврейское слово соответствуетъ этому выраженію въ *senius talim* какъ и въ *senius bonim*, то намъ естественно представится *masa* (ср. Вит. X L. 19 съ ст. 18). Потому что мы думаемъ, что слово, употребленное Христомъ въ это раннее время Его служенія, не подразумеваетъ необходимо предсказанія объ Его

названія, которое Онъ привялъ, и достоинствъ, основанныхъ на немъ (ст. 28 ср. ст. 24): „тогда узнаете, что это Я“. И въ то же время они узнаютъ: „что ничего не дѣлаю отъ Себя, но какъ научилъ Меня Отецъ Мой ¹⁾; такъ и говорю. Пославшій Меня есть со Мною; Онъ ²⁾ не оставилъ Меня одного, ибо Я всегда дѣлаю то, что Ему угодно“.

Если іудеи не могли понять выраженія: „когда вознесете“, которое, какъ они могли думать, означало Его возвышеніе, между тѣмъ какъ прежде всего оно означало Его крестъ, то въ Его ссылкѣ на Свои слова и дѣла, какъ на свидѣтельствующія объ Его посланничествѣ, о божественной помощи Ему и божественномъ присутствіи въ Его дѣятельности было нѣчто такое, что, по своей искренности, серіозности и реальности открывало путь къ сердцамъ многихъ людей. Инстинктивно эти люди чувствовали и вѣрили, что Его миссія была божественной. Выразилась ли эта вѣра въ ясныхъ заявленіяхъ, или нѣтъ, Иисусъ Христосъ обратился теперь къ лицамъ, которыя настолько по крайней мѣрѣ могли вѣровать въ Него. Въ ихъ духовной исторіи наступилъ кризисъ и Онъ долженъ былъ сообщить ясно имъ, чему хотѣлъ ихъ научить съ самаго начала. По природѣ своей будучи далеки отъ Него, они были рабами: Только если они *пребудутъ* въ словѣ Его, то узнаютъ истину и истина сдѣлаетъ ихъ свободными. Результатъ этого знанія

распятіи, и что тѣ, которые слышали Его рѣчь, скорѣе могли думать, что она относится къ Его возвышенію. Для этого случая имѣется любопытная иллюстрація (въ Псалмѣ П. 10). Оди́нъ царь, приказавъ вознести „голову своего сына“, имевшаго повѣсить его, выслушиваетъ увѣщаніе со стороны его учителя пощадить его, потому что онъ у него „единокровный“. Когда царь отгнѣтилъ, что онъ связанъ приказаніемъ, которое далъ, учитель возражаетъ, что слово *наса* значитъ и возвышеніе, и казнь. Но, кромѣ *наса* есть еще *секафъ*, которое въ арамейскомъ и сирскомъ означаетъ и возвышеніе, и повѣшеніе, и употребляется спеціально для обозначенія казни чрезъ распятіе; и, наконецъ, слово *тема*, первоначальный смыслъ котораго поднимать, и второстепенный—вѣшать или заперать (см. *Levy, Targum. Wörterbuch* II, стр. 589а и b). Если употребленъ былъ этотъ послѣдній глаголъ, то еврейское выраженіе *тамой*, которое еще и теперь въ оскорбительномъ смыслѣ прилагается къ Иисусу Христу, будетъ въ концѣ концовъ соответствовать первоначальному названію, которымъ Онъ описалъ Свою смерть, какъ „воскресшаго“.

¹⁾ Не „Мой“, какъ въ А. V. (и русск.).

²⁾ Новая мысль „Онъ“, а не „Отецъ“, какъ въ А. V.

будеть нравственный, и отсюда знаніе состоитъ не только въ вѣрѣ въ Него, но и въ томъ, что слова и ученіе Его становилось въ нихъ дѣломъ всей ихъ жизни,—пребываніемъ во Христѣ (ст. 30—32). Но въ этомъ-то именно и состояло нравственное приложеніе, которому они противились. И здѣсь также Иисусъ Христосъ воспользовался іудейскими формами мышленія и ученія, только въ гораздо высшемъ смыслѣ. Потому что ихъ собственное преданіе утверждало, что только тотъ былъ свободенъ, кто трудился надъ изученіемъ закона (Аб. барашта VI, стр. 23b; Эруб. 54a, строчка 13 снизу). Но свобода, о которой говорилъ Спаситель, получалась не отъ изученія закона ¹⁾, а отъ пребыванія въ словѣ Иисуса Христа. Этому-то они именно и сопротивлялись. Они не обращали вниманія на духовное приложеніе словъ Христа, а хотѣли понимать ихъ въ національномъ смыслѣ. И это еще разъ доказываетъ принадлежность іудейскому писателю четвертаго евангелія; равно какъ и характеристическая іудейская похвальба, что, какъ чада Авраама, іудеи никогда не были и не могли быть рабами. Было бы долго перечислять всѣ блага, будто бы полученные ими вслѣдствіе происхожденія ихъ отъ Авраама. Достаточно здѣсь обозначить почти основной ихъ принципъ: „весь Израиль состоитъ изъ царскихъ дѣтей“ (Шабб. 67a; 128a). Примѣненіе его даже въ обыкновенной жизни, заключалась въ томъ, что для іудеевъ, какъ „чадъ Авраама, Исаака и Иакова, даже пиръ Соломона не будетъ слишкомъ хорошъ“ (Баба Мец. VII, 1).

Иначе пояснилъ имъ это Господь. Онъ указалъ имъ на иное рабство, котораго они не знали, на рабство грѣху (Іоанн. VIII. 34), и одновременно съ этимъ приближаясь къ ихъ понятіямъ, сказалъ имъ, что пребываніе въ этомъ рабствѣ могло также привести и къ національному рабству и отверженію. Ибо „рабъ не пребываетъ въ домѣ вѣчно“ ²⁾. Съ другой стороны, Сынъ пребываетъ всегда въ домѣ; кого онъ сдѣлалъ свободнымъ чрезъ принятіе въ свою семью, тѣ будутъ свободны

¹⁾ Съ отношеніемъ къ Исх. XXXII. 16 здѣсь могла быть допущена игра словъ *зарутъ* („могила“), которое объяснено словомъ *авирутъ* („свобода“). Мѣсто, приведенное у Юнше (Баба Мец. 85b) сюда не относится.

²⁾ Здѣсь должна быть поставлена точка, а не какъ въ А. V. (и русск.).

дѣйствительно и существенно (ст. 35)¹⁾. Затѣмъ, по причинѣ самаго ихъ тупоумія, Господь восхотѣлъ обратиться къ ихъ любимѣйшей идеѣ о томъ, что они были сѣменемъ Авраама. Существовала очевидная причина того, что они были таковыми по своему естественному происхожденію. Но было еще и нравственное происхожденіе и только оно одно имѣло цѣну. Это иное для нихъ совершенно новое, небесное ученіе, которое Господь тотчасъ и примѣнилъ къ дѣлу такъ, что іудеи не могли ни дожно понять, ни отвергнуть Его ученія; и въ то же время Онъ связалъ его и съ общею цѣлью Своего ученія. Сѣмя Авраама! Но они питали кровавыя намѣренія, и это потому, что слово Божіе не находило къ нимъ свободнаго доступа²⁾. Онъ говорилъ о томъ, что видѣлъ (ранѣе, прежде) отъ Отца Своего³⁾, слышалъ, потому что Его пребываніе со Отцомъ было вѣчнымъ. Іудеи же дѣлали то, что слышали отъ отца своего⁴⁾, слово „видѣли“ въ настоящемъ мѣстѣ употребляется вслѣдствіе неправильнаго чтенія. И такимъ образомъ, въ отвѣтъ на ихъ вопросъ, Онъ показалъ имъ, что Авраамъ не могъ быть ихъ отцомъ, насколько касалось дѣло духовнаго ихъ происхожденія (ст. 37—40). Они могли теперь уловить смыслъ Его словъ, но только для того, чтобы неправильно примѣнить ихъ, согласно своему іудейскому предвзятому мнѣнію. Они говорили, что духовно происходили отъ Бога, потому что ихъ происхожденіе отъ Авраама было законнымъ (ст. 41). Но Богъ разрушилъ это оболъщеніе, показавъ, что если бы они происходили духовно отъ Бога, то не могли бы отвергать Его посланничества, искать убить Его, а признали бы и возлюбили бы Его (ст. 42).

Но отъ чего зависитъ все это ложное пониманіе Его рѣчей (ст. 43—47)⁵⁾? Отъ того, что они были нравственно неспо-

1) *ὄντως*. Ср. *Весткоттъ* ad loc.

2) Такъ хорошо переводитъ это выраженіе епископъ *Весткоттъ*.

3) Не отъ „Отца Моего“, какъ въ А. V. (русск.). Эти небольшія измѣненія весьма важны, если мы припомнимъ, что слушатели могли понимать Христа и сочувствовать Ему настолько, насколько въ нихъ была истина.

4) По надлежащему чтенію перевести слѣдуетъ „отъ Отца вашего“, а не „отъ Отца моего“, какъ въ А. V. (русск.).

5) Здѣсь употреблено *κατα*.

собны терпѣть ихъ, а это послѣднее происходило отъ грѣховности ихъ природы: элементъ, который въ іудействѣ никогда не принимался въ расчетъ. И такимъ образомъ, съ безконечной мудростью, Христосъ еще разъ свелъ Свою рѣчь къ тому, что Онъ могъ сообщить относительно нужды человѣка, іудея или язычника, въ Спасителѣ и обновленіи чрезъ Духа Святаго. Если іудеи были нравственно неспособны слышать Его слово, и питали кровавыя намѣренія, то такъ было потому, что нравственно говоря, они происходили отъ діавола. Весьма несходно съ іудейскими понятіями ¹⁾ сообщалъ здѣсь Спаситель о нравственной злобѣ сатаны, какъ убійцы и лжеца, убійцы изъ пачала человѣческаго рода, который „не устоялъ въ истинѣ, ибо нѣтъ въ немъ истины“. Отсюда, „когда говорить онъ ложь“, нашимъ прародителямъ, или теперь относительно Христа, то „говорить свое, ибо онъ (сатана) есть лжецъ и отецъ лжеца“ (говорящаго ложь или довѣряющаго ей) ²⁾. Кто изъ іудеевъ могъ обличить Спасителя во грѣхѣ? Если, поэтому, Онъ говорилъ истину ³⁾, и они не вѣрили Ему, то это произошло отъ того, что они не отъ Бога, но, какъ Онъ показалъ имъ, отъ отца своего, діавола.

Аргументъ былъ неопровержимъ, и только однимъ путемъ, казалось, можно было опровергнуть его, — чрезъ іудейское *quodque*, чрезъ возраженіе: „врачъ, исцѣлись самъ“. „Не правду ли мы говоримъ, что Ты Самарянинъ, и что бѣсъ въ Тебѣ“? Странно, что первое предложеніе этого упрека толковалось такъ худо; и однако правильное объясненіе его совсѣмъ не трудно. Мы должны опять только перевести его на языкъ, на которомъ говорили іудеи. Никакими догадками, какъ бы ни были они остроумны, нельзя объяснить слова „самарянинъ“, даннаго іудеями Іисусу Христу, если принимать слово за означеніе національности. Даже на праздникѣ кущей, возражая противъ Его мессіанскихъ правъ, указывали что Спаситель

1) См. кн. II, гл. V.

2) Въ русск. Библии „джи“. *Пр. пер.* Я не могу здѣсь считать удовлетворительнымъ переводъ епископа *Весткотта*, помѣщеннаго на поляхъ н. Revised Version.

3) Въ текстѣ безъ члена.

(какъ они предполагали) Галилеянинъ (VII 52). Онъ прибылъ въ Иерусалимъ не изъ Самаріи (Лук. IX. 53); Онъ не могъ быть названъ самаряниномъ (какъ предполагають комментаторы) и потому, что былъ врагомъ Израиля, или „нарушителемъ закона“, или „человѣкомъ, отъ котораго нельзя было принимать свидѣтельства“¹⁾, потому что ни одно изъ этихъ обстоятельствъ не заставило бы іудеевъ называть Его именемъ „самарянина“. Но на языкѣ, на которомъ іудеи говорили, слово, которое переводилось по-гречески „самарянинъ“, могло быть или „кути“, которое, буквально означая самарянина (отъ *Кутъ* или *Кута*; ср. 4 Цар. XVII. 24, 30), часто употребляется въ смыслѣ „еретикъ“, или же *шомрони*. Последнее слово заслуживаетъ особеннаго вниманія²⁾. Буквально оно означаетъ самарянина; но имя *шомронъ* (можетъ быть и отъ его связи съ Самаріей) иногда употребляется также, какъ равнозначущее *Ашмедай*, князь бѣсовъ (Бер. Р. 36b, изд. Варш. стр. 65b, строчка 5 снизу; Якутъ соб. XXI, т. II, стр. 150b, строчка 16 снизу³⁾). По каббалистамъ *Шомронъ* былъ отецъ Асмодея и отсюда тѣмъ же самымъ лицомъ, что и *Саммаилъ*, или сатана. Что таково было широко распространенное іудейское вѣрованіе, обнаруживается изъ обстоятельства, что въ коранѣ (который въ настоящемъ случаѣ могъ воспроизвести іудейское преданіе) проводится мысль, что Израиль былъ соvrащенъ въ идолопоклонство *Шомрономъ* (L'Alcoran trad. par le Sieur du Ruex, стр. 247), между тѣмъ какъ въ іудейскомъ преданіи соvrащеніе приписывается Саммаилу (Пирке р. Еліот. 45, изд. Лемб. стр. 59b, строка 10 сверху). Если, поэтому, названіе, данное іудеями Іисусу Христу, было *шомрони*, а не „кути“, „еретикъ“, то оно могло буквально означать: „чадо діавола“⁴⁾.

Этимъ можно также объяснить, почему Христосъ отвѣтилъ

1) Мѣсто, процитованное *Шеттинномъ* (Леван. 47a), сюда не относится, потому что оно реально относится къ неизраильянину. Ближе, хотя и также безъ приложения здѣсь, мѣсто Сот. 22a, процитованное *Ветитсийномъ*.

2) Ср. Kohut, Jud. Angelolog. стр. 95.

3) См. приложение объ іудейской анжелологии и демонологии.

4) Едва ли намъ нужно обращать вниманіе на то, какъ сильно подтверждается этимъ подлинность четвертаго евангелія.

только на обвиненіе въ томъ, что Онъ одержимъ бѣсомъ. Такъ было потому, что то и другое обвиненіе было въ сущности одинаково: „Ты самарянинъ“ и: „бѣсъ въ Тебѣ“. Съ удивительнымъ долготерпѣніемъ и милосердіемъ Спаситель почти оставилъ обвиненіе безъ вниманія, больше остановившись, ради наученія іудеевъ, на одномъ фактѣ, что если они не почитали Его, то Онъ почиталъ Своего Отца. Господь не обратилъ вниманія на ихъ обвиненія. Ему нужна была только слава Его Отца. Защита Его чести будетъ дава Его Отцомъ,—хотя это и случится, увы!—черезъ осужденіе тѣхъ, которые нанесли безчестіе Посланнику Божію (Іоанн. VIII. 50). Затѣмъ, какъ будто останавливаясь съ глубокимъ состраданіемъ на этомъ страшномъ исходѣ всего дѣла, Господь еще разъ выставилъ на видъ главный аргументъ Своей рѣчи, что только „кто соблюдетъ слово Его“, „тотъ не увидитъ смерти (не будетъ бояться ея) ¹⁾ до вѣчности“,—никогда не будетъ видѣть близко и съ ужасомъ того, что дѣйствительно мертво, что сдѣлалось мертвымъ для Адама со времени грѣхопаденія его.

Тутъ подразумѣвалась, какъ мы замѣчали нѣсколько разъ, смерть вслѣдствіе грѣхопаденія, о которой въ дѣйствительности іудеи не знали ничего. И такимъ образомъ они еще разъ неправильно поняли слова Спасителя, относя ихъ къ физической смерти ²⁾, а такъ какъ Авраамъ и пророки умерли, то іудеи думали, что Христосъ имѣетъ претензіи большія въ сравненіи съ ними (ст. 52, 53). Въ разсужденіи Христа содержалось все, что Онъ желалъ имъ объяснить и ихъ возраженія теперь превратились въ свару. Наступило время пре-

¹⁾ Слово здѣсь особенное и замѣчательное, *θεωρέω*, смотрѣть на что пристально и напряженно, на смыслъ котораго я уже обращалъ вниманіе (см. т. I стр. 692).

²⁾ Спаситель говорилъ о видѣніи, ои о „вкушеніи“ смерти (ст. 51, 52). Слово „вкусать“ употребляется точно въ такомъ же смыслѣ раввинами. Такъ въ Іер. тартумъ Втор. XXII. 1. Въ Вер. Р. 9 говорится, что, согласно первоначальному опредѣленію, первый человекъ не вкушалъ смерти. Далѣе „Или не вкушалъ смерти“ (Вер. Р. 21). И въ переносномъ смыслѣ въ такомъ мѣстѣ, какъ слѣдующее: „если кто вкуситъ (здѣсь: предвкушаетъ) смерть, то пусть его не разувается во время сна“ (Йона 78b). Слово употребляется также о спѣ, напр. „во всѣ дни радости черпанія (праздника кущей) мы не вкушали сна“ (Сукк. 58a). Нѣтъ надобности приводить другія цитаты.

рвать ее общимъ приложениемъ ученія. Вопросъ, прибавилъ Господь, состоялъ не въ томъ, что Онъ сказалъ, но что Богъ сказалъ о Немъ—тотъ Богъ, котораго они признавали своимъ, и котораго не знали. Но Онъ зналъ Его и слово Его соблюдалъ ¹⁾. Что касается Авраама, то онъ „радъ былъ“ (радовался при мысли) увидѣть наступленіе дня Христа, и, видя славу Его, возрадовался. Даже въ іудейскомъ преданіи едва ли отрицалось такое ученіе, потому что существовали двѣ партіи въ синагогѣ, изъ которыхъ одна вѣровала, что, когда ужасъ при видѣ великой тьмы нашелъ на Авраама (Быт. XV. 17), то ему въ видѣніи показана была не только она, но и будущій міръ, и не только всѣ событія въ настоящемъ вѣкѣ, но также и въ мессіанскія времена (Бер. Р. 44, изд. Варш. стр. 81b, строчки 8, 7, 6 снизу) ²⁾. Теперь іудеи не неправильно понимали эти слова, но съ упрямствомъ ложно истолковали ихъ. Спаситель говорилъ имъ объ Авраамѣ, видѣвшемъ день Его; они привяли это за сообщеніе о томъ, что Онъ видѣлъ день Авраама, и подвергли сомнѣнію возможность этого. Хотѣли или нѣтъ они вызвать съ Его стороны заявленіе о вѣчномъ Его бытіи, и отсюда о божественномъ достоинствѣ Его природы, у Него Самого не было времени далѣе откладывать полного изложенія дѣла, и съ божественною ясностію Господь теперь высказалъ іудеямъ слова, въ пониманіи которыхъ нельзя было колебаться: „истинно, истинно говорю вамъ, прежде чѣмъ былъ Авраамъ, Я есмь“.

Они какъ будто этого именно и ждали. Съ страшною злобою бросились они изъ притвора во дворъ язычниковъ—съ символическимъ намѣреніемъ даже въ этомъ—набрать камней и бросить ихъ въ Него. Но еще разъ часъ Его не наступилъ, и ихъ злоба оказалась безсильной. Господь тотчасъ же удался, скрывшись, что можно было такъ легко сдѣлать въ одной изъ многочисленныхъ комнатъ, проходовъ или воротъ храма.

¹⁾ По поводу выраженія „соблюдать (τηρησῆναι) Его слово“, Бенгелъ замѣчаетъ: *doctrinam Jesu, credendo; promissa, sperando; facienda, obediendo.*

²⁾ Въ Іер. Тарг. Быт. XV, также, повидному, подразумѣвается, что Авраамъ видѣлъ въ видѣніи все, что случится съ нимъ въ будущемъ, а также и геену и ея муки. Насколько я могу судить, только послѣднее, а не первое повидному подразумѣвается въ таргумѣ Псевдоіонаана.

Таково было первое раскрытіе Имъ и признаніе Своего Божества, и это было сдѣлано „среди Его враговъ“ и тогда, когда они отнеслись къ Нему съ наибольшою ненавистью и презрѣніемъ. Вскорѣ послѣ того такое же признаніе было повторено словомъ и дѣломъ; ибо „конецъ“ милосердія и суда хотя и не наступилъ, однако приближался съ страшной быстротой ¹⁾).

Свящ. Михаилъ Оивейскій. . .

(Продолженіе будетъ)

¹⁾ *Дружбаніе о разности между праздникомъ куцей и восьмымъ днемъ праздника будетъ изложено въ особомъ мѣстѣ. Шесть различій восьмого дня, какъ отдѣльнаго праздника, означеныя мѣтонимическими словами и буквами, суть слѣдующія: (1) Въ теченіе семи дней праздника куцей служили священники всѣхъ „чредъ“, между тѣмъ какъ въ восьмой день священники назначались, какъ обыкновенно, по жребію. (2) Славословіе, произносившееся въ началѣ праздника, произносилось опять въ восьмой день. (3) Восьмой день обозначился въ молитвѣ и чрезъ спеціальныя установленія, какъ отдѣльный праздникъ. (4) Различіе въ жертвовахъ. (5) Различіе въ поалмахъ, — въ восьмой день, вѣроятно, вслѣдствіе (Соф. XIX, 2) по XII. (6) Согласно 8 царств. VIII. 66 восьмой день отлчается также и благословеніемъ.*

ЦЕРКОВНЫЯ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(18 іюня 1884 года—18 іюня 1904 года).

(Продолженіе *).

Ежегодный отпускъ крупной суммы изъ Государственнаго Казначейства совмѣстно съ значительнымъ притокомъ мѣстныхъ средствъ даетъ начало второму періоду въ жизни церковной школы, характеризуемому не столько количественнымъ ростомъ ея, сколько качественнымъ ея усовершенствованіемъ во всѣхъ отношеніяхъ: административнымъ, хозяйственнымъ и учебно-воспитательнымъ. Все, что въ первое десятилѣтіе получило бытіе, то во второе десятилѣтіе получило крѣпость силъ, устойчивость и способность къ неослабному свосму дальнѣйшему развитію. По справедливости можно сказать, что Государь Императоръ Александръ III носѣялъ доброе сѣмя, а Государь Императоръ Николай II возрастилъ его: Первый далъ бытіе церковнымъ школамъ, Последній жизнь и силу.

Быстро церковныя школы обзавелись своими помѣщеніями и своимъ хозяйствомъ. Еще въ 1899 г. 38,287 школъ помѣщались въ 38,468 зданіяхъ: нѣкоторыя школы, особенно второклассныя, помѣщались въ двухъ зданіяхъ каждая. Изъ упомянутаго количества 11,688 зданій принадлежатъ школѣ, 6,917—церкви, 414 приходскимъ попечительствамъ, 3,037—волостнымъ или сельскимъ обществамъ, 264—городскимъ обществамъ и другимъ учрежденіямъ, 945—членамъ причта и 15,203—частнымъ лицамъ. Такимъ образомъ, собственныя школьныя зданія составляютъ почти треть общаго числа школьныхъ зданій (30,1); въ которыхъ помѣщаются школы.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1904 г. № 18.

Въ царствованіе Императора Николая II былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, способствовавшихъ внѣшнему благоустройству церковныхъ школъ.

Внѣшняя организація церковной школы закрѣплена издавіемъ Высочайше утвержденнаго 26 февраля 1896 г. „Положенія объ управленіи школами церковно-приходскими и грамоты“. Церковныя школы, состоя въ вѣдѣніи *Святѣйшаго Синода*, ближайшимъ образомъ подчинены Училищному при ономъ Совѣту. Помимо разрѣшенія текущихъ вопросовъ по устройству и содержанію школъ, разсмотрѣнія книгъ для школъ, программъ преподаванія и пр., Синодальный Училищный Совѣтъ озабоченъ снабженіемъ церковныхъ школъ необходимыми книгами—учебниками, учебными пособіями и книгами для внѣ-класснаго чтенія, а также для чтенія взрослыхъ. Съ цѣлью удешевленія книгъ Училищный совѣтъ съ 1901 года издаетъ нѣкоторыя книги на свой счетъ. Съ 1894 года издавіемъ книгъ завѣдуетъ учрежденная въ томъ году особая *Издательская Коммиссія*, которой предоставлено для этой цѣли входить въ непосредственныя сношенія съ авторами и издателями книгъ. Предсѣдателемъ *Издательской Коммиссіи* съ 1903 г. состоитъ протоіерей І. Н. Тихомировъ. Издательская дѣятельность Училищнаго Совѣта способствовала значительному удешевленію книгъ: въ отношеніи цѣны потныхъ изданій, напримѣръ, ни одинъ музыкальный магазинъ не можетъ конкурировать съ *Издательской Коммиссіей*.

Въ вѣдѣніи *Издательской Коммиссіи* находится книжный складъ, изъ котораго и рассылаются книги по епархіямъ: за послѣдніе семь лѣтъ *Издательской Коммиссіей* было выслано книгъ 18,078,622 экз. на сумму до 3.722,425 рублей. Для выполненія статистическихъ работъ по народному образованію при Синодальномъ Училищномъ Совѣтѣ Положеніемъ 26 февраля 1846 г. учрежденъ *Статистическій Отдѣлъ*. Въ отдѣлѣ сосредоточиваются отчеты и статистическія данныя о церковныхъ школахъ за все время ихъ существованія.

При Синодальномъ Училищномъ Совѣтѣ учреждены: *Кабинетъ учебныхъ пособій* по предметамъ учебнаго курса церковныхъ школъ и *постоянная церковно-школьная выставка*, на

которую собираются предметы, такъ или иначе характеризующіе положеніе школьнаго дѣла въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи (фотографическіе снимки, планы и фасады школьныхъ зданій, письменныя работы учащихся, руководѣльныя и ремесленныя произведенія ихъ и пр.).

Въ епархіяхъ церковными школами завѣдуютъ, подъ руководствомъ епархіальныхъ епископовъ, Епархіальные Училищныя Совѣты (въ предѣлахъ епархіи) и Уѣздныя Отдѣленія (въ предѣлахъ уѣзда); всѣхъ Отдѣленій 570.

Епархіальный Училищный Совѣтъ состоитъ изъ предсѣдателя и 9 постоянныхъ членовъ, епархіальнаго наблюдателя и члена отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Уѣздныя Отдѣленія состоятъ изъ предсѣдателя и 8 постоянныхъ членовъ, уѣзднаго наблюдателя школъ церковно-приходскихъ и грамоты и мѣстныхъ благочинныхъ. Къ участию въ занятіяхъ Отдѣленія епархіальному преосвященному предоставлено приглашать членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и городского общества по одному изъ cadaго.

Въ составѣ Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ къ 1902 г. насчитывалось 837 чел.; изъ нихъ 594 чел. изъ Духовнаго Вѣдомства, 91 изъ членовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 43—Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 60—другихъ Министерствъ, 23—представителей отъ земства и городского самоуправления и 26 другихъ лицъ.

Ближайшій надзоръ за церковными школами возложенъ на инспекцію. Въ каждой епархіи имѣется епархіальный наблюдатель и нѣсколько уѣздныхъ (по одному на уѣздъ).

На обязанности епархіальнаго и уѣздныхъ наблюдателей лежитъ возможно частое посѣщеніе школъ; епархіальные наблюдатели кромѣ того производятъ ревизію уѣздныхъ отдѣленій. Наблюдателями составляется отчетъ о церковныхъ школахъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи.

Для объединенія дѣятельности инспекціи церковныхъ школъ въ епархіи устраивались время отъ времени *сѣзды уѣздныхъ наблюдателей*, съ участіемъ епархіальнаго наблюдателя, предсѣдателя Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и иногда предсѣдателя Уѣздныхъ Отдѣленій. На сѣздахъ выясняются

мѣстныя нужды церковно-школьнаго дѣла, обсуждаются мѣры къ возможному улучшенію его, разрѣшаются недоумѣнія, возникающія въ школахъ.

Во главѣ церковно-школьной инспекціи поставленъ наблюдатель школъ церковно-приходскихъ и грамоты съ двумя помощниками.

Съ изданіемъ новаго Высочайше утвержденнаго 21 апрѣля 1902 г. „Положенія о церковныхъ школахъ“, въ которомъ объединены всѣ отдѣльныя правила о церковныхъ школахъ: одноклассныхъ, двухклассныхъ, воскресныхъ, о школахъ грамоты, второклассныхъ и церковно-учительскихъ, вполнѣ закончена внѣшняя организація церковной школы во всѣхъ отношеніяхъ.

Образовалось какъ бы нѣкое величественное зданіе церковно-народнаго образованія, воздвигнутое и поставленное на твердой почвѣ. Въ основаніе этого зданія легли школы грамоты, которыя, будучи вызваны къ жизни Высочайше утвержденными 4 мая 1891 г. „Правилами“ о нихъ, чрезъ десять лѣтъ умножились въ своемъ количествѣ до 21364. Въ самыя отдаленныя окраины и глухіе уголки обширнаго отечества нашего проникъ лучъ христіанскаго просвѣщенія, благодаря этимъ простымъ по своей организаціи и дешевымъ по содержанію школамъ. Одноклассныя, церковно-приходскія школы, числомъ 21323, а двухклассныя числомъ 411, образовали собою какъ бы прочныя стѣны церковно-школьнаго зданія, служа продолженіемъ элементарнаго образованія, какое дается въ школахъ грамоты. Наконецъ, 373 второклассныхъ школъ подготовляющихъ учителей для школъ грамоты и 15 церковно-учительскихъ, готовящихъ учителей для школъ второклассныхъ и одноклассныхъ, являются какъ бы вершиною церковно-школьнаго строительства, далѣе которой задача начальнаго народнаго образованія простираться не можетъ. Желаніе удовлетворить потребность въ элементарной грамотности върослому населенію; не имѣющему возможности посѣщать школу ежедневно, создало сверхъ того типъ воскресныхъ школъ.

Основы воспитанія и обученія, искони завѣтныя христіанскія, за истекшее 20-лѣтіе въ достаточной степени выяснены

и подведены подъ требованія педагогической науки въ примѣненіи къ разнымъ типамъ школъ. Законъ Божій, церковно-славянскій языкъ и церковное пѣніе послужили тѣмъ фундаментомъ, на которомъ возводится зданіе новой народной школы. Здѣсь, по справедливости можно сказать, что камень, которымъ пренебрегали „виждущіи“, сей камень легъ во главу угла. „На этой основѣ созидаемое зданіе новой школы простойтѣ вѣка и докажетъ извѣрившемуся западному міру, что древняя Святая Русь и нынѣ остается все тою же православною и Святою Русью“. Это дѣло недалекаго будущаго. Твердо намѣченъ путь научной разработки предметовъ курса начальной школы, быстро подвигается впередъ развитіе *русской* педагогической литературы, освобожденной изъ подъ чуждаго ей вліянія вѣмецкой педагогики замѣчательными педагогами: Ушинскимъ, Рачинскимъ, Ильминскимъ. Многія церковныя школы въ лицѣ талантливыхъ своихъ педагоговъ, духовныхъ и свѣтскихъ, несмотря на недостатокъ теорій и учебныхъ пособій, уже теперь даютъ намъ живые образцы нормальной школы, какою она должна быть, какъ школа христіанскаго русскаго народа.

Изглядятся и ощущаемые въ учебномъ дѣлѣ недостатки. Четырежды церковная школа мѣняетъ свою учебную классную книгу, четвертый разъ сознаетъ, что въ такую должна быть эта книга, внушающая дѣтямъ русскаго народа первоначальное мировоззрѣніе. Мы вѣримъ, что скоро явится талантливый педагогъ, который осуществитъ это важное дѣло и удовлетворитъ эту существенную нужду, какъ удовлетворена она по другимъ предметамъ школьнаго курса. Да будетъ второе двадцатилѣтіе временемъ развитія и усовершенствованія внутренняго строя церковной школы, временемъ созиданія народной педагогической литературы, усовершенствованія учебныхъ руководствъ, книгъ для класснаго и вѣккласснаго чтенія. Пусть это двадцатилѣтіе дастъ намъ великихъ педагоговъ, которые бы навсегда освободили школу нашу отъ чуждыхъ вліяній и объединили начальныя школы всѣхъ типовъ и вѣдомствъ, въ идеаломъ русской народной школы. Даныя для этого заключаются въ

томъ еще никогда небываломъ увлеченіи, охватившемъ русское общество по вопросамъ о народномъ образованіи.

Учебныя программы и объяснительныя записки, вновь изданныя въ прошломъ году для церковныхъ школъ всѣхъ типовъ, намѣтили собою надлежащій путь дальнѣйшаго развитія дѣла обученія и воспитанія.

Особенное вниманіе въ церковной школѣ обращено на обученіе церковному пѣнію. Учащіеся въ школѣ, по возможности, участвуютъ въ пѣніи во время Богослуженія; изъ нихъ образуются часто правильные хоры; школъ, учащіеся въ которыхъ пѣли въ церкви, насчитывалось въ 1898 году—13.628, въ 1899 г.—14.938, въ 1900 г.—16.280 и въ 1901 г.—26.133.

Помимо общеобразовательныхъ предметовъ въ нѣкоторыхъ церковныхъ школахъ практически преподаются: сельское хозяйство (пчеловодство, огородничество, садоводство и шелководство) и ремесла. Въ 1902 г. при церковныхъ школахъ было устроено 1639 садовъ, 1914 огородовъ, 104 пасѣки, 36 червоводень, 46 виноградниковъ; на 251 школьномъ участкѣ велось полевое хозяйство. Сельскохозяйственные занятія съ учащимися велись при 343 школахъ. Всѣхъ школъ съ земельными участками насчитывалось 7.979; общая площадь участковъ равнялась 11.477 десятинамъ. Изъ ремеслъ 1900—1901 г.г. въ церковныхъ школахъ преподавались столярно-токарное (при 144 школахъ), слесарно-кузнечное (при 39 школахъ), переплетное (при 188 школахъ), сапожное и шорное (при 39 школахъ), портняжное (при 10 школахъ), плетеніе корзинъ (при 11 школахъ), картонажное (при 1 школѣ), при одной школѣ (Херсонской губ.) дѣти обучались каменотесному дѣлу.

Въ женскихъ и смѣшанныхъ церковныхъ школахъ производится обученіе рукодѣлію. Занятія рукодѣліемъ въ сихъ школахъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе распространяются въ виду того, что мѣстное населеніе относится къ нимъ въ высшей степени сочувственно.

Руководьныя занятія велись 1898 г. при 3.316 школахъ, въ 1899 г. при 4.576, въ 1900 г. при 5.349 и въ 1901 г. при 5.885 школахъ; обыкновенно, руководьныя занятія состоятъ въ вязаніи (чулокъ, шарфовъ, салфетокъ, кружевъ), вышиваніи

гладью и крестомъ по канвѣ (нитками, бумагами и шерстью) и иногда на пальцахъ.

За двадцать лѣтъ своего существованія церковная школа ясно доказала всѣмъ непредубѣжденнымъ ея противникамъ, что по силѣ своего воспитательнаго воздѣйствія и тѣмъ воспитательнымъ средствамъ какими она располагаетъ, она стоитъ на надлежащей высотѣ. На этомъ основывается ея популярность и распространенность даже среди раскольниковъ, сектантовъ и равныхъ инородцевъ; этимъ же объясняется великое государственное значеніе на окраинахъ нашего обширнаго отечества. Такими окраинами являются нашъ сѣверо-западный и юго-западный край, идѣ въ виду значительной примѣси иноплеменныхъ элементовъ, русское населеніе подвергается особенно сильно денационализирующимъ вліяніямъ. А кому не извѣстны нужды просвѣщенія для всѣхъ нынѣ угрожаемой Сибири и далекой восточной окраины, кто не знаетъ тѣхъ затрудненій и препятствій, съ которыми сопряжено у насъ дѣло просвѣщенія на Кавказѣ, среди инородцевъ, живущихъ внутри Россіи, а также на крайнемъ Сѣверѣ?

Въ западномъ краѣ церковно-приходская школа является столь близкимъ и неизбѣжнымъ союзникомъ *русскаго дѣла*, что еще задолго до ея возстановленія, когда она оставалась въ полномъ пренебреженіи во внутренней Россіи, здѣсь, при извѣстномъ всѣмъ начальникъ края графъ М. Н. Муравьевъ и всѣхъ предшественникахъ и преемникахъ его истинно русскаго духа, начальная школа имѣла характеръ церковно-приходской, хотя и не имѣла такого названія.

Да и можетъ ли быть иначе? Вѣдь господствующій типъ школы всегда долженъ быть опредѣляемъ нуждами большинства, а не меньшенства кореннаго населенія, и потому никакъ нельзя несомнѣнныя нужды 82% православныхъ, приносить въ угоду 18% иновѣрцевъ. Въ сожалѣнію историческія обстоятельства поставили православное населеніе въ невыгодныя условія сравнительно съ иновѣрцами. Причина этого заключается въ томъ, что землевладѣльцы, купцы, фабриканты и все вообще населеніе, дающее тонъ культурному развитію въ западномъ краѣ, повсюду оказывается польскимъ, еврейскимъ, нѣмецкимъ,

мало сочувствующимъ національнымъ интересамъ Россіи и иногда враждебнымъ коренному русскому населенію. Католичество пустило здѣсь свои глубокіе корни. Колонизмъ и католичество въ сознаніи поляковъ слились въ одно понятіе. Передовыми борцами колонизма и проповѣдниками національной исключительности и религіозной нетерпимости, а также особенной вражды къ православію являются въ западномъ краѣ католическіе ксендзы.

Понятно, что всѣмъ этимъ лицамъ не по душѣ начавшееся въ краѣ пробужденіе народнаго самосознанія, стремленіе народа обучать дѣтей въ русской школѣ и особенно въ церковно-приходской. Въ этой послѣдней всѣ враги русскаго дѣла увидѣли сильное противодѣйствіе своимъ вождедѣніямъ и потому съ небывалою враждебностью напали на нее, пользуясь всѣми средствами въ подрывѣ ей. Они по возможности всячески стараются увязать эти школы и ихъ учителей въ глазахъ народа, называя ихъ „вертепами развращенія“, сѣятелями злого сѣмени; они иногда не допускаютъ родителей, отдающихъ своихъ дѣтей въ церковно-приходскія школы, до принятія Св. Таинъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣмъ памятенъ случай когда католическій епископъ, тогда же удаленный Высочайшею властью, обращался съ воззваніемъ къ паствѣ своей, угрожая отлученіемъ отъ таинствъ всѣмъ, кто позволитъ дѣтямъ посѣщать русскія церковныя школы.

Не ограничиваясь пассивнымъ сопротивленіемъ церковнымъ школамъ, католическое духовенство въ послѣднее время стало употреблять и другія средства противодѣйствія имъ въ родѣ тайнаго обученія и литовско-польской пропаганды.

Уже это враждебное отношеніе къ церковнымъ школамъ со стороны нѣкоторыхъ католическихъ ксендзовъ и польскихъ политикановъ ясно свидѣтельствуетъ о великомъ значеніи ихъ. Это тѣмъ болѣе очевидно, что само католическое и протестантское населеніе края не только не чуждается церковныхъ школъ, но охотно посылаетъ въ нихъ своихъ дѣтей для ученія. Изъ 34000 учащихъ въ 9000 школахъ западныхъ губерній еще въ 1898 г. было 14000 инновѣрцевъ. Въ настоящее время ихъ гораздо больше.

Оправдывается ввозлагаемая на церковно-приходскую школу

надежда и въ такомъ краѣ, какъ Холмщина и Подлясье. Совершившееся въ 1875 г. воссоединеніе Холмской греко-уніатской епархіи съ православною церковію, хотя и сопровождалось полнымъ разрывомъ съ уніей всей паствы, но было дѣйствительнымъ только для 70% ея; остальные не приняли православія и остались „упорствующими“. Значеніе церковной школы въ дѣлѣ поддержанія вѣры среди воссоединенныхъ и въ борьбѣ съ „упорствующими“ несомнѣнно. Повсюду въ школахъ обучаются ихъ дѣти, смягчая и упорство родителей и ведя ихъ къ свѣту православной вѣры. Уже въ 1900 г. число школъ въ Привислянскомъ краѣ достигло 209. . .

Миссіонерско-просвѣтительное и государственное значеніе церковной школы въ западномъ краѣ за истекшее двадцатилѣтіе испытано въ достаточной степени: въ ея благотворномъ воздѣйствіи не сомнѣваются даже враги. Остается выразить пожеланіе, чтобы этотъ многолѣтній опытъ послужилъ великимъ урокомъ для дальнѣйшей просвѣтительной дѣятельности въ западномъ краѣ. То, что сдѣлано по настоящее время здѣсь церковною школою—„капля въ морѣ“. Пусть умножаются церковныя школы въ своемъ количествѣ, пусть ихъ учителя проходятъ особую школу педагогической подготовки для плодотворной дѣятельности въ краѣ съ особенными условіями, пусть будетъ обращено вниманіе на изданіе книгъ для класснаго и внѣкласснаго чтенія, которыя способны были бы возбуждать въ учащихся духъ національной гордости, патріотизма, пусть и правительство не упускаетъ средствъ на открытіе, содержаніе и совершенствованіе церковныхъ школъ въ краѣ, угрожающемъ намъ своею пропагандою и религіознымъ шатаніемъ. . .

Не меньше вліянія оказываетъ церковная школа и въ Сибири, гдѣ она особенно цѣнна и необходима. Недостатокъ религіозности, утрата высокихъ нравственныхъ качествъ русской души, преобладаніе индивидуальныхъ интересовъ надъ общественными, отсутствіе историческихъ преданій въ народѣ, отчужденность отъ Россіи—вотъ основныя черты, отличающія сибиряка отъ російскаго человѣка. Между тѣмъ съ проведеніемъ великаго сибирскаго пути, когда Сибирь приобщена къ

«Общерусской культурѣ и когда сотни тысячъ переселенцевъ устремляются въ эту богатѣйшую страну, является серьезная опасность дурной нравственной заразы на этихъ послѣднихъ со стороны туземнаго населенія. Церковь и школа—вотъ единственные проводники въ жизни добрыхъ нравственныхъ воздѣйствій, могущихъ предотвратить пагубное вліяніе туземнаго населенія и оказать доброе вліяніе на все населеніе Сибири. Въ цѣляхъ развитія церковно-религіозной жизни въ Сибири сдѣлано уже достаточно: открыто 8 самостоятельныхъ епархій, устроено много храмовъ, открыты духовно-учебныя заведенія, миссіонерскія школы и; наконецъ, обращено особое вниманіе на развитіе и распространеніе церковныхъ школъ. Почти при каждой церкви есть уже школа, совершающая великое дѣло просвѣщенія русскихъ и инородцевъ. Въ переселенческихъ поселкахъ повсемѣстно устраиваются школы на средства фонда Императора Александра III не только по линіи Сибирской желѣзной дороги, но и въ мѣстахъ удаленныхъ отъ нея. Обращено вниманіе на просвѣщеніе инородцевъ. Но нужды просвѣщенія въ Сибири все таки еще очень велики.

«Дорожа ученіемъ въ духѣ старины, въ церковныя школы ведутъ охотно дѣтей своихъ даже раскольники всѣхъ концовъ Россіи и всѣхъ толковъ и развѣтвленій старообрядчества. Въ нихъ отдають въ наученіе своихъ дѣтей и сектанты. Церковно-школьная статистика исчисляетъ десятками тысячъ учащихся въ церковныхъ школахъ дѣтей раскольниковъ и сектантовъ. Въ такихъ центрахъ раскола, какъ Гуслицы, Стародубы, Нововыбковъ повсюду есть церковныя школы, наполненныя дѣтьми раскольниковъ. Въ с. Пришибѣ Астраханской епархія, учится въ церковной школѣ свыше 150 молоканъ; въ церковныхъ школахъ Киевской, Екатеринославской, Харьковской и другихъ епархій, зараженныхъ сектанствомъ, въ церковныхъ школахъ обучаются дѣти толстовцевъ, штундистовъ, хлыстовъ и т. п.

«Ясно, что церковная школа имѣетъ миссіонерское значеніе; что она—пособница миссіи; очевидно также и ея великое государственное значеніе.

Второе десятилѣтіе церковныхъ школъ было временемъ осо-

бенаго возбужденія педагогическихъ вопросовъ и рѣшенія ихъ путемъ корпоративнымъ. Съѣзды, коммисіи, комитеты, собранія, группы, общества и т. п. корпорации школьныхъ дѣателей непрерывно собираются въ разныхъ мѣстахъ для совмѣстнаго разрѣшенія различныхъ вопросовъ, касающихся воспитанія, обученія и благоустройства школъ въ разныхъ другихъ отношеніяхъ.

Въ ряду этихъ собраній школьныхъ дѣателей нельзя не отмѣтить Съѣзда въ г. Кіевѣ, представителей епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ западнаго края и южной Россіи, 15—25-юля 1894 г. Чрезвычайнаго Собранія Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, бывшаго въ 1898 году.

Кіевскій школьный съѣздъ, происходившій подъ предѣтельствомъ Преосвященнаго Іакова, Епископа Чигирянскаго, и въ присутствіи Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода В. К. Саблера былъ нагляднымъ свидѣтельствомъ того, съ какимъ серьезнымъ вниманіемъ и заботливостью Церковь, въ лицѣ своихъ высшихъ представителей и ихъ достойныхъ помощниковъ, относится къ дѣлу народнаго образованія, и какимъ искреннимъ желаніемъ проникнуты дѣатели церковной школы, чтобы, съ одной стороны, воспользоваться взаимными практическими совѣтами и указаніями, а съ другой—привлечь сочувствіе общества къ этому дѣлу. Съѣздъ достигъ, дѣйствительно, серьезныхъ результатовъ, и постановленія его разнеслись по всей великой Руси, одушевляя скромныхъ дѣателей церковной школы и усугубляя ихъ ревность.

Чрезвычайное Собраніе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ несомнѣнно также займетъ видное мѣсто въ исторіи церковно-школьнаго просвѣщенія. Здѣсь не мѣсто излагать важнѣйшія постановленія этого собранія. Укажемъ лишь на то, что и на этомъ собраніи, какъ и на кіевскомъ съѣздѣ, приняты участіе жь обсужденіи разныхъ вопросовъ церковно-школьной жизни и дѣтельности лучшіе представители церковно-школьнаго дѣла, постоянно находившіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ живымъ школьнымъ дѣломъ. А это всецѣломъ ручалось за то, что собраніемъ достигнуты были весьма важные результаты, оказавшіе и оказывающіе существенное вліяніе на успѣшный ходъ школьнаго дѣла.

Московскій сѣздъ представителей разныхъ учебныхъ вѣдомствъ также имѣлъ важное значеніе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Изъ постановленій этого сѣзда мы укажемъ лишь на то сужденіе его, въ силу котораго школа должна обращать вниманіе не только на обученіе, но и на воспитаніе. Въ этомъ постановленіи слышится отголосокъ все болѣе и болѣе утверждающихся въ обществѣ убѣжденій относительно задачъ школы, такъ настойчиво проповѣдуемыхъ двадцать лѣтъ школою церковно-приходскою.

Одновременно съ этимъ возникъ цѣлый рядъ учебно-вспомогательныхъ и педагогическихъ учрежденій, способствовавшихъ подъему педагогическаго уровня учащихъ и наиболее правильной постановкѣ обученія и воспитанія въ школахъ.

Въ духѣ Издательской Комиссіи Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ и ея задачъ стали работать и другіе частныя комитеты и отдѣльныя лица. Появилась особая литература, въ составъ которой вошло много учебныхъ руководствъ по разнымъ предметамъ школьнаго курса, методическихъ пособій, книгъ для класснаго и вѣкласснаго чтенія. Каталогъ Сперанскаго и Книжный Справочникъ, издаваемый при журналѣ „Народнаго Образованія“, даютъ понятіе объ этой обширной литературѣ.

По образцу кабинета учебныхъ пособій и школьно-статистическаго музея Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ стали открываться повсюду образцовыя бібліотеки и даже музеи, какъ это видимъ въ Харьковѣ, гдѣ Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ устраивается для музея даже особое зданіе.

Открыто свыше 20.000 школьныхъ и учительскихъ бібліотекъ, давшихъ возможность расширить свое образованіе учащимся путемъ чтенія полевныхъ книгъ, а учителямъ свое самообразованіе. „Приходская бібліотека“, издаваемая подъ редакціей В. И. Шемякина, вполне удовлетворяетъ духовныя нужды учителей.

Образовались коммисіи по распространенію книгъ, открыты повсюду при Епархіальныхъ училищныхъ совѣтахъ и ихъ

отдѣленіяхъ книжные склады, способствующіе снабженію школъ книгами.

Наряду съ журналомъ „Церковно-приходская школа“, десять лѣтъ неустанно разсѣвавшимъ естественное недовѣріе печати и общества къ церковной школѣ, не обеспеченной матеріально и не получившей законченной организаціи, въ 1896 г. возникъ новый органъ Синодальнаго училищнаго Совѣта, журналъ „Народ. Образ.“. Появленіе новаго педагогическаго изданія, твердо и рѣшительно стоящаго за исконныя завѣты истинно-русскаго національнаго направленія, за единственно-необходимый и истинно-народный типъ церковно-приходской школы, было встрѣчено съ радостью всѣмъ благомыслящимъ русскимъ обществомъ. И вотъ девятый годъ неустанно работаетъ сей журналъ, раскрывая исторически сложившіяся основы, на которыхъ должно утверждаться народное образованіе и выясняя настоящее положеніе церковной школы и способы дальнѣйшаго развитія путемъ сравненія съ существующими школами другихъ вѣдомствъ и школами другихъ государствъ. Возможно полное выясненіе типа церковной школы, ея задачъ, воспитательныхъ и учебныхъ средствъ и ея вліяніе на религіозно-нравственный и экономическій строй народной жизни составляетъ уже въ значительной степени осуществленную задачу журнала. съ успѣхомъ руководимаго, послѣ С. И. Миропольскаго и А. М. Ванчакова, П. П. Мирносицкимъ.

Ставя своюю прямою задачею распространять грамотность среди дѣтей, церковная школа не оставляетъ безъ своего просвѣтительнаго воздѣйствія и взрослыхъ. Съ этою цѣлію устраивались при церковныхъ школахъ религіозно-нравственныя чтенія, ведутся воскресно повторительныя и вечернія занятія со взрослыми, устраиваются бібліотеки и читальни и открываются воскресныя школы.

Религіозно-нравственныя чтенія велись въ 1898 г. при 7.073 школахъ, въ 1899 г.—8.805, въ 1900 г.—9.788 и въ 1901 г. при 11.356 школахъ. За четыре года благоустроено 560.454 чтенія. Воскресно-повторительныя занятія также повсюду распространяются; въ 1898 г. они велись при 644 школахъ съ 17.000 учащимися, а въ 1901 г. въ 885 школахъ съ 21.000 чел. Воскресныхъ школъ въ 1900 г. насчитывалось 459 съ

24.000 учащимися. Библіотекъ-читаленъ было въ 1901 г. 237, а школьныхъ бібліотекъ 26922.

Вопросъ о томъ, кому учить въ церковныхъ школахъ ко второму десятилѣтію сдѣлался вопросомъ первостепенной важности. Быстрому росту церковныхъ школъ далеко не соответствовало такое же увеличеніе и числа правоспособныхъ учителей. Въ первое время церковная школа пользовалась учителями изъ окончившихъ и неокончившихъ курса духовныхъ семинарій, духовныхъ училищъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ. Но вскорѣ такихъ учителей оказалось недостаточно. Это обстоятельство было причиною того, что учительскія мѣста въ церковныхъ школахъ стали по необходимости замѣщаться не только лицами выпедшими изъ другихъ школъ и не понимавшими духа и характера церковной школы, но и другими, мало подготовленными и даже вовсе неспособными къ дѣлу учительста лицами.

Ассигнованіе 1.629,000 руб. на устройство и содержаніе второклассныхъ школъ съ учительскими курсами, для подготовленія учителей школъ грамоты и послѣдовавшее затѣмъ открытіе школъ церковно-учительскихъ для подготовленія учителей школъ второклассныхъ и одноклассныхъ церковно-приходскихъ, окончательно разрѣшило вопросъ объ образованіи надлежащаго контингента учителей. Насущная потребность вскорѣ была удовлетворена.

Далѣе возникалъ вопросъ о подъемѣ педагогическаго образованія учащихся, и Духовное Вѣдомство непрерывно принимаетъ разнучаго рода мѣры для достиженія этой цѣли. Сюда относятся роководственные указанія и совѣты со стороны инспекціи церковныхъ школъ (уѣздныхъ и епархіальныхъ наблюдателей), командированіе малоопытныхъ учителей въ лучшія церковныя школы для практическихъ занятій, педагогическія собранія учащихся съ цѣлію обмѣна мнслей по равнымъ вопросамъ церковно-школьной жизни и, наконецъ, краткосрочныя педагогическія курсы.

Педагогическіе курсы для учителей школъ грамоты и одноклассныхъ церковно-приходскихъ, устраившіеся съ 1897 года, нерѣдко въ 30 и 40 городахъ Имперіи, послужили самою лучшею мѣрою къ повышенію педагогическаго уровня 23,800

учащихъ. Охватывая весь кругъ знаній, необходимыхъ для учителя, курсы несомнѣнно обновили и освѣжили интеллектуальную и практическую правоспособность массы учителей, развивъ ихъ умственный кругозоръ и сообщивъ имъ увѣренность въ веденіи школьнаго дѣла соответственно задачамъ церковно-приходской школы. Кроме того, на курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, устраивавшихся въ 1897 и 1898 годахъ въ 12 пунктахъ, было обращено особенное вниманіе на пополненіе пробѣловъ и недочетовъ въ подготовкѣ учащихся по предметамъ курса школъ второклассныхъ. Сверхъ того, на курсахъ 1901 г. (въ Москвѣ и Кіевѣ), 1902 г. (въ Харьковѣ и Новгородѣ) и 1903 г. (въ Москвѣ и Царскомъ Селѣ) было обращено главное вниманіе на церковное пѣніе и на практическія занятія курсистовъ по физикѣ и естествознанію. Эти занятія имѣютъ особенную важность въ виду той программы обученія естественнымъ наукамъ, какія введены въ послѣднее время въ курсы второклассныхъ школъ.

Матеріальное обезпеченіе учащихся составляло во весь двадцатилѣтній періодъ существованія школъ предметъ особенныхъ заботъ церковно-школьной власти. Значительная часть мѣстныхъ средствъ и около половины всего казеннаго бюджета церковныхъ школъ была всегда назначаемая на содержаніе учащихся. Кроме того, возникли разныя матеріально-вспомогательныя учрежденія, поставившія цѣлю воспособленіе учащихся. Примѣрнымъ уставомъ Общества вспомошествованія учащимъ и учившимъ въ церковныхъ школахъ, утвержденнымъ Святымъ Синодомъ, положено начало къ повсемѣстному открытію обществъ вспомошествованія; нѣкоторыя эмеритальныя кассы для духовенства допустили на равныхъ правахъ къ участію въ нихъ и учащихся въ церковныхъ школахъ лицъ; положено основаніе пенсіонной кассѣ для учителей и учительницъ церковныхъ школъ въ Имперіи; по мѣстамъ созданы пріюты для учительскихъ дѣтей; дарованы учащимся разныя льготы, права, государственная пенсія для учащихся во второклассныхъ и церковно-учительскихъ школахъ и т. п.

В. Давыденко, редакторъ. (Окончаніе будетъ).

Философскія воззрѣнія Б. Н. Чичерина (р. 1828 † 1904 г.) и нѣсколько словъ о значеніи дѣятельности Н. К. Михайловскаго (р. 1843 † 1904 г.); какъ позитивиста.

(Продолженіе) II.

Во второй части своего сочиненія, носящей заглавіе: „Религія“, Чичеринъ касается по преимуществу религіозныхъ вопросовъ; именно сперва онъ уясняетъ значеніе религіи, какъ общаго элемента человѣческаго духа, затѣмъ показываетъ отношеніе религіи къ философіи и нравственности; далѣе устанавливаетъ понятіе церкви, и, наконецъ, переходитъ къ разбору положительныхъ религій. Разсматривая религію, какъ общее явленіе человѣческаго духа, Чичеринъ опредѣляетъ религію, какъ стремленіе къ живому общенію съ абсолютнымъ. Уясняя взаимное отношеніе религіи и философіи, нашъ мыслитель говоритъ, что религія относится къ философіи, какъ молитва къ силлогизму¹⁾. Человѣкъ на всѣхъ ступеняхъ своего развитія, съ дѣтскихъ поръ, какъ онъ сознаетъ себя человѣкомъ, ищетъ Бога и возноситъ къ нему свои молитвы. Это — всемірный фактъ, который указываетъ на искони присущую человѣку потребность общенія съ Высшимъ Существомъ. Другой фактъ тотъ, что въ религіи человѣкъ находитъ удовлетвореніе. Онъ укрѣпляется нравственно, приобретаетъ душевное спокойствіе и утѣшеніе въ скорбяхъ. Въ своемъ стремленіи къ Богу, человѣкъ не остается вѣчно холоднымъ; онъ подучаетъ духовную

¹⁾ См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1904 г. № 18.

пищу. Источникомъ этого удовлетворенія служитъ внутренняя увѣренность, что невидимое Существо, къ которому онъ обращается мысленно, слышитъ его молитвы и оказываетъ ему помощь. Въ этомъ состоитъ сущность вѣры.

Установивши понятіе о сущности религіи, Чичеринъ далѣе опровергаетъ воззрѣніе, производящее религію изъ самообольщенія и считающее ее продуктомъ такого младенческаго состоянія ума, которое на высшихъ ступеняхъ развитія должно замѣниться наукою. Нашъ мыслитель находитъ, что это воззрѣніе, имѣющее претензію опираться на факты, грѣшитъ, прежде всего, тѣмъ, что оно невѣрно представляетъ факты. Вѣрующій, даже на низшихъ ступеняхъ развитія, какъ скоро онъ отрѣшился отъ внѣшняго явленія и начинаетъ поклоняться выражающейся въ явленіяхъ силѣ, представляетъ себѣ боговъ совершенно иными, чѣмъ онъ самъ. Себя онъ знаетъ, какъ физическое существо, видимое и осязаемое; боговъ же онъ представляетъ невидимыми и неосязаемыми. Человѣкъ никогда не воображаетъ, что онъ можетъ сообщать свои мысли и желанія другимъ, иначе, какъ путемъ внѣшняго общенія; къ Богу же онъ обращается мысленно и увѣренъ, что молитва его будетъ услышана. Слѣдовательно, тутъ явленіе совершенно другого рода, чѣмъ простой антропоморфизмъ. На понятіе о Богѣ могутъ быть перенесены нѣкоторыя человѣческія черты, но нашъ мыслитель усиленно подчеркиваетъ то свое воззрѣніе, что самое понятіе взято отнюдь не съ человѣка. Между понятіями о Богѣ и о человѣкѣ вся та разница, которую мы полагаемъ между физическимъ существомъ и духовнымъ, между относительнымъ и абсолютнымъ. Одно представленіе получается изъ опыта, другое изъ чистой мысли. И здѣсь Чичеринъ указываетъ то нелѣпое положеніе, въ которое попадаютъ позитивисты, признающіе опытъ единственнымъ источникомъ познанія. На самомъ дѣлѣ, если опытъ составляетъ единственный источникъ нашего познанія, какъ утверждаютъ позитивисты, то является необъяснимымъ вопросомъ: какимъ образомъ могъ человѣкъ воображать себѣ въ теченіе тысячелѣтій, что онъ имѣетъ общеніе съ существомъ, которое не только никогда никому не являлось, но о которомъ онъ не можетъ имѣть даже

ни малѣйшаго понятія? Нашъ мыслитель справедливо замѣчаетъ, что если признать коренное убѣжденіе человечества въ существованіи Высшаго бытія иллюзіей, то придется считать безумнымъ все человечество, притомъ не на низшихъ только ступеняхъ развитія, но и на высшихъ, ибо исторія свидѣтельствуешь, что къ числу религіозныхъ людей принадлежали величайшіе умы, какіе появлялись въ человечествѣ. Все это, съ точки зрѣнія опытнаго знанія, совершенно необъяснимо. Религія также, какъ и философія, составляетъ камень преткновения для позитивизма. Съ философской же точки зрѣнія, напротивъ, религія представляется необходимымъ явленіемъ въ человеческой жизни. Если Богъ есть Разумъ, управляющій вселенною, а человекъ, какъ разумное существо, самъ является причастникомъ этого Разума и вноситъ въ себѣ сознание его бытія, то онъ, по самой своей природѣ, долженъ стремиться къ общенію съ Богомъ. Существо разума состоитъ именно въ общеніи. Какъ скоро человекъ имѣетъ понятіе о Богѣ, такъ онъ необходимо стремится къ единенію съ Нимъ. Но, признавая существованіе Бога, мы не можемъ не признать и того, что онъ присутствуетъ въ сердцахъ людей, слышать ихъ молитвы и оказываетъ имъ помощь. Отсюда религія не есть только одностороннее вознесеніе души къ Богу; въ ней есть и живое взаимодействіе; и это именно то, что даетъ намъ несокрушимую увѣренность въ присутствіи Верховнаго Существа. Таково значеніе религіи по природенному человеку чувству; но таково же оно по убѣжденію и высочайшихъ умовъ: чѣмъ шире міросозерцаніе человека, чѣмъ глубже онъ вникаетъ въ основныя начала бытія, тѣмъ сильнѣе пробуждается въ немъ религіозное стремленіе; и нашъ мыслитель находитъ, что все великіе философы, несмотря на одностороннія точки зрѣнія, были глубокорелигіозные люди. Въ примѣръ такихъ философовъ Чичеринъ приводитъ, между прочимъ, Спинозу. Слѣдя характеристикъ Спинозы, данной Шлейермахеромъ, нашъ мыслитель находитъ, что Спинозу насквозь проникалъ высокій міровой духъ; безконечное было для него началомъ и концомъ, вселенная его единственною вѣчною любовью; онъ былъ полонъ религіи ¹).

¹) 218 стр.

Дѣлая заключеніе объ отношеніи истинной философіи и науки къ религіи, Чичеринъ говоритъ, что истинная наука не можетъ не признать религіи вѣчнымъ и необходимымъ элементомъ человѣческаго духа. Никакія ученныя изслѣдованія не въ состояніи замѣнить вѣру такъ же, какъ никакія разсужденія не могутъ замѣнить молитву. Наука, на вершинѣ своего развитія, какъ и всеобъемлющая философія, проникающая въ самую сущность видимаго и невидимаго міра, все-таки даетъ только отвлеченное знаніе. Живое общеніе, плодъ религіи, есть нѣчто совершенно другое, что выходитъ изъ ея предѣловъ. Свойства этого явленія вытекаютъ изъ самаго его существа. Вознесеніе души къ Богу должно охватывать всѣ стороны человѣческой природы, ибо Богъ составляетъ для человѣка начало, середину и конецъ всей его жизни ¹⁾. Въ этомъ состоитъ коренное различіе между живымъ отношеніемъ и отвлеченнымъ познаніемъ. Человѣкъ во всемъ существомъ своимъ обращается къ Тому, въ Комъ онъ видитъ и своего Создателя, и центръ нравственнаго міра, и вѣчную цѣль всякаго бытія. Ничто въ немъ не можетъ быть изъято изъ этого верховнаго отношенія, обнимающаго всѣ основы его существованія. Во всякой другой сферѣ человѣческой дѣятельности преобладаетъ та или другая душевная сила, или способность, здѣсь же всѣ раздробленныя силы соединяются въ единомъ, верховномъ актѣ, которымъ утверждается связь единичнаго существа съ абсолютнымъ началомъ всякой жизни. Въ религіи всѣ отдѣльныя нити человѣческаго существованія скрѣпляются въ единый узелъ.

Отсюда нашъ мыслитель естественно дѣлаетъ тотъ выводъ, что религія представляетъ весьма сложное явленіе. Первоначальнымъ источникомъ религіи является, присущее всякому человѣку религіозное чувство. Это чувство, какъ всѣ другія чувства, можетъ затемняться и даже совершенно заглошаться другими цѣлями и стремленіями. Многіе, въ извѣстный періодъ жизни, могутъ не находить его въ себѣ. Но какъ скоро человѣкъ углубляется въ себя, какъ скоро предъ внутреннимъ

1) 214 стр.

его сознаниемъ раскрывается глубочайшій тайникъ его души, гдѣ мысль и совѣсть совпадаютъ, такъ онъ не можетъ не чувствовать своей зависимости отъ окружающаго его безконечнаго бытія и стремленія къ единенію съ этимъ бытіемъ. Это чувство составляетъ чистѣйшее выраженіе собственной его природы, ибо человекъ, будучи носителемъ абсолютнаго начала, не можетъ не чувствовать присутствія этого начала въ себѣ и своей связи съ нимъ. Отсюда то явленіе, что религіозное чувство находится у людей самыхъ необразованныхъ, такъ же, какъ и самыхъ образованныхъ. При недостаткѣ умственнаго развитія, оно можетъ принимать несоотвѣтствующія истинному понятію формы, но оно распространено во всемъ человечествѣ. Религія, въ отличіе отъ философіи, составляетъ достояніе всѣхъ. Отсутствие религіознаго чувства, по убѣжденію нашего мыслителя, всегда является искаженіемъ человеческой природы ¹⁾. Оно происходитъ либо отъ состоянія, близкаго къ животнымъ, либо отъ односторонняго развитія частныхъ силъ и способностей, въ ущербъ внутреннему единству. На низшихъ ступеняхъ оно встрѣчается при совершенномъ умственномъ и нравственномъ оупѣвнн; на высшихъ же ступеняхъ развитія, оно служитъ признакомъ того переходнаго состоянія, когда первоначальное, естественное единство души уже потеряно, а новое духовное единство еще не достигнуто. Таково, по Чичерину, значеніе чувства въ религіи; но чувство составляетъ лишь первоначальную основу религіи. Само въ себѣ, оно не включаетъ ничего, кромѣ неопредѣленнаго ощущенія духовнаго недостатка и пристекающаго отсюда стремленія къ восполненію этого недостатка. Для того, чтобы это восполненіе могло совершиться, нуженъ предметъ; предметъ же не создается чувствомъ: онъ дается ему извнѣ, и при томъ не иначе, какъ посредствомъ разумнаго сознанія. Необходимо представленіе, къ которому чувство могло бы обратиться, а представленіе производится разумомъ. Кто не имѣетъ понятія о Богѣ, тотъ не можетъ и ощущать его присутствія; понятіе же о Богѣ дается разумомъ, который одинъ раскрываетъ абсолютнымъ

---

1) 215 стр.

начала бытія. Религіозное чувство, по самой своей природѣ, есть чувство, проникнутое разумомъ. Оно можетъ принадлежать единственно разумному существу, ибо только разумное существо стремится выдти изъ своей ограниченности и соединиться съ безконечнымъ.

Различіемъ представленія о божествѣ нашъ мыслитель объясняетъ и различіе религій. Религіозное чувство не во всѣхъ степеняхъ одинаково; на низшихъ степеняхъ оно можетъ проявляться даже и сильнѣе, чѣмъ на высшихъ, ибо оно менѣе заслоняется постороннимъ содержаніемъ. Но умственное состояніе у людей разное, а вслѣдствіе того различно и пониманіе Божества. *Религія подлѣжитъ развитію не потому, что развивается чувство, а потому, что развивается разумъ. Богъ открывається человеку по мѣрѣ того, какъ человекъ способенъ его понимать.* Отсюда Чичеринъ и дѣлаетъ выводъ, что разумное начало въ религіи составляетъ существеннѣйшій элементъ¹⁾. Всякая религія представляетъ извѣстное міросозерцаніе, т. е. извѣстное понятіе о Богѣ и объ отношеніяхъ его къ міру. Съ этой стороны, религія совпадаетъ съ философіею: содержаніе ихъ тождественно.

Эта философская сторона религіи называется догмою. Развитіе догмы составляетъ предметъ богословской науки. Изъ такого выясненія значенія богословія, Чичеринъ дѣлаетъ выводъ, что богословіе не есть только пустой придатокъ къ религіи; игра ума, изошряющагося въ схоластическихъ тонкостяхъ: въ своей отрѣшенности отъ живого единства вѣры, богословскіе вопросы могутъ иногда казаться пустыми отвлеченностями, не имѣющими существеннаго значенія для человѣческой души; но для человѣка, понимающаго связь отвлеченныхъ понятій съ самыми конкретными явленіями жизни, понятна и безконечная важность богословской науки. Въ качествѣ иллюстраціи подобной важности богословія и значительности даже малѣйшихъ разногласій въ богословскихъ мнѣніяхъ, Чичеринъ приводитъ споръ между православными и еретиками IV вѣка о лицѣ Иисуса Христа, котораго одни признавали

¹⁾ 216 стр.

единосущнымъ, а другіе подобосущнымъ Отцу; на греческомъ языкѣ эти выраженія отличаются только одной буквой (ὁμοούσιος и ὁμοιοούσιος); потому профанамъ всѣхъ вѣковъ казались нелѣпыми эти ожесточенныя, нерѣдко кровавыя, распри изъ за одной буквы. И точно, замѣчаетъ нашъ мыслитель, онѣ должны казаться какимъ то безуміемъ всякому, кто въ богословіи и метафизикѣ видитъ только пустыя отвлеченности. Но кому понятенъ смыслъ этого вопроса, тотъ знаетъ, что отъ этой одной буквы зависѣло все дальнѣйшее развитіе чело-вѣчества. Признаніе Слова подобосущнымъ Силѣ означало подчиненное значеніе Разума въ мірозданіи и въ чело-вѣкѣ; напротивъ, признаніе Бога Сына единосущнымъ Отцу означало самобытное значеніе Разума, какъ божественнаго начала въ мірѣ и жизни. Это послѣднее воззрѣніе было источникомъ совершенно новаго міросозерцанія, невѣдомаго древ-нему міру, міросозерцанія, которое влекло за собою неисчи-слимыя послѣдствія не только для религіи, но и для фило-софіи, для нравственности, для права, для политики, однимъ словомъ, для всей совокупности чело-вѣческой жизни. И то, что выражается здѣсь одною буквою, обозначало переломъ во всемирной исторіи¹⁾.

Раскрывши внутреннее основаніе религіи, Чичеринъ вы-ясняетъ далѣе значеніе и внѣшней обрядовой стороны ея. Если религія должна обнимать собою всѣ стороны чело-вѣческой природы, то естественно вывести заключеніе, что не слѣдуетъ уничтожать въ ней внѣшній элементъ, который составляетъ существенную ея принадлежность, а надобно только внушать вѣрующимъ пониманіе истиннаго его смысла. Внѣшнія формы служатъ не только выраженіемъ чувства, но и сами воздѣйствуютъ на чувство, возбуждая въ чело-вѣкѣ религіозное настроеніе. Нашъ мыслитель такъ выясняетъ этотъ вопросъ о значеніи обрядовой стороны религіи. Углубленіе въ себя составляетъ вообще достояніе немногихъ; масса живетъ болѣе подъ вліяніемъ наружныхъ впечатлѣній. Отнять у нея то, что привлекаетъ ее внѣшнимъ образомъ, значить лишить ее одного изъ живыхъ источниковъ религіозной жизни. Первова-

1) 217 стр

чальнымъ, самымъ естественнымъ выраженіемъ религіознаго чувства, служатъ тѣлодвиженія. Человѣкъ невольно склоняется предъ видимымъ, или представляемымъ образомъ Божества; онъ падаетъ ницъ, выражая тѣмъ мольбу, смиреніе, или покорность. Тѣлесныя выраженія религіознаго чувства нерѣдко болѣе способствуютъ возбужденію общаго настроенія, чѣмъ самое слово. Крестное знаменіе болѣе связываетъ христіанъ, чѣмъ какая бы то ни было молитва. Оно представляетъ имъ въ живомъ и непосредственно понятномъ знакѣ все то, за что они готовы положить свою душу. Допуская возможность того, что всѣ эти изъясненія могутъ обратиться въ привычку, нашъ мыслитель все таки не находитъ въ этомъ обстоятельствѣ достаточныхъ основаній для отрицанія частаго употребленія обрядовыхъ церковныхъ тѣлодвиженій—крестнаго знаменія и поклоновъ. Онъ справедливо спрашиваетъ: почему же привычка, которая составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ человѣческой жизни, должна быть изъята отъ вліянія религіи? Нашъ мыслитель находитъ вполне законнымъ и въ дѣлѣ религіи признавать глубокое значеніе за привычкой. Аналогичное же разсужденіе высказываетъ нашъ мыслитель и объ обрядахъ ¹⁾, которые въ болѣе сложной формѣ представляютъ такое же выраженіе религіознаго чувства, какъ и простыя тѣлодвиженія. Ничто такъ не способствуетъ благоговѣйному настроенію, ничто такъ не соединяетъ людей въ общемъ чувствѣ, какъ исполненіе обрядовъ, съ пониманіемъ истиннаго ихъ смысла. Обрядъ есть выраженіе религіознаго содержанія, выливаемаго въ типическую форму, которая передается отъ поколѣнія къ поколѣнію. Онъ не только представляетъ полное художественное изображеніе извѣстной идеи, очищенной отъ всякой субъективной примѣси, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ связью между отдаленнѣйшими временами и народами. Оттого обрядъ бываетъ такъ дорогъ человѣку. Даже то, что уже потеряло свой первоначальный смыслъ, сохраняется, какъ наслѣдіе предковъ, какъ воспоминаніе о давно прошедшихъ вѣкахъ. Еще высшее значеніе получаютъ обряды

¹⁾ Чѣчеринъ отличаетъ поклоны и крестное знаменіе, какъ церковно-обрядовыя тѣлодвиженія, отъ обрядовъ въ собственномъ, болѣе тѣсномъ, смыслѣ этого слова.

черезъ то, что они обыкновенно представляютъ символическія изображенія событій религіозной жизни, дѣйствій самого Божества. Человѣкъ самъ, въ видимой формѣ, изображаетъ то, что составляетъ содержаніе его вѣры. Подъ тѣлесными движеніями скрывается для него таинственный смыслъ. Вслѣдствіе этого, каждый шагъ получаетъ здѣсь высшее, религіозное значеніе; нарушеніе обрядовъ представляется святотатствомъ. Наконецъ обряды имѣютъ и воспитательное значеніе. Они приучаютъ человѣка подчиняться общему порядку и воздерживать свои личныя влеченія. Сюда, по Чичерину, относятся напримѣръ, посты, налагающіе на вѣрующихъ извѣстныя лишенія, во имя религіозной цѣли. Нашъ мыслитель находитъ особенное значеніе и смыслъ обрядовъ для простыхъ людей ¹⁾. Чѣмъ ниже развитіе человѣка, тѣмъ значаще это воспитательное значеніе обрядовъ. Въ тѣ времена, когда религія составляла единственное воспитательное учрежденіе человѣчества, религіозными обрядами опредѣлялись всѣ мелочи жизни. Для массы, неспособной понимать философскій смыслъ догматовъ, они представляютъ живое изображеніе содержанія вѣры. При маломъ умственномъ развитіи, человѣкъ склоненъ даже предавать имъ преувеличенное значеніе, полагая въ исполненіи ихъ главную свою религіозную задачу и забывая за внѣшнюю форму внутреннее содержаніе. Высшее развитіе естественно ведетъ къ тому, что духовное содержаніе религіи цѣнится болѣе, чѣмъ внѣшнія формы. Вслѣдствіе этого, по мнѣнію Чичерина, значеніе обрядовъ неизбежно умаляется. Человѣкъ начинаетъ думать, что главная его задача въ религіозной сферѣ заключается не въ исполненіи обрядовъ, а въ правственной жизни и въ вознесеніи ума и сердца къ Богу. Но нашъ мыслитель находитъ нужнымъ сказать, что здѣсь легкомысленное пренебреженіе къ обрядамъ всегда составляетъ признакъ односторонняго и ограниченнаго пониманія. И для образованнаго человѣка обрядъ представляетъ типическое изображеніе религіозной идеи, отвѣчающее естественной потребности души, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устанавливающей связь лица съ окружающимъ

¹⁾ 220 стр.

его религиознымъ міромъ, связь, которую онъ можетъ нарушить только во имя высшихъ убѣжденій, но которою онъ никогда не въ правѣ пренебрегать.

Послѣ обрядовъ Чичеринъ разсуждаетъ о внѣшнихъ изображеніяхъ лицъ и событій, составляющихъ предметъ религиознаго поклоненія, а затѣмъ о священнодѣйствіяхъ—таинствахъ. Здѣсь онъ указываетъ смыслъ и значеніе этихъ священнодѣйствій; установленіе ихъ, по взгляду нашего мыслителя, обусловливается тѣмъ, что они вытекаютъ изъ необходимости религиозной жизни. Священнодѣйствія даютъ слабой вѣрѣ поддержку, уничтожаютъ личное разъединеніе людей и служатъ средствами для живого общенія людей между собою и съ Богомъ. Высшее священнодѣйствіе есть жертва. Уже въ самыхъ первобытныхъ религіяхъ совершаются жертвоприношенія. Религиозный инстинкъ человѣческаго рода видитъ въ этомъ дѣйствіи символъ и средоточіе всѣхъ отношеній человѣка къ Божеству. Смыслъ его заключается въ томъ, что человѣкъ, вступая въ общеніе съ Богомъ, долженъ отречься отъ себя; онъ долженъ отдать себя всецѣло тому Высшему Существо, которому онъ поклоняется. Отсюда всеобщее убѣжденіе человечества, что жертва пріятна Богу. Въ натуралистическихъ религіяхъ древняго міра, которыя не отдѣляли еще матеріальнаго элемента отъ духовнаго, это убѣжденіе влекло за собою матеріальныя жертвоприношенія. Христіанство замѣнило матеріальную жертву духовною. И тутъ идея жертвы составляетъ основу всей религіи. Христосъ принесъ себя въ жертву за все человѣчество, и всякій, въ него вѣрующій, обязанъ быть готовымъ подражать его примѣру. Отреченіе отъ себя, для полной преданности закону Христову, составляетъ сущность христіанскихъ обязанностей ¹⁾. Но отъ христіанина не требуется, чтобы онъ свою готовность выражалъ въ матеріальныхъ жертвоприношеніяхъ. Христіанинъ пріобщается жертвѣ Христовой чисто духовными дѣйствіями, отреченіемъ отъ эгоистическихъ цѣлей и преданіемъ себя всецѣло на волю Божию. Это и есть, въ христіанскомъ смыслѣ, жертва, пріят-

¹⁾ 224 стр.

ная Богу. Вѣшнія же дѣйствія составляютъ только необходимыя послѣдствія этого внутренняго акта; они создаютъ ту символическую форму, въ которую изливается духовное содержаніе.

Приведенными разсужденіями Чичеринъ и кончаетъ первую главу второй части своего сочиненія. Въ слѣдующей главѣ онъ выясняетъ взаимныя отношенія религіи и философіи. Если философія есть ограниченное познаніе абсолютнаго, а религія живое взаимодѣйствіе съ абсолютнымъ, то философія не можетъ быть поставлена выше религіи, какъ то учитъ Гегель, считающій религію низшею стадіею познанія абсолютнаго. Нѣтъ, замѣчаетъ нашъ мыслитель, философія не выше религіи. Она относится къ религіи, какъ чистая мысль къ живому единенію, т. е., какъ отвлеченно-общее начало къ конкретному единству ¹⁾. Что же касается метода познанія, то философія имѣетъ свои пути познанія и свои доказательства, совершенно отличныя отъ религіи. Философія не можетъ ссылаться на авторитетъ, на живое общеніе, на внутреннее или вѣшнее откровеніе. Для нея религія составляетъ предметъ изслѣдованія, а не источникъ познанія. Точкою отправленія для нея можетъ быть единственно она сама, то есть человѣческій разумъ, съ его неизмѣнными законами и съ присущимъ ему понятіемъ абсолютнаго, къ которому онъ необходимо сводитъ все относительное. Для философа не существуетъ иного орудія, кромѣ логики, или, что то же самое, діалектики, которая составляетъ высшее развитіе логики. Всякое доказательство настолько имѣетъ для него силы, насколько оно представляется ему логически необходимымъ. Вслѣдствіе этого, самыя религіозныя начала тогда только признаются философомъ, когда они прошли черезъ горнило логическаго испытанія. Тотъ философскій элементъ, который составляетъ существенную составную часть всякой религіи, не принимается философомъ на вѣру, но изслѣдуется имъ на основаніи началъ собственной его науки, и усваивается имъ единственно тогда, когда онъ соотвѣтствуетъ законамъ человѣческаго разума. Отсюда ясно,

¹⁾ 226 стр.

что въ наукѣ разумъ становится судьей вѣры. Нашъ мыслитель находитъ такое отношеніе разума къ вѣрѣ совершенно правильнымъ; такъ какъ въ религіи соединяются всѣ элементы человѣческой души, то сама она не можетъ служить отвлеченнымъ мѣриломъ истины. Религія представляетъ стремленіе человѣка къ живому общенію съ Богомъ; но въ этомъ стремленіи субъективное начало перемѣшивается съ объективнымъ; съ вѣрою легко соединяется суевѣріе. Проверка здѣсь тѣмъ необходимѣе, по нашему мыслителю, что религія — не одна въ мірѣ; ихъ множество, и каждая изъ нихъ имѣетъ притязаніе на безусловное значеніе, каждая отвергаетъ всѣ остальные. Следовательно, является необходимость въ объективномъ критеріи, такъ какъ полагаться здѣсь на субъективное чувство нѣтъ возможности, потому что всякій субъективный критеріей всегда можетъ предполагать самообольщеніе, или ошибку. Объективная истина требуетъ и объективнаго мѣрида. И Чичеринъ находитъ, что, несмотря на ограниченность человѣческаго разума, онъ составляетъ единственное данное человѣку орудіе познанія, а потому единственное для него мѣрило истины. Волею или неволею, человѣкъ, во всемъ изслѣдованіи явленій міра, принужденъ на него волагаться. Когда разуму противопоставляется откровенію, и отъ человѣка требуется вѣра въ это откровеніе, то человѣкъ, какъ разумное существо, обязанъ спросить: гдѣ доказательство, что это откровеніе Божіе? Иначе, говоритъ Чичеринъ, нѣтъ причины, почему бы онъ не повѣрилъ Ведамъ или Корану такъ же, какъ Евангелію. Онъ долженъ будетъ слѣпо отдаться всякому суевѣрію. Доказательство же можетъ представить единственно разумъ, испытавши какъ внѣшніе признаки откровенія, такъ и внутреннее его содержаніе. И только проведши свою вѣру черезъ это испытаніе, образованный человѣкъ можетъ отдаться ей всей душой, сознательно и свободно, какъ, требуется, высшимъ развитіемъ духа. Поэтому-то, по замѣчанію нашего мыслителя, тѣ религіи, которыя носятъ въ себѣ непоколебимое убѣжденіе въ разумности своего содержанія, не только не боятся испытанія, но и сами его вызываютъ. И здѣсь, въ подтвержденіе своей мысли, Чичеринъ справедливо приводитъ из-

вѣстныя слова апостола Павла: „Испытайте все, и хорошаго держитесь“ (1 Солун. V, 21). Истинная вѣра отличается отъ суевѣрія именно тѣмъ, что она способна вывести испытаніе. Устраняя же всякое испытаніе и требуя безусловной покорности авторитету, вѣра ставитъ себя на одну доску съ суевѣріемъ. Но приписывая такое великое значеніе разуму, нашъ мыслитель считаетъ нужнымъ указать на то, что разумъ не можетъ служить непогрѣшимымъ мѣриломъ истины. Человѣческій разумъ развивается, и въ этомъ развитіи онъ проходитъ черезъ различныя ступени, изъ которыхъ каждая представляетъ только одностороннюю истину. Философія образуетъ полный циклъ ученій, поочередно переходя отъ натурализма, съ одной стороны къ матеріализму, съ другой къ спиритуализму, затѣмъ къ скептицизму, и наконецъ къ идеализму. Отсюда Чичеринъ находитъ яснымъ, что при какой либо односторонней точкѣ зрѣнія, самый критерій, выставляемый разумомъ, будетъ одностороннимъ. Чтобы устроить эту односторонность, нужно помнить, говоритъ нашъ мыслитель ¹⁾, что всѣ различныя точки зрѣнія философіи, составляютъ только временныя ступени, чрезъ которыя проходитъ духъ человѣческій, на пути къ болѣе полному и высокому развитію. Философія и религія расходятся въ частныхъ своихъ проявленіяхъ, ибо онѣ не развиваются параллельно; но въ цѣломъ онѣ совпадаютъ, ибо, въ своей совокупности, онѣ представляютъ развитіе одного и того же содержанія. Сознаніе абсолютнаго, которое въ философіи развивается въ формѣ отвлеченнаго познанія, въ религіи развивается въ формѣ живого отношенія къ Божеству, охватывающаго всю человѣческую жизнь. Изъ такого взгляда на взаимное отношеніе религіи и философіи, Чичеринъ выясняетъ и ту роль, которую играетъ философія въ отношеніи къ религіи. Какъ чисто логическое мышленіе, философія заключаетъ въ себѣ и синтезъ и анализъ; но въ совокупности человѣческаго духа, религія представляетъ синтетическое начало, а философія аналитическое, т. е., отдѣльный элементъ, отрѣшенный отъ другихъ. Религія, обнимая всѣ стороны человѣческаго естества

¹⁾ 292 стр.

и подчиняя ихъ верховному, абсолютному принципу, стоящему выше человѣческаго произвола, принимаетъ форму неподвижнаго и неизмѣннаго міросозерцанія, которому человѣкъ нравственно обязанъ подчиняться. Философія, напротивъ, подвергая это начало логическому испытанію и переходя отъ опредѣленія къ опредѣленію, въ силу управляющаго ею закона діалектическаго развитія, носитъ на себѣ характеръ подвижности; она составляетъ прогрессивный элементъ человѣческаго духа. Вслѣдствіе этого она нерѣдко дѣйствуетъ на религію, какъ разлагающее начало, что и имѣло мѣсто въ древнемъ мірѣ: язычество разложилось подъ вліяніемъ греческой философіи. Но философія оказываетъ на религію не одно разлагающее вліяніе: если это чисто логическое движеніе мысли дѣйствуетъ разрушительно на низшія формы религіознаго сознанія, то оно же приводитъ человѣка къ высшему сознанію. Анализъ опять же въ силу діалектическаго закона развитія, самъ собою, неизбежно приводитъ къ высшему синтезу. Философское мышленіе приготовляетъ человѣка къ болѣе полному религіозному общенію съ Богомъ, ибо полнота общенія зависитъ отъ полноты повиманія. Здѣсь Чичеринъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, опять ссылается на исторію древняго міра: греческая философія не только дискредитировала язычество, но она же и приготовила явчниковъ къ воспріятію христіанства. И это приготовленіе, по нашему мыслителю, было до такой степени дѣйствительно, что христіанство, отвергнутое евреями, изъ среды которыхъ оно вышло, было усвоено совершенно чуждыми ему народами, именно тѣми, которые прошли черезъ школу греческой философіи. Такимъ образомъ, по заключенію Чичерина, въ общемъ развитіи человѣческаго духа, аналитическое движеніе мысли служитъ переходомъ отъ одного синтеза къ другому. Каждый философскій періодъ лежитъ между двумя періодами религіозными. Въ религіозныя времена умъ человѣческій самъ собою подчиняется господствующему синтезу, ибо не видитъ ничего высшаго. Философскія изслѣдованія ограничиваются тогда объясненіемъ и оправданіемъ религіозныхъ вѣрованій. Въ аналитическія времена, напротивъ, наука становится на собственные ноги и старается пролагать новые пути. *Это смѣна синтетическихъ эпохъ и аналити-*

ческикъ, изъ которыхъ однѣ характеризуются преобладаніемъ религіи, а другія преобладаніемъ философіи, и составляетъ по нашему мыслителю основной законъ *человѣческой исторіи* ¹⁾. Философское изслѣдованіе отношенія философіи къ религіи доказываетъ его необходимость, а опытное изученіе исторіи подтверждаетъ его дѣйствительность.

Установивши отношеніе религіи къ философіи, Чичеринъ выясняетъ далѣе отношеніе религіи къ искусству. Для тѣхъ, говоритъ нашъ мыслитель ²⁾, которые видятъ въ искусствѣ только подражаніе природѣ, или снимокъ съ жизни, религіозное искусство должно казаться такимъ же непостижимымъ заблужденіемъ *человѣческаго духа*, какимъ представляется сама религія мыслителямъ, не признающимъ иного источника познанія, кромѣ опыта. И. Чичеринъ находитъ, что здѣсь заблужденіе тѣмъ страннѣе, что въ художественномъ творествѣ *человѣкъ* слѣдуетъ не указаніямъ ума, по существу своему подверженнаго ошибкамъ, а непобѣдимому внутреннему влеченію. Идея овладѣваетъ всею душею художника, и онъ безсознательнымъ творческимъ актомъ переводитъ ее въ образъ, носящій на себѣ печать красоты. Если для *человѣка* нѣтъ чисто идеальнаго міра, если *внѣшнія явленія* составляютъ для него источникъ всего, что онъ думаетъ и чувствуетъ, то высшее, до чего можетъ достигнуть искусство, это—изображеніе историческихъ событій. Но, справедливо замѣчаетъ Чичеринъ, всякій, кто знакомъ съ произведеніями искусства и умѣетъ ихъ цѣнить, знаетъ, что высшею формою искусства является совсѣмъ не то искусство, которое стремится быть только подражаніемъ жизни.

Сикстинская Мадонна была и останется идеаломъ художественной красоты, не смотря на то, что выраженная въ ней идея не имѣетъ въ себѣ ничего реального, а заимствована изъ сверхчувственной области. Въ этомъ дѣйствиіи *высшаго искусства* на *человѣка* Чичеринъ находитъ доказательство того, что *сверхчувственные идеи*, составляя живой источникъ вдохновенія, заключаютъ въ себѣ нѣчто положительное, дѣйствующее на *человѣческую душу*, какъ неотразимая сила, и под-

1) Ibid. 284 стр. и д.

2) Ib. 285 стр.

нимающее ее на высоту, недоступную обыкновенному пониманию. Идеи же сверхчувственные составляют область религии; отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что религія должна служить вдохновительницею искусства. И эта вдохновляющая сила религіи, по нашему мыслителю, объясняется только тѣмъ, что задача искусства заключается не въ одномъ изображеніи дѣйствительности, а въ выраженіи идей въ изящныхъ формахъ. Это идеальное начало есть именно то, что даетъ искусству высшее значеніе въ человѣческой жизни; дѣйствительность же доставляетъ ему только матеріалъ для исполненія этой задачи. Насколько идеи выражаются въ жизни, настолько самая жизнь становится предметомъ для искусства. Указывая на то, что уже въ самыхъ мелкихъ явленіяхъ можетъ быть обаяніе поэзіи, слѣдовательно и предметъ для художественнаго творчества, нашъ мыслитель однако подчеркиваетъ то, что высшимъ для него поприщемъ служить идеальный міръ, гдѣ идеи находятъ полное свое выраженіе въ соответствующихъ имъ образахъ. Этотъ именно характеръ носить на себѣ религіозное искусство ¹⁾. Но художникъ тогда только способенъ вдохновляться религіозными идеями, когда онъ видитъ въ нихъ истину. Пустая игра воображенія никогда не можетъ заключать въ себѣ той силы и той глубины, которыя необходимы для религіознаго художества и которыя плѣняютъ насъ въ его произведеніяхъ; но художнику недостаточно и одного личнаго убѣжденія: надобно, чтобы религіозныя идеи одушевляли то общество, среди котораго онъ живетъ. Художникъ болѣе, чѣмъ кто либо, дитя своего времени. Онъ не случайное, единичное явленіе въ ряду другихъ. Въ его бессознательномъ творествѣ выражаются тѣ идеальныя начала, которыя живутъ въ окружающемъ его мірѣ, та поэзія, которая вѣетъ въ современности. Идеальное согласіе жизни выражается у него въ идеальной гармоніи формъ. Поэтому, во все времена, искусство бывало настолько способно держаться на высотѣ, насколько въ обществѣ сохранялось идеальныхъ стремленій. Чѣмъ болѣе послѣднія исчезаютъ, чѣмъ болѣе преобладаетъ анализъ, тѣмъ и паденіе искусства становится ощутительнѣе. Внутренній разладъ общества выражается въ отрывочности и

¹⁾ 286 стр.

мелочности художественныхъ произведеній. Разрозненное содержаніе неспособно вылиться въ гармоническую форму. Отсюда же, по воззрѣнію нашего мыслителя, и происходитъ фактъ упадка искусства въ эпоху разума. Чѣмъ болѣе человекъ ищетъ вдохновенія въ одной дѣйствительности, чѣмъ болѣе онъ удаляется отъ идеала, тѣмъ болѣе иссякаетъ въ немъ истинный источникъ художественнаго творчества. Возрожденія искусства можно ожидать только отъ возвращенія къ религіи, къ идеальному міросозерцанію. Но это зависитъ отъ развитія жизни. Художникъ не можетъ быть зачинателемъ движенія; онъ является только высшимъ его выраженіемъ. Но, вдохновляясь содержаніемъ религіи, какъ чистымъ проявленіемъ идеальныхъ началъ, художникъ относится къ нему свободно. Искусство, такъ же, какъ и философія, составляетъ самостоятельный элементъ человѣческаго духа, элементъ, корень котораго лежитъ въ свободномъ творествѣ. Художникъ не изъ одной религіи черпаетъ предметы для вдохновенія; онъ обращается и къ жизни, и даже къ матеріальной природѣ. Все, что носитъ на себѣ слѣды красоты, принадлежитъ ему, какъ собственное его достояніе, поэтому Чичеринъ находитъ возможнымъ сдѣлать тотъ выводъ, что не религіозная идея, а идея красоты, т. е., гармоническое сочетаніе идеи съ формой, составляетъ истинное начало искусства. Это невидимое и неосознаваемое, неуловимое и невыразимое начало, художникъ ищетъ во всемъ мірозданіи, откидывая всякую случайную примѣсь, нанесенную дѣйствительностью, и вводя всякое содержаніе въ идеальный типъ. Но для того, чтобы художникъ былъ въ состояніи это сдѣлать, необходимо, чтобы и форма и содержаніе вполне находились въ его распоряженіи. Только свободное творчество способно произвести ту идеальную гармонию, которая отвѣчаетъ глубочайшимъ стремленіямъ человеческой души. Изъ такого значенія свободы въ творествѣ человека, въ его искусствѣ, нашъ мыслитель дѣлаетъ новый выводъ, что времена исключительнаго господства религіозныхъ началъ не могутъ быть благоприятны для искусства¹⁾. Сво-

1) 288 стр. Это мнѣніе Чичерина подверглось сильной и основательной критикѣ со стороны проф. Иванцова-Платонова (Пр. Обоз. 1879, X, 809—810 стр.).

бодное творчество слишкомъ здѣсь связано содержаніемъ; ему недостаетъ самостоятельности. Поэтому, по Чичерину, религіозное искусство достигаетъ высшаго своего развитія только въ тѣ эпохи, когда духъ человѣческій не отрѣшился еще отъ своей религіозной основы, но обрѣлъ уже свободу движеній, т. е., при переходѣ отъ синтетическихъ эпохъ къ аналитическимъ. Въ эти эпохи, идеальное содержаніе, еще не поколебленное анализомъ, облекается въ идеальную же форму, еще не заклеянную рутинною, но впервые вылившуюся во всей своей свѣжести изъ души художника. Нашъ мыслитель и указываетъ въ исторіи два такихъ періода: цвѣтуція времена Греціи и эпоху возрожденія въ Западной Европѣ. Опредѣляя затѣмъ общее отношеніе христіанства къ искусству, Чичеринъ говоритъ, что христіанство, какъ чисто духовная религія, менѣе поддается художественному воспроизведенію его идей, чѣмъ натуралистическія вѣрованія древняго міра. Характеру христіанства всего болѣе соотвѣтствуетъ символизмъ, который поэтому и господствовалъ въ теченіе всего средневѣковаго періода, когда религіозное начало было исключительно преобладающимъ у европейскихъ народовъ. Уясняя смыслъ и значеніе символическаго искусства, нашъ мыслитель находитъ, что символизмъ имѣетъ высокое значеніе для возбужденія религіознаго значенія въ человѣческой душѣ, но все-оно, лишенный свободы, съ теченіемъ времени неизбежно превращается въ рутину. Это свое положеніе Чичеринъ и подтверждаетъ примѣромъ средневѣковаго искусства въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно не сумѣло выбраться на болѣе удобную дорогу. Въ Византіи и у насъ, въ Россіи, религіозное искусство, въ концѣ своего развитія, пришло къ такъ называемымъ подлинникамъ, въ которыхъ до самыхъ мелочныхъ подробностей описывался способъ изображенія каждаго религіознаго событія и лица. Искусство, такимъ образомъ, превратилось въ неподвижную и неизмѣнную норму, малѣйшее отступленіе отъ которой считалось святотатствомъ. Но на западѣ, въ эпоху возрожденія, подъ вліяніемъ знакомства съ произведеніями античнаго міра произошелъ гигантскій подъемъ духовнаго міра. Все духовное содержаніе христіанства вылилось въ дѣльный рядъ изящнѣйшихъ образовъ, которые, исходя первона-

чально отъ чистаго символизма, достигаютъ высшей степени красоты и совершенства. Искусство мало по малу освобождается отъ всѣхъ, стѣсняющихъ его, преградъ, и наконецъ, на вершинѣ своего развитія, является полнымъ хозяиномъ своего матеріала, дѣлая изъ него совершеннѣйшее выраженіе одушевляющихъ его идей. И тутъ, однако, вершина развитія становится, вмѣстѣ съ тѣмъ, и началомъ упадка. За синтезомъ опять наступаетъ анализъ. Совершенство формы, заключающая собою глубину содержанія, дѣлается главною цѣлью дѣятельности художниковъ. Снова начинается упадокъ искусства, которое только съ развитіемъ идеалистическаго направленія конца XVIII и первой половины XIX вѣка, поднялось на высоту. Но идеализмъ имѣлъ значеніе болѣе для искусства свѣтскаго; возрожденія же искусства религіознаго можно ожидать только отъ новаго прилива религіозныхъ идей. Нашъ мыслитель, вѣря въ тотъ историческій законъ, по которому анализъ неизбежно приводитъ къ высшему синтезу, вѣритъ и тому, что рано или поздно, человечество должно придти къ этому возрожденію религіознаго искусства. Но въ годы составленія Чичеринымъ излагаемаго произведенія ¹⁾, по его мнѣнію, не замѣчалось еще ни малѣйшихъ признаковъ подобаго возрожденія.

Въ дальнѣйшей (IV) главѣ второй части своего изслѣдованія Чичеринъ разсматриваетъ отношеніе религіа къ нравственности. Онъ анализируетъ нравственное состояніе язычества въ лицѣ его лучшихъ представителей (Сократа, Платона, стоиковъ) и находитъ, что человѣкъ одними своими силами не можетъ достигъ нравственнаго удовлетворенія, какъ слѣдствія жизни, согласной съ идеаломъ, присущимъ человѣческой сущности. Чѣмъ выше въ человѣкѣ нравственное сознаніе, тѣмъ живѣе онъ чувствуетъ несоотвѣтствіе между тѣмъ идеаломъ, который носитъ въ своей душѣ, и своею человѣческою слабостью. Высшая нравственная жизнь неизбежно влечетъ за собою сознаніе грѣха, и это сознаніе составляетъ мученіе для человѣка. Предвидя здѣсь возможность указанія на философію, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ ея послѣдователей, способна доставить людямъ познаніе истиннаго блага и достиженіе его, Чичеринъ говоритъ, что философія не можетъ вывести чело-

1) Т. е. въ концѣ 70-хъ годовъ.

вѣка изъ состоянія сознанія себя нравственно безсильнымъ; напротивъ, философія, всего болѣе, способствуетъ раскрытію внутренняго противорѣчія. Философія сама составляетъ одну изъ борющихся въ человѣкѣ сторонъ: она представляетъ элементъ сознанія, а не элементъ жизни. Философія доказываетъ человѣку, что нравственный законъ имѣетъ абсолютное значеніе, что ему дана свобода для исполненія этого закона, и что всякое отъ него уклоненіе должно вести за собою наказаніе; также указываетъ философія и на необходимость примиренія противоположныхъ сторонъ человѣческаго естества; но сама она не въ состояніи примирить сознаніе съ жизнью. На это нужно живое начало. Философія не прощаетъ, а говоритъ только человѣку, что онъ долженъ искать прощенія. Прощеніе дается не отвлеченнымъ сознаніемъ закона, а высшимъ милосердіемъ, истекающимъ изъ живого Бога, верховнаго центра и судьи всего нравственнаго міра. Однимъ словомъ, дѣлаетъ заключеніе нашъ мыслитель ¹⁾, философія сама указываетъ на религію, какъ на примиряющее начало въ нравственной жизни человѣка. Сознаніе абсолютнаго закона и совершеннаго идеала дается философіею; но сознаніе грѣха, или несоотвѣтствія между идеаломъ и дѣйствительностью, ведетъ къ религіи. Живое общеніе съ Богомъ одно можетъ разрѣшить это противорѣчіе. И человѣкъ всегда чувствовалъ это инстинктивно. «Сознавая свою грѣховность, онъ всегда обращался къ Богу, моля его о прощеніи. Мучимый совѣстью, человѣкъ находитъ успокоеніе единственно въ надеждѣ на верховную Благость, надеждѣ, которая живетъ и укрѣпляется въ немъ только живымъ общеніемъ съ этою Благостью. Но здѣсь предъ нашимъ мыслителемъ возникаетъ такое недоумѣніе: человѣкъ сознаетъ правосудіе, какъ абсолютный законъ нравственнаго міра; какъ же можетъ онъ молить о прощеніи? Какимъ образомъ Правосудіе мирится съ милосердіемъ? Этотъ вопросъ, замѣчаетъ Чичеринъ, и составляетъ корень христіанства. Всѣ религіи искали разрѣшенія нравственныхъ задачъ; но для нихъ на первый планъ выдвигались другія стороны Божественнаго естества. Христіанство же, по преимуществу, есть религія нравственности. Оно нравственный вопросъ дѣлаетъ

¹⁾ 249 стр.

міровымъ вопросомъ; *все его содержаніе заключается въ разрѣшеніи нравственнаго противорѣчія* ¹⁾. Въ чемъ же состоитъ это разрѣшеніе? Нашъ мыслитель такъ понимаетъ это разрѣшеніе: религіозный инстинктъ народовъ искупающее начало человѣческихъ грѣховъ всегда видѣлъ въ жертвѣ. Посредствомъ жертво-приношеній язычники старались умиловить своихъ боговъ. И эти жертвы приносились не только каждымъ за себя, но и за всѣхъ. Въ этомъ смутно выражалось сознаніе нравственной солидарности всего человѣческаго рода. Но нельзя сказать, чтобы человѣкъ считалъ жертвы достаточными для искупленія человѣческаго рода: Чѣмъ выше нравственное сознаніе человѣка, тѣмъ яснѣе представляется ему несоотвѣтствіе между идеаломъ и дѣйствительностью, между нравственными требованіями и ихъ исполненіемъ. Идея нравственной солидарности, указанная равно разумомъ и чувствомъ, неосуществима собственными средствами людей. Это міровая идея, обнимающая весь безконечный нравственный міръ, котораго человечество составляетъ лишь малую часть. Поэтому и осуществленіе ея возможно только въ силу живой связи человечества со всѣмъ нравственнымъ міромъ, а эта связь устанавливается единственно посредствомъ живого общенія съ властвующимъ въ этомъ мірѣ Верховнымъ Разумомъ. Такимъ образомъ, замѣчаетъ нашъ мыслитель ²⁾, сама философія доказываетъ, что искупленіе можетъ быть только актомъ религіознымъ; человѣкъ долженъ получить его отъ Бога. Это ясно и изъ того, что одинъ Богъ можетъ быть нравственнымъ судьей человечества; ибо только Тотъ, Кто вѣдаетъ всѣ сердца, можетъ взвѣсить нравственныя заслуги и вины людей. И человечество всегда было въ этомъ убѣждено. Искупительныя жертвы были всегда принадлежностью религій. Отсюда и столько распространное подъ разными формами ожиданіе Мессіи. Но здѣсь опять является вопросъ: какимъ образомъ можетъ совершаться искупленіе людей? Кто явится посланнымъ Богомъ Искупителемъ? Здѣсь нашъ мыслитель указываетъ на то, что въ Искупителѣ должно

1) Здѣсь Чичеринъ впадаетъ въ очевидную односторонность, отождествляя задачу христіанства съ разрѣшеніемъ нравственныхъ противорѣчій.

2) 262 стр.

соединиться повидимому несоединимое. Съ одной стороны, онъ долженъ быть человѣкомъ, ибо только причастный человѣческому естеству можетъ взять на себя грѣхи людей и принести себя добровольно въ жертву за братьевъ. Съ другой стороны, онъ долженъ стоять выше человѣческаго естества; онъ долженъ быть совершеннымъ существомъ, непричастнымъ грѣху, т. е., носящимъ въ себѣ Божественное начало. Однимъ словомъ, онъ долженъ быть вмѣстѣ и человѣкомъ и Богомъ. Это и есть та нравственная идея, которая находитъ свое осуществленіе въ христіанствѣ. Въ лицѣ Христа само Слово ставится плотью, соединяется съ естествомъ человѣка и, какъ представитель всего рода человѣческаго, является за него искупительною жертвою. Вѣрою въ воплощенное Слово всѣ люди дѣлаются участниками искупленія. Этою абсолютною жертвою разрѣшается нравственный вопросъ: актомъ милосердія Божьяго примиряется правосудіе съ милосердіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осуществляется нравственная солидарность не только всего человѣческаго рода, но и всего нравственнаго міра, котораго Слово есть законъ и средоточіе ¹⁾. Въ этомъ же выражается и единство божественнаго естества съ человѣческимъ, верховнаго и единичнаго Разума. Человѣкъ созданъ по образу и по подобію Божьему; онъ носитъ въ себѣ абсолютное начало; онъ состоитъ членомъ нравственнаго міра; поэтому Слово могло явиться въ образѣ человѣка. Таково, по воззрѣнію нашего мыслителя, разрѣшеніе нравственнаго вопроса, данное христіанствомъ. Указывая на смыслъ искупленія міра Богочеловѣкомъ, Чичеринъ указываетъ и то, насколько превратны всѣ попытки низвести Христа на степень простого человѣка, сдѣлать изъ него высокаго нравственнаго проповѣдника, разсматривать его, какъ обыкновенное историческое явленіе. Этими попытками, по справедливому замѣчанію нашего мыслителя, искажается весь смыслъ христіанства.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ 258 стр.

Поворотъ къ старому въ ученіи о сущности жизненнаго процесса.

(Окончаніе *).

VI.

Мы подошли къ самому важному пункту разногласія между доктринами витализма и механизма. Дѣло въ томъ, что устройство организмовъ и всѣ жизненные процессы, происходящіе въ нихъ, даютъ поводъ противникамъ виталистическихъ воззрѣній отождествлять организмы съ машиной, въ которой всѣ части исполняютъ свою работу механически, лишь только машина пущена въ ходъ. Но правильно ли будетъ такое отождествленіе, и можно-ли до конца провести подобную аналогію?

Машины сооружаются человѣкомъ для исполненія механическихъ работъ. Задача машинъ заключается въ томъ, чтобы измѣнять направленіе механической энергіи, подобно тому какъ это бываетъ при дѣйствіи клиномъ, винтомъ или рычагомъ. Кроме того, машины могутъ превращать одинъ видъ энергіи въ другой. Вся работа машинъ видится на обмѣнѣ энергіи. Она поглощаетъ энергію извнѣ и снова тратитъ ее, послѣ того какъ она претерпитъ рядъ превращеній. Машины питаются разными энергіями: механической, тепловой, электрической, химической. Машины могутъ имѣть разныя приспособленія. Самое высшее изъ такихъ приспособленій—самоурегулирующіе аппараты, устраняющіе возможность расстройтва въ дѣйствіи машины. Такимъ аппаратомъ служитъ напр. ком-

*). См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1904 г. № 19.

пепсаціонный маятникъ часовъ, устраняющій вліяніе воздуха на расширеніе металловъ (проволокъ маятника).

Разнообразіе машинъ поразительно. Въ каждой изъ нихъ воплощается духъ ея изобрѣтателя. Чѣмъ сложнѣе машина, тѣмъ выше воплощенный въ ней интеллектъ. Безъ сомнѣнія, въ машинахъ могутъ дѣйствовать только тѣ законы, которые находятся въ природѣ; но въ машинахъ они подчинены волѣ изобрѣтателя, направлены къ извѣстной цѣли, чтобы осуществить свое назначеніе.

Изъ глубокой древности идетъ убѣжденіе, что организмы тѣ же машины. Эта мысль раздѣлялась и философами, напр. Декартомъ. Въ такомъ сопоставленіи много правды; между организмами и машинами сходства очень много. Но несомнѣнно и то, что между ними существуетъ коренное различіе.

Всякій организмъ, даже простая клетка, постоянно съ изумительною точностью повторяетъ извѣстныя отправления, накопляетъ энергію и тратитъ ее. Въ этомъ отношеніи организмъ подобенъ машинѣ. Организму, какъ и машинамъ, присуща раздражимость, которая зависитъ отъ ихъ устройства, но никакъ не отъ матеріала, изъ котораго они состоятъ. Химическій составъ организма и желѣзный матеріалъ машины сами по себѣ нераздражимыя вещества. Подобно тому какъ въ машинѣ во всей ея работѣ и отправленияхъ, умъ строителя, оказываетъ свое дѣйствіе, также точно, и каждому организму присущъ извѣстный тайный мастеръ, который передается по наслѣдству изъ материнскаго организма, и строитъ данный организмъ, начиная съ яйца до полного развитія.

Но при всемъ сходствѣ организмовъ съ машинами между ними есть и существенное различіе. Оно прежде всего касается матеріала. Машины дѣлаются большею частью изъ крѣпкихъ веществъ, напр. изъ металла и рѣдко изъ дерева. Организмы, напротивъ, состоятъ изъ веществъ мягкихъ, жидкихъ, летучихъ. Ихъ твердыя части (скелетъ, древесина, панцырь) имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они необходимы для доставленія мягкимъ частямъ необходимой опоры. Кромѣ того, не существуетъ организма, въ составъ котораго не входили бы углеводы, жиръ, бѣлокъ. Однимъ словомъ, химическій составъ

матеріала въ организмахъ имѣеть гораздо большее значеніе, чѣмъ у машинъ.

Вторымъ моментомъ, отличающимъ организмъ отъ машины, является способность организма къ самосозиданію, способность, которой машины не имѣютъ. Всѣ части организма создаются изъ зародышевой ткани, повинувась внутреннему наследственному импульсу. При устройствѣ машинъ этого не бываетъ. Строитель создаетъ каждую часть машины въ полную ея величину и потомъ уже собираетъ всѣ эти части въ одно цѣлое. Такимъ образомъ, въ машинѣ создающая сила находится внѣ ея, а въ организмѣ она заключена внутри, въ яйцѣ, пронизываетъ каждую протоплазму тѣла. Эта внутренняя самосоздающая сила передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ-бы по звеньямъ цѣпи.

Затѣмъ, свойства организмовъ: размноженіе, наследственность и развитіе составляютъ также ихъ существенное отличіе и дѣлаютъ ихъ машинами какого-то высшаго порядка. Ихъ ростъ и развитіе не поддаются механическому объясненію. Карманные часы, музыкальный ящикъ, самопишущій приборъ и проч. — все это автоматы, легко объяснимые механическимъ путемъ. Растенія и животныя не представляютъ изъ себя такихъ автоматовъ. По своему устройству они могутъ только напоминать машину, но не тождественны съ нею.

Резюмируемъ сказанное о различіи между машинами и организмами слѣдующими словами В. Оствальда: „Если напрасно объяснять физическія явленія механическимъ путемъ, то гораздо болѣе напрасно это дѣлать при объясненіи сложныхъ и запутанныхъ явленій органической жизни. Мнѣніе, будто воѣ явленія природы сводятся прежде всего къ механическимъ, нельзя считать пригодной теоріей. Это просто „напросто заблужденіе“¹⁾.

VII.

Мы привели тѣ положенія, которыя выставляются противъ теоріи механизма представителями виталистическаго направленія въ біологіи. Всѣ эти положенія выведены путемъ біоло-

¹⁾ В. Оствальдъ. „Преодоленіе научнаго матеріализма“, стр. 20 и сл. оригинала. См. Рейнке „Сущность жизни“ стр. 109—114.

гического опыта и наблюдений надъ организмами. Нельзя не согласиться, что они колеблютъ самыя основы механизма, и наглядно рисуютъ шаткость механическаго объясненія жизненнаго процесса. Организмы не поддаются такому объясненію и потому ихъ нельзя признать результатомъ только физико-химическихъ силъ.

Собственно говоря, этихъ заключеній было-бы достаточно, чтобы судить о состоятельности механизма. Но много любопытнаго представляетъ и философская полемика съ механизмомъ. Къ разсмотрѣнію этой полемики мы теперь и обратимся¹⁾.

Защитники механической теоріи провозглашаютъ, что только при господствѣ механизма будто бы сдѣланы важныя научныя открытія въ 19 вѣкѣ. Раньше такихъ успѣховъ не замѣчалось. Раньше господство виталистическихъ теорій, вліяло на умъ ученыхъ усыпляющимъ образомъ, подавляло всякую смѣлую мысль, тормозило научный прогрессъ. Съ признаніемъ-же механизма научныя открытія послѣдовали одно за другимъ, такъ что 19 вѣкъ всеми великими открытіями въ области естественныхъ наукъ обязанъ механизму, а не витализму.

Но такая претензія представителей механизма слишкомъ много приписывать своей теоріи неосновательна. По количеству научныхъ открытій время господства механической теоріи, правда, выдающееся. Но по качеству и важности открытія, сдѣланныя въ то время, когда наукою раздвѣлялись виталистическія воззрѣнія и не отвергалось вліяніе супранатуральныхъ силъ, не уступаютъ позднѣйшимъ. Не слѣдуетъ забывать, что время, предшествовавшее господству механизма, дало намъ, не говоря уже о болѣе раннихъ открытіяхъ; работы Гарвея, Галлера, Кювье; Бэра и многихъ другихъ, и еще вопросъ, въ самомъ-ли дѣлѣ совокупность этихъ работъ стоитъ гораздо выше того, что появилось во время господства механизма. Известно, что Кантъ обладалъ болѣе глубокимъ пониманіемъ сущности біологическихъ процессовъ, чѣмъ современная біологія. Собственно говоря, многія новѣйшія открытія сдѣланы не

¹⁾ См. ст. Густава Вольфа: „Механизмъ и витализмъ“, стр. 217—242, тамъ-же Бунге: „Идеализмъ и механизмъ“, стр. 161—174.

потому, что въ біологіи была принята механическая оцѣнка жизненныхъ явленій. Думать такъ вставляетъ только самообольщеніе. Въ сущности механистами и нынѣ раздѣляется то-же телеологическое объясненіе, потому что механизмъ только замѣнилъ (вѣрнѣе затемнилъ) телеологическій терминъ „цѣль“ механическими терминами „функція, работа, фізіологическое значеніе“ и т. п. Но перемѣна названія не измѣняетъ существа вещи, и телеологию нельзя упразднить подмѣной терминовъ. Кромѣ того, существуетъ цѣлый рядъ открытій позднѣйшаго времени, обязанныхъ вовсе не той или другой точкѣ зрѣнія, а просто усовершенствованію инструментовъ. Наконецъ, извѣстно, что цѣлый рядъ новѣйшихъ открытій сдѣланъ на основаніи ошибочныхъ предположеній. Такія открытія, само собою разумѣется, не могутъ служить доказательствомъ правильности механическаго принципа. Мы знаемъ, что очень важныя открытія были сдѣланы въ поискахъ за философскимъ камнемъ. Однако это не можетъ-же служить доказательствомъ правильности возрѣній алхимиковъ.

Самое серьезное и самое главное возраженіе противъ виталистическаго объясненія жизненныхъ явленій, направляется противъ признанія во всемъ органическомъ мірѣ цѣлесообразнаго устройства. По мнѣнію механистовъ, понятіе о цѣлесообразности взято изъ области психическихъ или сознательныхъ дѣйствій человѣка и ко всемъ вообще организмамъ (напр. къ растеніямъ) приложимо быть не можетъ. Допущеніе ея въ этомъ случаѣ было-бы равнозначуще признанію особаго разумнаго начала, проникающаго организмъ въ цѣломъ и во всѣхъ его частяхъ. По мнѣнію механистовъ, цѣлесообразности, какъ факта, въ явленіяхъ органической природы нѣтъ. Мы сами, въ силу внутренней потребности, навязываемъ ее природѣ. Въ органической природѣ существуютъ лишь причинныя соотношенія: данное явленіе вызываетъ собою другое, и служитъ ему причиной. Это, второе явленіе служитъ причиной слѣдующаго и т. д. Однимъ словомъ, въ природѣ существуетъ непрерывная цѣпь причинъ и слѣдствій и нѣтъ никакой цѣлесообразности.

Нетрудно видѣть, что въ этомъ возраженіи защитниковъ

механическаго воззрѣнія заключается крупное недоразумѣніе, и весь споръ основывается на неправильномъ понятіи о цѣлесообразности. Это понятіе не противоположно понятію причинности, а, напротивъ, необходимо предполагаетъ его. По опредѣленію Канта, въ человѣкѣ существуетъ потребность признавать причинную зависимость между явленіемъ и его слѣдствіемъ (эффектомъ). Разсматривая напр. дѣятельность сердца, мы чувствуемъ потребность установить причинную связь между существованіемъ этого органа и производимой имъ работой. Проще говоря, въ работѣ сердца (циркуляціи крови) мы видимъ причину существованія самаго органа сердца. Такое именно органическое устройство, въ которомъ мы усматриваемъ причинную зависимость между явленіемъ и дѣйствіемъ, мы называемъ цѣлесообразнымъ. Въ этомъ именно смыслѣ, а не въ какомъ либо другомъ виталисты признаютъ возможнымъ допустить телеологическое объясненіе живыхъ процессовъ. Стало бытъ то, что механистами признается какъ дѣйствіе или результатъ извѣстнаго явленія, виталисты признаютъ какъ цѣль этого явленія. Телеологическое толкованіе явленій направляется само собою въ силу той же внутренней необходимости, какъ и причинное.

Механистамъ не нравится самый терминъ „цѣлесообразность“. Онъ де заимствованъ изъ собственной нашей сознательной дѣятельности. Но вѣдь и понятіе причинности могло получить начало оттуда же. Въ органической природѣ существуютъ лишь явленія и ихъ послѣдовательность. Причинное же отношеніе между ними человѣкъ самъ приписываетъ природѣ. Оно есть такой же результатъ сознательной дѣятельности, какъ и объясненіе телеологическое. Если отвергать послѣднее, то надо отвергать и первое. Витализмъ отличается отъ механизма не тѣмъ, что отказывается отъ причиннаго объясненія, а тѣмъ, что для органической цѣлесообразности онъ требуетъ каждый разъ причиннаго объясненія, тогда какъ механизмъ старается игнорировать это властное требованіе нашего разума.

Механисты упрекаютъ виталистовъ въ томъ, что они приписываютъ организму свойство цѣлесообразности не на осно-

ваніи опыта, а на основаніи мышленія. Да, это такъ. Происхожденіе цѣлесообразности опытно не докажешь. Оно ясно непредубѣжденному уму, какъ данное. Дарвинъ дѣлаетъ попытку объяснить по своему происхожденію органической цѣлесообразности. Но одно изъ двухъ: или онъ предполагалъ организмы цѣлесообразными, тогда нечего было и доказывать, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ дарвинизмъ хочетъ, чтобы мы представили себѣ какой нибудь организмъ нецѣлесообразнымъ. Но этого представить мы не можемъ: опытъ не даетъ намъ понятія о такихъ организмахъ, въ которыхъ цѣлесообразность совершенно отсутствуетъ.

Не имѣя возможности отвергать цѣлесообразность организмовъ вообще, потому что она представляется слишкомъ очевидною, механисты съѣшутъ всеми способами ограничить ее, показать, что многія явленія не поддаются телеологическому объясненію.

Но не говоря уже о томъ, что самъ по себѣ фактъ цѣлесообразности многихъ явленій, недоступный нашему пониманію въ настоящее время, можетъ сдѣлаться понятнымъ въ послѣдствіи съ развитіемъ научныхъ познаній, (какъ это и было доказано на примѣрахъ селезенки и въ самое послѣднее время слѣпой кишки), надо замѣтить, что витализмъ вовсе не признаетъ цѣлесообразность неограниченнымъ свойствомъ организмовъ. На что природа способна въ одномъ организмѣ, она неспособна въ другомъ. Напр., было бы очень цѣлесообразно, если бы отрѣзанная нога у человѣка выростала вновь, какъ у тритона. Но если этого не бываетъ, то это не есть нецѣлесообразность, и цѣлесообразный характеръ созидательной дѣятельности организма не мѣняется оттого, что существуютъ предѣлы, дальше которыхъ онъ идти не можетъ. Не теряетъ своего характера цѣлесообразность и въ томъ случаѣ, если она проявляется не во всѣхъ обстоятельствахъ жизни организма. Неосновательно было бы отрицать у человѣка разумъ только потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ человѣкъ поступаетъ неразумно. Подобно этому нѣтъ основаній отвергать цѣлесообразность только потому, что въ нѣкоторыхъ организмахъ встрѣчаются нарушенія цѣлесообразныхъ функций вслѣдствіе

напр. поврежденія, болѣзни и проч. Организмъ не одаренъ способностью осиливать всякое вредное начало, проникшее въ него. Цѣлесообразныя функціи въ организмахъ, какъ и все въ природѣ, имѣетъ свои границы. И витализмъ не говоритъ, что способность организмовъ къ цѣлесообразной реакціи неограничена, а говорятъ только о томъ, что цѣлесообразность есть отличительная черта организмовъ.

VIII.

Механическая теорія хочетъ установить фактъ единства законовъ, дѣйствующихъ въ неорганическомъ и органическомъ мірѣ. По этой теоріи, тамъ и здѣсь происходятъ одни и тѣ же физико-химическіе процессы и царствуютъ механическіе законы. Поэтому механистъ Бюкли полагаетъ, что форма простѣйшихъ организмовъ такъ-же понятна, какъ форма кристалловъ. Простѣйшія живыя клѣтки являются шаровидными образованиями, т. е., повторяютъ форму жидкихъ неорганическихъ тѣлъ (напр. капля воды). Допустимъ, что это такъ. Но вѣдь дѣло не въ формѣ, а во внутренней структурѣ. Внешняя форма организмовъ, конечно, можетъ быть объяснена физически, и вообще вездѣ, гдѣ форма не имѣетъ значенія для сохраненія организма, она предоставляется свободной игрѣ физическихъ силъ. Но вопросъ въ томъ, можно-ли объяснить одними физическими законами внутреннее устройство и развитіе организма.

Тотъ же Бюкли видитъ въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ одинаковое стремленіе къ поддержанію равновѣсія. Если раздѣлить напр. каплю жидкости, то остатокъ приметъ нормальное для жидкости шаровидное состояніе. То же самое и въ организмахъ. Если срѣзать у дерева часть коры, отрѣзанная часть затягивается новою корою, если отрѣзать лапку у лягушки, рана заживетъ, и равновѣсіе восстановлено. Все это правда. Но есть и глубокое различіе между организмами и неорганическими тѣлами въ стремленіи къ устойчивости и равновѣсію. У многихъ организмовъ, помимо заживленія раны, отдѣленные члены нарастаютъ вновь (какъ это видно на примѣрѣ тритона, у котораго отрѣзанная нога вырастаетъ вновь). Этого не можетъ произойти ни въ какой каплѣ жидкости. Это во-

первыхъ. Во вторыхъ, регенерацію (возстановленіе формы) капель жидкости нельзя разсматривать какъ цѣлесообразный процессъ. Кристалъ напр. можетъ существовать въ цѣломъ и раздробленномъ видѣ, но тритону не все равно, съ ногами-ли быть или безъ ногъ. И вообще всякій организмъ не остается безразличнымъ къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, но такъ или иначе отвѣчаетъ на нихъ съ опредѣленною цѣлію сохраненія вида. Этого свойства кристаллы, жидкости и вообще всѣ неорганическія тѣла лишены безусловно.

Съ точки зрѣнія механической теоріи органической міръ обязанъ и возникновеніемъ, и самымъ существованіемъ своимъ случайному совпаденію опредѣленныхъ физико-химическихъ условій. Что въ этомъ коренное заблужденіе механизма, доказать не трудно. Разсмотримъ живое и мертвое тѣло. Последнее, подвергаясь гніенію, измѣняется, распадается на составные элементы. Но почему-же ничего подобнаго не происходитъ въ тѣлѣ живомъ, почему оно не распадается? Потому именно, что происходящіе въ трупѣ химическіе процессы не тождественны съ жизненными процессами живого тѣла. Можетъ-ли трупъ считаться одушевленной матеріею въ такомъ-же точно смѣслѣ, какъ живое тѣло? Не можетъ потому именно, что въ последнемъ (живомъ существѣ) происходятъ процессы, необъяснимые съ точки зрѣнія однихъ физико-химическихъ силъ и механическихъ законовъ, потому что оно (живое тѣло) обладаетъ кипичникомъ, принимающимъ пищу, сердцемъ, распредѣляющимъ соки по тѣлу, легкими, вбирающими необходимый кислородъ и удаляющими углекислоту, почками, нервной системою и т. д. Совмѣстная дѣятельность всѣхъ этихъ органовъ сохраняетъ организмъ живымъ. Такая совмѣстная и солидарная во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельность немислима тамъ, гдѣ дѣйствуютъ однѣ физико-химическія силы, слѣпо подчиняющіяся роковому закону необходимости. Мы никогда не можемъ согласиться съ механистами въ томъ, чтобы въ жизненныхъ процессахъ иного организма все дѣло сводилось только къ случайной совмѣстной работѣ случайно образовавшихся органовъ, работѣ, приводящей къ случайному результату—способности организма къ самосохраненію. Съ какой-

бы точки зрѣнія мы ни рассматривали организмъ, мы вынуждаемся предположить, что этотъ результатъ (способность къ самосохраненію) какимъ-то образомъ заключается въ самой совмѣстной дѣятельности органовъ, что результатъ является ихъ „цѣлью“. Мы вынуждаемся дѣлать такое телеологическое толкованіе, потому что иное противорѣчило бы нашему мышленію. Всѣ бывшія попытки доказать случайность органическихъ процессовъ, терпѣли фіаско. Попытка Дарвина въ томъ же направленіи окончилась полной неудачей. Объяснить случайное происхожденіе перваго организма такъ же невозможно, какъ невозможно представить случайное возникновеніе паровой машины.

Впрочемъ, какъ было указано выше. Бюкли настаиваетъ, что случай игралъ большую роль въ изобрѣтеніи машины. Слѣдовательно, роль случая возможна и въ жизни организма. Бюкли говоритъ, что простѣйшія орудія: рычагъ, катокъ, клипъ и проч. — человекъ случайно узналъ въ предметахъ природы. Бодѣ сложныя машины произошли, благодаря случайной комбинаціи простыхъ и т. д. Такимъ образомъ ходъ развитія машинъ имѣетъ большое сходство съ постепеннымъ преобразованіемъ организмовъ тѣмъ путемъ, какой указанъ Дарвиномъ въ его теоріи трансформаціи. Цѣлесообразныя образованія сохранялись, нецѣлесообразныя быстро устранялись. Объясненіе, повидимому, довольно правдоподобное, но самое главное оно совершенно упускаетъ изъ виду, что изобрѣтеніе машины отъ начала до конца шло подъ руководствомъ психического фактора, который сознательно пользовался случайно встрѣчавшимися вспомогательными орудіями, комбинировалъ ихъ между собою, согласно своимъ цѣлямъ, и такимъ путемъ систематическаго опыта и размышленія мало по малу довелъ машину до ея современнаго развитія. Во всемъ этомъ процессѣ человеческой изобрѣтательности случайными могли быть попадавшіеся матеріалы, изъ которыхъ лучшіе, выбирали, все-таки не случай, а разумъ. Случайными могли быть такъ же внѣшнія вліянія и побужденія, наводившія на счастливыя мысли. Однако наличность, однихъ этихъ случайностей нико-

имъ образомъ не могла-бы повести къ изобрѣтенію машины. Последняя могла быть дѣломъ мысли, а не случая.

Все сказанное вполне приложимо и къ организмамъ. Никто не будетъ отвергать, что и случайныя обстоятельства могутъ имѣть вліяніе на ходъ жизненныхъ процессовъ. Но непонятнымъ останется то, какимъ образомъ однѣ случайности могутъ приводить къ возникновенію цѣлесообразныхъ образованій. Возьмемъ напр. такое біологическое явленіе. Ракъ—отшельникъ (Pagurus) не самъ создаетъ защитительную оболочку для своего тѣла, но заползаетъ въ пустую раковину морскихъ улитокъ и передвигается вмѣстѣ съ нею. Когда и какъ у рака могла появиться привычка пользоваться чужимъ жилищемъ въ видахъ самосохраненія? Наличие подходящихъ пустыхъ раковинъ для рака, разумѣется, была случайностью. Но вѣдь не самая эта наличие пустыхъ раковинъ является біологическою проблемою, а то, какимъ образомъ ракъ дошелъ до того, чтобы пользоваться такими раковинами какъ жилищемъ. Непонятною остается не та случайность, что раковины оказались на лицо, а та, что у рака появился инстинктъ, побудившій его жить въ нихъ. Другой примѣръ. Птица, чтобы свить гнѣздо, пользуется соломинками, пушинами и проч. Весь этотъ матеріалъ для гнѣзда ласточка встрѣчаетъ случайно и въ этомъ нѣтъ никакой біологической загадки. Но умѣнье цѣлесообразно пользоваться случайно найденными предметами, вотъ главная загадка, которую никакъ нельзя разрѣшить допущеніемъ только случая. Витализмъ тѣмъ именно и симпатиченъ, что онъ не отворачивается отъ этихъ загадокъ органическаго бытія, признаетъ ихъ и каждый разъ требуетъ соответствующаго объясненія, не удовлетворяясь объясненіемъ механическимъ, которое въ данномъ случаѣ ничего и не объясняетъ.

Противники витализма говорятъ, что чѣмъ дальше прогрессируетъ фізіологія; тѣмъ больше удается свести къ физическимъ и химическимъ законамъ такія явленія, которыя въ прежнее время приписывались мистической жизненной силѣ. На самомъ-же дѣлѣ исторія фізіологіи учитъ обратному. Чѣмъ подробнѣе и основательнѣе мы стремимся изслѣдовать жизнен-

ныя явленія, тѣмъ больше приходимъ къ убѣжденію, что многіе процессы, которые раньше повидимому удовлетворительно объяснялись одними физическими и химическими силами, оказываются столь запутанными, что не допускаютъ пока механическаго объясненія. Напр., до сего времени думали, что явленія поглощенія и всасыванія пищи въ кишечникъ можно свести къ законамъ диффузіи и эндомоса. Однако позднѣйшія и болѣе точныя изслѣдованія показали наоборотъ, что эпителиальныя клѣтки, изъ которыхъ состоятъ наружныя стѣнки кишечника, при усвоеніи продуктовъ питанія отличаютъ жиры отъ зеренъ, не пропускаютъ цѣлаго ряда ядовъ, и вообще во время пищеваренія дѣйствуютъ какъ разумныя существа. Клѣтки железъ и прочія клѣтки нашего организма имѣютъ способность извѣстныхъ вещества выдѣлять, другія всасывать. Особенно интересны въ этомъ отношеніи наблюденія Ценковскаго за жизнью микроскопически малой, живущей въ водѣ амобы—*Vampyrella*. Последняя между различными водорослями отыскиваетъ неизменно, опредѣленную водоросль—спирогиру, а всякой другой пищей пренебрегаетъ. Найдя спирогиру, *Vampyrella* садится въ одну изъ ея клѣтокъ и, растворивъ ее въ точкѣ прикосновенія, высасываетъ содержимое клѣтки, послѣ чего перекочевываетъ на другую ближайшую и т. д. Какія-бы другія вещества или водоросли Ценковскій ни подкладывалъ на пути изслѣдованія *Vampyrella*, она пренебрегала ими. Если способность выбора пищи свойственна такимъ простымъ клѣткамъ, безформеннымъ каплямъ протоплазмы, то почему же ей не быть у эпителиальныхъ клѣтокъ нашего организма. О химическомъ объясненіи всѣхъ подобнаго рода явленій пока нечего и думать. Химически мы можемъ прослѣдить только послѣдовательный ходъ ступеней развитія, но причинная связь явленій органическаго роста—неразрѣшимая загадка. Всѣ разсужденія фізіологовъ о томъ, что нервныя и мускульныя движенія можно объяснить законами электричества, явленія циркуляціи крови законами гидростатики и гидродинамики, процессы дыханія законами аэродинамики,—никогда и никого не удовлетворяютъ. Съ помощью одной физики и химіи мы не въ состояніи объяснить жизненныхъ явленій. Не подвинуть насъ

ближе къ разрѣшенію загадки и метеорологическія науки — анатомія и гистологія. Разлагая тѣло съ помощью микроскопа на мельчайшія клѣтки, мы замѣчаемъ, что каждая изъ нихъ обнаруживаетъ всѣ жизненныя явленія: питаніе, ростъ, движеніе, размноженіе, наслѣдственность. Каждый изъ нихъ уже цѣлый и сложный организмъ, микрокосмъ, цѣлый міръ самъ по себѣ. Извѣстно, что при посредствѣ сперматозоида, этой мельчайшей клѣтки мужскаго сѣмени, пятьсотъ милліоновъ которой едва занимаетъ пространство въ одну кубическую линію, наслѣдуются отъ отца сыномъ всѣ тѣлесныя и духовныя особенности, которыя, даже минуя сына, передаются внуку. Если все это механической процессъ, то во всякомъ случаѣ физика, химія и анатомія въ объясненіи его остаются совершенно бессильными.

Можетъ ли органическая жизнь происходить изъ неорганической матеріи механическимъ путемъ? Для доказательства того, что организмы могли возникнуть изъ неорганическихъ матеріаловъ, механисты и прежде и теперь прибѣгаютъ къ утверженію, что „образованіе первоначальной клѣточки совершенно сходно съ образованіемъ кристалла“. Но явленія кристаллизаціи и органическаго роста суть явленія совершенно различныхъ порядковъ и полной аналогіи между ними не можетъ быть. Сколько бы ни увеличивался кристаллъ, онъ постоянно кристаллизуется въ одинаковыя формы. Напротивъ того, органическая клѣточка преобразуется въ различные органы, которые не одинаковы между собою. Въ растеніяхъ, напр., располагаясь другъ надъ другомъ, клѣточки образуютъ ткань, а соединяясь другъ съ другомъ образуютъ сосуды; въ животныхъ клѣтки, располагаясь рядомъ другъ подле друга, образуютъ ткань верхней кожи и мускулы; соединяясь между собою, тѣ же клѣтки образуютъ нервныя волокна и волосные сосуды; наконецъ, „посредствомъ отдѣленія новыхъ, клѣтки образуютъ ткани связокъ, хрящей и костей.“ Съ подобною дифференцирующею дѣятельностью клѣтокъ образованіе кристалловъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства. Далѣе, кристаллъ остается неизмѣннымъ, такимъ, какъ онъ есть, до тѣхъ поръ, пока на него не подѣйствуютъ внѣшнія причины. Такими причинами могутъ служить или механическія (ударъ, разрѣзъ,

отколѣ), или химическія (наслоеніе кристалла—соли въ растворѣ той же соли, или разложеніе соляного кристалла въ водѣ). Но самъ по себѣ кристаллъ неподвиженъ и безжизненъ.

Напротивъ того, органическая клѣтка ни на секунду не остается такою, какъ она есть; но находится въ постоянномъ измѣненіи, даже при одиваковыхъ внѣшнихъ условіяхъ. Она выдѣляетъ изъ себя новыя клѣтки, образуетъ ткани, кожу, мускулы, нервы и пр. Очевидно, что и первое образованіе способной къ жизни зародышевой клѣточки не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ происхожденіемъ неспособнаго къ жизни кристалла. Если нѣкоторые механисты любятъ выражаться о кристаллахъ, что они не лишены „образовательнаго стремленія“, то это однѣ громкія, пустыя фразы. Относительно же того, какъ и когда произошла сначала простѣйшая, способная къ дальнѣйшему развитію органическая клѣточка, объ этомъ можно сказать лишь то, что она могла произойти по совершенно особому закону бытія, не имѣющему ничего общаго съ законами физико-химическими. Только этотъ совершенно особый законъ способенъ дать начало цѣлому ряду измѣненій (въ матеріи), имя которому—жизненный процессъ.

IX.

Мы ознакомились съ тѣми аргументами, какіе приводятся въ защиту своихъ воззрѣній представителями двухъ крайнихъ направленій въ современномъ естествознаніи—витализма и механизма. Къ какому же изъ нихъ слѣдуетъ примкнуть? Какъ смотрѣть на сущность жизни?

Выдающійся французскій натуралистъ Клодъ Бернаръ даетъ на послѣдній вопросъ такой отвѣтъ. Спиритуалисты, анимисты или виталисты видятъ въ явленіяхъ жизни дѣйствіе высшаго нематеріальнаго принципа, обнаруживающагося въ инертной матеріи, т. е., вмѣшательство силы экстрафизической, специальной, независимой: *Mens agit molem*—таково убѣжденіе Пифагора, Платона и Аристотеля. Матеріалисты же, начиная съ Демокрита, все сводятъ къ матеріи, образующей всѣ тѣла органическія и неорганическія. Декартъ и Лейбницъ раздѣ-

ляли душу и матерію, признавая ихъ различными субстанціями и отрицая всякесе взаимодѣйствіе ихъ другъ на друга. Физиологъ не раздѣляетъ ни того, ни другаго взгляда. Въ послѣднее время физиологія стала точной наукой, какъ математика, физика, химія и др., и опирается только на опытъ.

Поэтому физиолога не слѣдуетъ спрашивать, спиритуалистъ онъ или матеріалистъ, какъ не спрашиваютъ объ этомъ физика или химика. Стремленіе, которое оживляетъ въ наше время и направляется къ тому, чтобы впутывать въ физиологію вопросы богословскіе и философскіе и искать воображаемаго съ нею примиренія, есть стремленіе бесплодное и гибельное. Оно спутываетъ умъ и чувство, смѣшиваетъ то, что познается и принимается безъ физическаго доказательства, съ тѣмъ, что нужно принимать только экспериментально. Итакъ, физиологъ не можетъ стать ни въ лагерь матеріалистовъ, ни въ лагерь виталистовъ" ¹⁾...

Но при этомъ забывается одна истина. Человѣкъ, какъ существо сознающее, мыслящее, стремится построить свое определенное цѣльное міросозерцаніе. Какія-бы преграды ни стояли на этомъ пути, человѣкъ не можетъ отказаться отъ этого стремленія. Думать, что человѣкъ способенъ ограничиться только тѣмъ кругомъ идей, представленій и знаній, какія даетъ ему опытъ, есть самообманъ и самообольщеніе. Тотъ-же ученый, слова котораго нами приведены, въ дальнѣйшемъ разсужденіи о сущности жизни признаетъ, что жизнь не есть только обнаруженіе физико-химическихъ процессовъ, что въ основѣ ея лежитъ особая живенная сила. Хотя этой силѣ ученый отводитъ очень скромную роль, называетъ ее то „органическимъ планомъ“, то „неуловимой сущностью“, отрицаетъ ея дѣятельное вмѣшательство въ органическіе процессы, но отъ этого дѣло не измѣняется. Такъ или иначе ученый, обѣими руками отмахивающійся отъ философіи, въ своихъ обобщеніяхъ не обошелся безъ философіи и допустилъ существованіе силы, которой не открылъ ему микроскопъ, всѣ химическіе препара-

¹⁾ Клодъ Вернаръ. „Определеніе жизни и задача физиологіа“. Пер. М. Антоновича, стр. 144—146.

раты и физическіе приборы. Вотъ подлинныя слова Клода Бернара. „Самое простое размышленіе показываетъ намъ въ этомъ предустановленномъ жизненномъ порядкѣ основной характерный признакъ, вѣчто спеціально свойственное живому существу. Во всякомъ случаѣ, наблюденіе представляетъ намъ только органической планъ, но не дѣятельное вмѣшательство жизненной силы. Единственная жизненная сила, которую мы могли-бы допустить, была бы вѣчто вродѣ законодательной силы, но никакъ не исполнительной. Для того, чтобы резюмировать нашу мысль, мы могли-бы сказать метафорически: жизненная сила управляетъ явленіями, которыхъ она не производитъ; а физическіе агенты производятъ явленія, которыми они не управляютъ“¹⁾).

Мы не станемъ спорить о томъ, законодательная-ли власть или только власть исполнительная принадлежитъ жизненной силѣ въ органическихъ процессахъ. Во всякомъ случаѣ и законодательная роль—есть роль очень почтенная, и не менѣе важная, чѣмъ исполнительная. Для насъ важно то, что сами натуралисты, въ лицѣ Кл. Бернара, признаютъ въ органическихъ процессахъ дѣйствіе началъ, недоказуемыхъ экспериментально, и такимъ образомъ, вторгаются въ область философскихъ обобщеній.

Безъ сомнѣнія, къ виталистическому лагерю механисты со своей теоріей обнаруживаютъ замѣчательную узость взгляда. Дѣйствительность на каждомъ шагѣ опровергаетъ механическую теорію. Грань между органической и неорганической природою остается непроходимой. Лабораторнымъ путемъ не удалось никому добыть бѣлка, сахара и др. веществъ, составляющихъ организмы. Если даже допустить, что современемъ будутъ добыты и эти матеріалы, то и въ этомъ случаѣ изъ нихъ нельзя создать жизни. Матеріалъ органической есть и въ мертвомъ тѣлѣ, но мертвое тѣло никто не назоветъ живымъ потому только, что въ немъ находится все необходимое для жизни. Дальше, самый ничтожный одноклѣточный микро-

¹⁾ Ibid. стр. 149—150.

организмъ обнаруживаетъ такія сложныя жизненныя функціи, которыхъ никакъ не объяснишь помощью однѣхъ физико-химическихъ силъ, какъ не объяснишь возникновенія машины, зная матеріаль, изъ котораго она построена. Однимъ словомъ, куда бы мы ни обратили свой взглядъ, вездѣ въ органическомъ мірѣ чувствуется присутствіе особаго начала, какого-то невидимаго регулятора всѣхъ жизненныхъ процессовъ. Эта сила невидима. Мы видимъ только ея результаты, но результаты столь очевидны, осязательны и убѣдительны, что для признанія этой силы намъ не нужно никакихъ другихъ доказательствъ.

Въ самомъ плачевномъ положеніи механическая теорія находится тогда, когда ее пытаются приложить къ объясненію самыхъ высшихъ жизненныхъ процессовъ, происходящихъ въ человѣкѣ. Мысль, желаніе, воля, чувство, сознаніе—все это, по мнѣнію послѣдовательныхъ механистовъ, физико-химическіе процессы. Получается очень странное положеніе. Механисты добровольно заключаютъ себя въ какой-то заколдованный кругъ, откуда нѣтъ выхода. Что случилось-бы, если-бы мы согласились съ тѣмъ, что всѣ акты нашей душевной жизни подчинены физико-химическимъ силамъ и суть процессы физико-химическіе. Послѣдовательность заставила-бы насъ принять и это убѣжденіе физико-химическимъ явленіемъ. Такимъ образомъ физико-химическое явленіе объявило-бы само себя физико-химическимъ явленіемъ. Къ подобному абсурду приводитъ механизмъ ¹⁾.

Что психическія явленія суть процессы физико-химическіе, механисты доказываютъ тѣмъ, что психическій міръ не можетъ обойтись безъ міра физико-химическаго. Явленія душевной жизни для своего обнаруженія нуждаются въ точно опредѣленныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Поэтому-то они всегда обнаруживаются одинаковымъ образомъ, по законамъ, а не произвольно или по внутреннему капризу. Никто не станетъ отвергать, что психическіе процессы связаны съ опредѣленными измѣненіями мозгового вещества. Никто не будетъ спорить и

¹⁾ Не даромъ многіе механисты, напр. Бюкли, не считаютъ психическіе процессы за физико-химическіе.

о томъ, что разстройство вещества вызываетъ разстройство въ психической сферѣ. Но дѣлать отсюда выводъ, что психическія явленія суть явленія физико-химическія, нельзя: явленія существования не суть явленія тождества. Связи явленій психическихъ и физико-химическихъ и даже зависимости первыхъ отъ послѣднихъ отрицать невозможно, но невозможно утверждать того, что они въ силу этой связи дѣлаются тождественными. Даже въ машинѣ нельзя отождествлять работу машины съ веществомъ, изъ котораго машина сдѣлана. Между тѣмъ въ машинѣ связь и зависимость работы отъ матеріала гораздо очевиднѣе, чѣмъ въ человѣкѣ.

Итакъ явленія органической жизни не могутъ быть объяснены однѣми физико-химическими силами. Таково основное виталистическое положеніе. Оно неизбежно приводитъ къ другому, къ признанію существованія особаго специфическаго принципа, дѣйствующаго въ организмахъ съ помощью определенныхъ физико-химическихъ силъ и производящаго жизненные явленія. Дѣйствія этого принципа сообщаютъ организмамъ цѣлесообразность—свойство, котораго лишены неорганическія вещества. Усілія механистовъ отнять это свойство у организмовъ и замѣнить его установленіемъ только причинныхъ отношеній между явленіями остаются напрасными. Виталисты не отвергаютъ того, что въ живой природѣ одно явленіе служитъ причиною другого. Но они не останавливаются на полдорогѣ, какъ механисты. Они идутъ дальше и полагаютъ, что идеально дѣйствующій законъ причинности, устанавливающий органическую связь между всѣми жизненными явленіями, есть законъ, дѣйствующій цѣлесообразно, сообщающій органическому міру стройность, полноту, законченность и совершенство. Таково, по убѣжденію виталистовъ, дѣйствіе жизненнаго начала. Вся разница въ воззрѣніяхъ механизма и витализма сводится не къ вопросу о существованіи цѣлесообразности, но лишь къ вопросу, какъ слѣдуетъ къ этому факту относиться. Виталистъ и механистъ—оба стоятъ предъ фактомъ. Механистъ говоритъ: онъ можетъ быть объясненъ механистически. Виталистъ утверждаетъ, что это до сихъ поръ никому еще не удалось. Един-

ственная попытка Дарвина оказалась настолько неудачною, что большинствомъ біологовъ признается нынѣ ошибочною. А если дарвинизмъ не вѣренъ, то и телеологическое воззрѣніе на природу, которое онъ собирался упразднить, остается въ силѣ. Ньютонъ біологіи еще не явился, да и нельзя думать, чтобы когда нибудь явился. Человѣка, который думаетъ найти даже для психическихъ явленій механическое объясненіе, можно уподобить человѣку, надѣющемуся на изобрѣтеніе *perpetuum mobile*. Ничто не мѣшаетъ механистамъ прилагать свой механической масштабъ и къ органической природѣ, но въ извѣстныхъ границахъ. Увѣрять же, что въ будущемъ механическое воззрѣніе на природу сдѣлается господствующимъ, какъ единственно справедливое, значить строить произвольную догадку. Настоящею научною точкою зрѣнія должна быть та, которая принимаетъ за біологическую проблему самый фактъ органической цѣлесообразности, для насъ пока непонятный, не отвергая этого факта и не замаскировывая его.

Такова точка зрѣнія витализма. Современное общественное настроеніе, протестующее противъ механическихъ воззрѣній, все болѣе усиливающаяся борьба ученыхъ съ этимъ направлениемъ яснѣе всякихъ словъ говоритъ за то, какая доктрина возьметъ перевѣсъ. Человѣчество мало по малу начинаетъ сознавать неправду механизма, его односторонность. Оно недоволено ученіемъ, въ которомъ не видно ни того, въ чемъ состоитъ сущность жизни, ни того, въ чемъ смыслъ и цѣль существованія человѣка. Неудивительно, если человѣчество снова стремится къ свѣту, къ прежнему идеалистическому и телеологическому воззрѣнію. Это воззрѣніе старо какъ міръ, но потому-то оно и разумно. Отъ вѣка оно удовлетворяло человѣческую любознательность, искавшію разгадку жизни и находившую ее въ самомъ человѣкѣ, въ его неумирающей потребности все освѣщать особымъ смысломъ, всему давать цѣль, вездѣ видѣть дѣйствіе началъ идеальныхъ, лежащихъ выше человѣческаго опыта. Эти начала находились нѣкоторое время въ пренебреженіи, были забыты. Туча новыхъ гипотезъ, теорій, вѣяній заслонили въ сознаніи людей эти начала, какъ солнце

заслоняютъ тучи облаковъ. Но вотъ къ наступленію текущаго ХХ вѣка сознаніе мало по малу прояснилось. Людямъ пришелъ на помощь здравый смыслъ, и они увидѣли жизненный процессъ въ прежнемъ освѣщеніи. Механическая теорія сослужила свою службу и даже принесла пользу людямъ, раздѣляющимъ телеологию. Она освободила человѣчество отъ многихъ суевѣрій, но въ то же время еще сильнѣе убѣдила въ существованіи особаго закона, управляющаго жизненнымъ процессомъ.

Въ заключеніе мы находимъ очень умѣстнымъ привести параллель между механизмомъ и витализмомъ, какая проведена у Поля Жанэ въ его сочиненіи „Современный матеріализмъ въ Германіи“. Слова Жанэ сказаны болѣе тридцати лѣтъ назадъ, но они и теперь не потеряли своего значенія при рѣшеніи вопроса о томъ, какое міросозерцаніе нужно признать, болѣе удовлетворяющимъ человѣка: механическое или виталистическое.

„Въ настоящее время существуютъ два совершенно различныхъ воззрѣнія на міръ и природу. По одному воззрѣнію, міръ не что иное, какъ нисходящій рядъ причинъ и слѣдствій. Отъ начала вѣковъ существуетъ нѣчто съ нѣкоторыми первобытными свойствами. Отъ этихъ свойствъ происходятъ нѣкоторыя явленія; изъ сочетанія этихъ явленій происходятъ новыя явленія, которыя, въ свою очередь, порождаютъ другія явленія и такъ до безконечности. Каскады и непредвидѣнные рикошеты производятъ, благодаря содѣйствію непредѣльнаго времени, міръ, который мы видимъ. Въ другомъ воззрѣніи міръ является какъ бы существомъ органическимъ и живымъ, которое развивается сообразно идеѣ и постепенно возвышается до осуществленія вѣчно недостижимаго въ своемъ абсолютномъ совершенствѣ идеала. Въ такомъ развитіи міра каждая изъ степеней вызвана не только той, которая ей предшествуетъ, но, и той, которая за нею слѣдуетъ. Она нѣкоторымъ образомъ опредѣлена впередъ, въ силу того самого дѣйствія, котораго она должна достигнуть. Такимъ образомъ, мы видимъ мертвое вещество восходящимъ до жизни, а отъ жизни до чувства и

мысли. По этой гипотезѣ природа уже не родъ игры, въ которой все, выпадая случайно, производитъ то или другое дѣйствіе; у ней есть планъ, есть разумъ и мысль. Она не родъ импровизированнаго разговора, гдѣ изъ словъ каждаго говорящаго выходитъ какая-то бесѣда; но поэма, искусно веденная драма, въ которой всѣ нити дѣйствія, какъ бы запутаны онѣ ни были, соединяются въ опредѣленной цѣли. Это восходящій рядъ средствъ и цѣлей.

Можно-ли примирить и соединить эти два ряда? Какъ связь причинъ и слѣдствій можетъ сдѣлаться связью между средствами и цѣлями? Какъ механизмъ природы можетъ осуществить идеальнѣйшій законъ, котораго требуетъ духъ? Какъ, наконецъ, можетъ онъ въ одно и то же время, такъ сваять, спускаться и подниматься, спускаться отъ причины къ причинѣ и въ то же время подниматься отъ цѣли къ цѣли? Единственное рѣшеніе этой опасной автнотоміи то, что первобытная Верховная Мысль избирала и направляла въ природѣ все по своему усмотрѣнію, что между безконечнымъ числомъ направлений, въ которыя могла быть увлекаема вселенная безсознательными и беспорядочными рикошетами механическихъ причинъ, взяло верхъ одно опредѣленное направленіе. Подобно тому какъ вырвавшаяся на волю лошадь, увлеченная слѣпымъ побужденіемъ бѣжать, можетъ избрать тысячи путей, но сдержанная и направленная сильной и опытной рукою, идетъ только по одному пути, ведущему ее къ цѣли, такъ и слѣпая природа, сдержанная съ самаго начала непостижимой волей и направляемая верховнымъ Владыкою, постепеннымъ полнымъ величія движеніемъ подвигается къ вѣчному идеалу, стремленіе къ которому влечетъ ее впередъ и воодушевляетъ.

Верховный Разумъ управляетъ вселенной. Его премудрая мысль есть и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ всего, и нѣтъ ничего, что не отражало бы этой мысли. Но самая эта мысль имманентна-ли во вселенной, или отдѣльна отъ нея? Управляетъ-ли она вещами извнутри или извнѣ? Сознаетъ-ли она сама себя, или только стремится къ сознанію? Существуетъ-ли Богъ, или, какъ говорится, только образуется? Есть-ли Онъ

существо реальное, или идеаль, который никогда не можетъ осуществиться? Мы, съ своей стороны, не колеблемся думать, что идеаль можетъ быть принципомъ только подъ условіемъ его существованія, что мысль для достиженія цѣли должна знать, куда она стремится. Между ученіями фаталистическаго механизма и Провидѣнія нѣтъ удовлетворительной и понятной для разума середины. Многие ученые въ настоящее время, приписывая природѣ жизнь, инстинктъ, душу, а этой душѣ бевсознательное стремленіе къ добру, желали-бы скрыть отъ самихъ себя путь, влекущій ихъ къ атеизму. Мы думаемъ, что они находятся въ самообольщеніи... Заключимъ вмѣстѣ съ ними, въ противность сторонникамъ слѣпago механизма, что неизвѣстный законъ управляетъ ходомъ вещей къ постоянно удаляющемуся предѣлу, но абсолютный типъ котораго находится именно въ самой причинѣ, изъ которой вылился когда-то этотъ потокъ посредствомъ непонятной операціи“¹⁾).

Свящ. Іаковъ Галаховъ.

¹⁾ Поль Жапъ „Современный матеріализмъ въ Германіи“: Разборъ системы доктора Вюхиера, съ франц. 1871 г., стр. 122—124.

ИЗВѢСТІЯ

и о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Іюля № 14. 1904 года.

Содержаніе. Высочайшая благодарность.—Отъ Харьковскаго Отдѣленія Попечительства ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ о глухонѣмыхъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1902—1903 учебный годъ (продолженіе).

I.

Высочайшая благодарность.

По поводу совершающихся на Дальнемъ Востокѣ военныхъ событій, Г. Синодальному Оберъ-Прокурору Св. Синода поступилъ заявленія ГОСУДАРИЮ ИМПЕРАТОРУ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, безпредѣльной любви, молитвеннаго пожеланія побѣды русскому войску и готовности на всякія жертвы. Заявленіе, между прочимъ, поступило и изъ г. Харькова, отъ Высокопреосвященнаго Арсеція, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, извѣстившаго, что служащими въ мужскихъ и женскихъ Духовно-учебныхъ заведеніяхъ рѣшено каждый мѣсяць отчислять отъ 1 до 2% жалованья, а учениками Оумскаго Духовнаго Училища выражена готовность отказаться отъ части, выдаваемой за вечернимъ чаемъ порціи сахара, каковая часть порціи составляетъ въ мѣсяць до 20 руб. сбереженій, и что Монастыри и Духовенство пожертвовали одновременно свыше 19600 руб.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Оберъ-Прокурора Св. Синода, К. П. Побѣдоносцева, о такихъ выраженіяхъ вѣрноподданническихъ чувствъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 17-й день іюня 1904 года, Собственноручно начертать: „Прочелъ съ удовольствіемъ и искренно благодарю“.

Отъ Харьковскаго Отдѣленія Попечительства ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ о глухонѣмыхъ

Съ разрѣшенія Высокопреосвященнѣйшаго Арсеція, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, согласно указа Харьковской Духовной Консисторіи отъ 17 февраля и. г., за № 3723, въ церквахъ Харьковской Епархіи былъ произведенъ 11 апрѣля, въ недѣлю Жень Мученицъ, сборъ въ пользу глухонѣмыхъ Харьковской губерніи.

За апрѣль, май и іюнь поступило въ Отдѣленіе этого сбора:

А) Отъ монастырей: Ахтырскаго Свято-Троицкаго 1 руб. 22 к., Богодуховскаго женскаго Свято-Троицкаго 3 р. 55 к., Верхно-Харьковскаго Николаевскаго двѣдцатью 4 р., Высочинскаго Казаискаго 1 руб.

10 к., Куряжскаго Преображенскаго 1 р. 75 к., Ряснянскаго 1 р. 40 к., Старобѣльскаго женскаго 6 р., Харьковскаго Покровскаго 5 р. 95 к.

В) Отъ Николаевской церкви г. Харькова (непосредственно отъ пастоятеля) 25 р.

В) Отъ благочинныхъ: Ахтырскаго уѣзда 1-го округа 45 р. 30 к., 3-го округа 18 р. 60 к., Богодуховскаго уѣзда 1-го округа 27 р. 58 к., 2-го округа 21 р., Валковскаго уѣзда 1-го округа 28 руб. 60 к., 2-го округа 27 р. 71 к., Волчанскаго уѣзда 1-го округа 14 руб. 77 к., 3-го округа 30 р. 82 к., Зміевскаго уѣзда 2-го округа 21 р. 15 к., 3-го округа 46 р. 56 к., Изюмскаго уѣзда 1-го округа 22 руб. 40 к., 2-го округа 16 р. 37 к., 4-го округа 30 руб. 56 к., Купянскаго уѣзда 1-го округа 35 р. 75 к., Лебединскаго уѣзда 1-го округа 34 р. 27 к., 3-го округа 15 р. 75 к., Старобѣльскаго уѣзда 1-го округа 26 р., 2-го округа 24 р. 82 к., 4-го округа 75 р. 61 к., 5-го округа 18 р. 35 к., Сумскаго уѣзда 2-го округа 36 р. 80 к., 3-го округа 20 р. 23 к., Харьковскаго уѣзда 1-го округа 18 р. 34 к., 2-го округа 27 р. 85 к., 3-го округа 18 р., 4-го округа 12 р. 46 к., г. Харькова 1-го округа 100 р. 79 к., 2-го округа 122 р. 82 к. Всего поступило одна тысяча пятнадцать рублей и 67 копѣекъ (1015 р. 67 к.).

Выражая свою глубокую благодарность о.о. пастоятелямъ монастырей и о.о. благочиннымъ, доставившимъ вышеозначенныя суммы вмѣстѣ съ соотвѣтствующими актами и списками церковью, гдѣ производились сборы, Отдѣленіе почтительно проситъ не доставившихъ сборовъ и актовъ не замедлять высылкой таковыхъ, такъ какъ это необходимо для составленія своевременнаго отчета по этому сбору.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи Савва *Добромицкий*, опредѣленъ 16 іюля н. г. на 2-е священническое мѣсто при церкви слободы Алакоандровки, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Діаконъ Христорожественской церкви, слоб. Березки, Зміевскаго уѣзда Іоаннъ *Любимскій* опредѣленъ 16 іюля 1904 г. на священническое мѣсто при церкви с. Вѣзюкъ, Лебединскаго уѣзда.

в) Діаконъ церкви Іоанна Милостиваго слоб. Рубцовой, Изюмскаго уѣзда, Евгеній *Жуковъ* опредѣленъ 16 іюля н. г. на священническое мѣсто при церкви с. Тотлѣги, Зміевскаго уѣзда.

г) Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Константинъ *Косыминъ* опредѣленъ 16 іюля н. г. на священническое мѣсто при церкви села Чопеля, Изюмскаго уѣзда.

д) Безмѣстный священникъ Іоаннъ *Степурскій* опредѣленъ 16 іюля н. г. на священническое мѣсто при церкви слоб. Ободовъ, Сумскаго уѣзда.

е) Безмѣстный священникъ Теодоръ *Лободовскій* опредѣленъ 20 іюля н. г. на священническое мѣсто при церкви с. Знаменскаго, Валковскаго уѣзда.

ж) Псаломщикъ церкви села Григоровки, Харьковскаго уѣзда Алексѣй

Жотляроеъ опредѣленъ 12 іюля н. г. на діакопское мѣсто при церкви слоб. Ново-Боровой, Старобѣльскаго уѣзда.

з) И. д. псаломщика церкви сл. Малннсовой, Зміевскаго уѣзда, Михаилъ *Льсовиновъ* опредѣленъ 18 іюля н. г. на діакопское мѣсто при Покровской церкви, слоб. Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.

і) Псаломщикъ Сошествіевской церкви, сл. Сватовой Лучки, Купянскаго уѣзда Андрей *Поповъ* опредѣленъ на діакопское мѣсто при Троицкой церкви сл. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда 21 іюля.

к) Возмѣстный псаломщикъ Григорій *Носовъ* опредѣленъ 12 іюля н. г. и. д. псаломщика къ церкви слоб. Малой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда.

л) Сыиъ псаломщика Иванъ *Поповъ* опредѣленъ 13 іюля н. г. и. д. псаломщика къ церкви слоб. Большой бабки, Волчанскаго уѣзда.

м) Бывшій воспитаникъ 1 кл. Духовной Семинаріи Стефанъ *Христіановскій* опредѣленъ и. д. псаломщика къ церкви с. Казачка, Харьковскаго уѣзда 16 іюля н. г.

н) Діаконъ Тихоновской церкви, слоб. Нижней Сыроватки, Сумскаго уѣзда, Владимиръ *Леонтовичъ* опредѣленъ 16 іюля н. г. на псаломщическое мѣсто при Николаевской церкви, города Ахтырки.

п) Учитель школы грамоты Осодотъ *Еретищенко* опредѣленъ 18 іюля н. г. и. д. псаломщика къ церкви сл. Алесовки Изюмскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

а) Священникъ церкви сл. Тетляги, Зміевскаго уѣзда, Іоаннъ *Губановъ* перемѣщенъ 16 іюля н. г. священникомъ къ церкви слоб. Терновой, Волчанскаго уѣзда.

б) Священникъ церкви с. Челоля, Изюмскаго уѣзда, Тимофей *Треубовъ* перемѣщенъ 16 іюля н. г. священникомъ къ церкви сл. Балавлян, Зміевскаго уѣзда.

в) Діаконъ церкви слоб. Смоляниновой, Старобѣльскаго уѣзда, Гавріиль *Климентовъ* перемѣщенъ 21 іюля н. г. на діакопское мѣсто при церкви слоб. Рубцовой, Изюмскаго уѣзда.

г) Діаконъ Троицкой церкви, слоб. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, Гавріиль *Петровъ* перемѣщенъ 21 іюля н. г. на діакопское мѣсто при Христорождественской церкви, слоб. Береки, Зміевскаго уѣзда.

д) И. д. псаломщика церкви сл. Богодаровой, Старобѣльскаго уѣзда, Данилъ *Щелоковскій* перемѣщенъ 12 іюля н. г. къ Николаевской церкви, города Купянска

е) Діаконъ-псаломщикъ церкви села Шойковки, Купянскаго уѣзда, Антоній *Мураховскій* перемѣщенъ 23 іюля н. г. на псаломщическое мѣсто при церкви села Григоровки, Харьковскаго уѣзда.

ж) Учитель церковной школы Петръ *Спасскій* опредѣленъ 23 іюля н. г. и. д. псаломщика къ церкви села Солихи, Купянскаго уѣзда.

3. Объ утвержденіи законоучителей.

Священникъ Ахтырской Николаевской церкви Василій *Чефрановъ* 14 іюля н. г. утвержденъ законоучителемъ Ахтырскаго городского начальнаго училища.

4. О присоединеніи къ православію.

Въ первомъ полугодіи 1904 г. присоединено къ православію пять человекъ раскольниковъ безпоповцевъ поморскаго толка: дѣвица Ѳекла Андреева Коренева, Прокопій Ѳедоровъ Дягилевъ, Полагія Ильина Чурилова, Гавріилъ Ильинъ *Чуриловъ*, Аниа Ѳедорова Тугусова. Первые четыре присоединены священникомъ села Терюваго, Александромъ Котляровымъ, а послѣдняя священникомъ Рождество-Богородичной церкви города Чугуова, Алексѣемъ Жадашовскимъ.

5. Объ утвержденіи церковныхъ старостъ.

- а) Къ церкви сл. Шандроголовой, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 12 іюля старостою кр. Василій *Новаковъ*.
- б) Къ церкви сл. Каалмыковки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 13 іюля старостою кр. Іасонъ *Евфименко*.
- в) Къ церкви слоб. Лимана, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 13 іюля старостою кр. Никифоръ *Бурьянъ*.
- г) Къ церкви слоб. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 12 іюля н. г. старостою кр. Сергѣй *Дудченко*.
- д) Къ церкви села Тоцкаго, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 18 іюля старостою кр. Иванъ *Анщченко*.
- е) Къ церкви слоб. Голубовки, Старобѣльскаго уѣзда утвержденъ 18 іюля старостою кр. Василій *Овечка*.
- ж) Къ церкви с. Рогознаго, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 18 іюля н. г. старостою кр. Семенъ *Сердюковъ*.
- з) Къ Александро-Невской церкви при Харьков. богоугодныхъ заведеніяхъ утвержденъ 21 іюля старостою смотритель губернской земской больницы Николай *Алексеевъ*.
- и) Къ Богодуховской городской Кладбищенской церкви утвержденъ 14 іюля н. г. старостою кр. Андрей *Гнѣтко*.
- я) Къ Николаевской церкви города Лебедина утвержденъ 22 іюля 1904 г. старостою мѣщанинъ Илья *Воскобойниковъ*.

6. Объ увольненіи за штатъ.

Діаконъ Петро-Павловской церкви, слободы Шаровка, Старобѣльскаго уѣзда, Тимоѣей *Соболевъ* уволенъ за штатъ 10 іюля н. г.

7. Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

7. Священникъ Харьковской Пантелеимоновской церкви Василій *Ветуховъ* возведенъ въ санъ протоіеря 11 іюля 1904 года.

- а) Протоіерей Волчанской Соборной Троицкой церкви Арсеній *Павловъ* 21 іюля назначенъ благочиннымъ 1 округа Волчанскаго уѣзда вмѣсто состоявшаго въ сей должности протоіеря Алексѣя *Евхимова*, уволеннаго по старости.
- б) Священникъ церкви с. Чорвлознаго, Лебединскаго уѣзда, Петръ *Никитищевъ* назначенъ 21 іюля помощникомъ благочиннаго 2-го округа Лебединскаго уѣзда.
- в) Священникъ церкви сл. Евфремовки, Волчанскаго уѣзда Дмитрій *Томашевскій* назначенъ 21 іюля помощникомъ благочиннаго 1-го округа Волчанскаго уѣзда.

г) Священникъ церкви с. Казачка, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Андреевъ* назначенъ 21-го іюля н. г. депутатомъ 3-го округа Харьковскаго уѣзда.

д) Священникъ Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря Митрофанъ *Красинъ* назначенъ 21 іюля н. г. помощникомъ благочиннаго 3—округа Харьковскаго уѣзда.

8. Вакантныя мѣста.

а) Священническія:

При Вознесенской церкви, с. Ясеноваго, Лебединскаго уѣзда.

— Архангело Михайловской церкви, гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.

Діаконскія:

При Петро-Павловской церкви, с. Шаровой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Тихоновской церкви, с. Нижней-Сыроватки, Сумскаго уѣзда.

— Рождество-Богородичной церкви, сл. Смольяниновой, Староб. уѣзда.

Псаломщицкія:

При Арх. Михайловской церкви, гор. Красноутка, Богодуховскаго уѣзда.

— Спасской церкви, сл. Вооводска, Старобѣльскаго уѣзда.

— Соборной Троицкой церкви, гор. Зміева.

— Петро-Павловской церкви с. Княжнаго, Валковскаго уѣзда.

— Воскресенской церкви, сл. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда.

— Петро Павловской церкви, с. Отрады, Зміевскаго уѣзда.

— Покровской церкви г. Богодухова.

— Пятницкой церкви, села Бранцовки, Ахтырскаго уѣзда.

— Покровской церкви, сл. Алешня, Лебединскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, с. Благодаровой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Троицкой церкви, с. Нижняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда.

— Сошествіевской церкви, с. Слатовой Лучки, Купянскаго уѣзда.

— Успенской церкви, с. Шейковки, Купянскаго уѣзда.

Отъ Харьковскаго епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Вакантныя просфорническія мѣста.

Харьковскаго уѣзда, 1-го округа: при Архангело-Михайловской церкви с. Вабаевъ, Покровской церкви с. Безлюдовки, Пророко-Ильинской церкви с. Березоваго, Николаевской церкви при фабрикѣ М. С. Кузнецова въ деревнѣ Будахъ, Димитріевской церкви с. Васищева, Николаевской церкви с. Жихора, Покровской церкви с. Островерховки, Вознесенской церкви с. Рогани, Успенской церкви с. Сороповки, Воскресенской церкви с. Хорошева, Архангело-Михайловской церкви с. Шубина. *2-го округа:* при Вознесенской церкви с. Большой-Рогозянки, Петро-Павловской церкви с. Вертѣвки, Николаевской церкви с. Григоровки, Рождество-Богородичной церкви сл. Двурѣчнаго-Кута, Покровской церкви сл. Коротича, Вознесенской церкви сл. Люботина (Валковскаго уѣзда), Николаевской и св. муч-цы царницы Александры церкви, при ст. Люботинъ Х.-Н. ж. д. (Вал-

новскаго уѣзда), Успенской церкви сл. Малой-Рогозянки, Трохевитятельской церкви сл. Ольшаной, Преображенской церкви сл. Панъ-Ивановки, при Архангело-Мпхайловской церкви сл. Пересѣчнаго, Васильевской церкви сл. Песочина, Николаевской церкви сл. Сяполцовки. *3-го округа:* при Николаевской и Вознесенской церкви заштат. гор. Золочева, Покровской церкви с. Карасевки, Владиміро-Богородичной церкви с. Долыпка, Рождество-Богородичной церкви сл. Деркачей, Александро-Повской церкви хут. Татарки, Николаевской церкви с. Березовки, Николаевской церкви хут. Козачка, Крестовоздвиженской церкви с. Черкаская Дозовая, Троицкой церкви с. Мироновки, Иоанно-Богословской ц. х. Безрукана *4-го округа:* при Крестовоздвиженской церкви с. Русскихъ Тишковъ, Покровской и Христорожественской церкви сл. Липецъ, Георгіевской церкви сл. Большой-Даниловки, Тихоновской церкви с. Борщеваго, Николаевской церкви с. Непокрытаго, Иоанна-Богословской церкви с. Солнцовки, Вознесенской церкви с. Мамухъ-Проходовъ, Иоанно-Богословской церкви с. Большихъ-Проходовъ, Софіевской церкви с. Малой Алексѣовки. *Валковскаго уѣзда: 1-го округа:* при Николаевской церкви сл. Высокополя, Троицкой церкви с. Покровскаго, Покровской ц. с. Алексѣовки, Покровской ц. с. Каленикова, Захарьской ц. с. Кантанузовой, Предтечевской церкви сл. Снѣжкова-Кута, Николаевской церкви сл. Коломака. *2-го округа:* при Знаменской церкви с. Знаменска, Петро-Павловской церкви с. Кляжнаго, Покровской церкви с. Миньковки, Троицкой, Преображенской и Николаевской церкви с. Новой Водолаги, Крестовоздвиженской церкви с. Новаго, Иоанно-Предтечевской церкви с. Станичнаго, Покровской церкви с. Старой Водолаги Иоанно-Богословской церкви с. Черемущнаго. *Назначены и утверждены проректоры:* 1) при Николаевской церкви сл. Хотомля, Волчан. уѣзда, утверждена проректоршею вдова псаломщица Феодосія Дюкова, 2) при Николаевской церкви, с. Семеповки Изюмск. у., вдова свящ. Анна Яновская, 3) при Троицкой церкви с. Бобрика, Лебодинскаго у., дочь умершаго священника Варвара Жуковская, 4) при Покровской церкви с. Алешни, Лебедин. у., вдова псаломщица Елисавета Фодорова, 5) при Троицкой церкви с. Грякова, Зміев. у., вдова діакона Дарія Архангельская, 6) при Вознесенской церкви с. Скрипаевъ, Зміев. у., вдова псаломщица Евдокія Софіенкова.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1902—1903 учебный годъ,

(Продолженіе, *).

и) *Обстоятельства, благоприятствовавшія и препятствовавшія успешному веденію учебнаго дѣла. Мѣры, принятыя и проектированныя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ Училищѣ.*

Учебно-воспитательное дѣло въ отчетномъ году находилось въ удовлетворительномъ состояніи и велось правильно, вполне согласно съ § 83 „Уст.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1904 г. № 12.

Епар. Женск. Уч.^а. Къ обстоятельствамъ, благопріятствовавшимъ успѣшному веденію учебнаго дѣла надо отнести то, что почти всѣ преподаватели были съ высшимъ образованіемъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ путемъ долговременной службы приобрѣли большую опытность въ дѣлѣ преподаванія. Преподаватели и преподавательницы относились къ своимъ обязанностямъ съ полнымъ вниманіемъ и усердіемъ; классныя занятія производились ими своевременно; содержаніе уроковъ и вообще распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ было выполнено согласно программамъ. Классныя воспитательницы и ихъ помощницы весьма усердно содѣйствовали успѣшному веденію учебно-воспитательнаго дѣла; присутвовали на урокахъ, во время вечернихъ занятій речитировали съ воспитанницами заданные уроки, своими объясненіями способствовали успѣшному и сознательному усвоенію ихъ и замѣняли отсутствовавшихъ наставниковъ, занимаясь съ дѣтьми чтеніемъ, письмомъ подъ диктовку или руководълемъ.

Разсматривая представляемая инспекторомъ классовъ двухтысячныя ведомости объ успѣхахъ воспитанницъ, Совѣтъ училища къ возвышенію успѣховъ нѣкоторыхъ ученицъ принималъ въ отчетномъ году тѣ-же мѣры, что и въ прежніе годы, и чаще всего воспитанницъ, получившихъ неудовлетворительныя баллы по учебнымъ предметамъ, поручалъ особеному вниманію преподавателей и воспитательницъ, или подвергалъ взысканіямъ. Взысканія иногда состояли въ выговорѣ отъ имени Совѣта.

Въ видахъ возвышенія учебно-воспитательной части въ училищѣ въ отчетномъ году были приняты слѣдующія мѣры.

1. Въ видахъ большей опредѣленности дѣйствій начальствующихъ лицъ — предсѣдателя совѣта, начальницы училища, инспектора классовъ, членовъ Совѣта, а также воспитательницъ и всѣхъ служащихъ при училищѣ, Совѣтъ озаботился составленіемъ для каждаго лица правилъ „Инструкцій“, которыя были утверждены Его Высокопреосвященствомъ, — вслѣдствіе чего дѣятельность всѣхъ служащихъ лицъ получали больше единства и опредѣленности.

2. Для болѣе равномернаго распредѣленія воспитанницъ по классамъ и н большого удобства обученія въ многолюдномъ приготовительномъ классѣ, Совѣтъ училища озаботился открыть въ текущемъ году параллельное отдѣленіе приготовительнаго класса въ надеждѣ покрыть расходы по этому предмету изъ взносовъ за содержаніе вновь принятыхъ дѣвицъ.

3. Для поднятія уровня развитія воспитанницъ и вообще научнаго образованія въ училищѣ инспекторомъ классовъ и преподавателями обращалось вниманіе на выѣклассное чтеніе воспитанницами книгъ. Совѣтъ училища озаботился пополненіемъ бібліотеки изданіями религіозно-правственнаго и литературнаго содержанія, которыя одобрены для выѣкласснаго чтенія учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. При постановкѣ и веденіи выѣкласснаго чтенія были приняты къ руководству особыя правила, выработанныя Совѣтомъ еще въ предшествовавшіе годы. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, и въ отчетномъ году практиковались общія для всего класса чтенія книгъ, особенно во время механическихъ занятій руководълемъ. Въ великій постъ, особенно во дни говѣнья, ученицамъ выдавались книги для чтенія исключительно религіозно-назидательнаго содержанія.

4. Кромѣ употребленія наглядныхъ пособій для болѣе яснаго и отчетливаго усвоенія знаній, неоднократно во внѣклассное время показывались воспитанницамъ при помощи волшебнаго фонаря туманныя картины, имѣвшія своимъ содержаніемъ священно историческія событія, изображенія замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, физическія явленія, замѣчательныя виды на землѣ, архитектурныя сооруженія, типы народовъ, при чемъ велись соответствующія картинамъ чтенія или давались надлежащія разъясненія. Таковыя чтенія велись въ праздничные дни въ продолженіи всего почти года въ залѣ или по классамъ. Чтенія вносили много оживленія въ монотонную жизнь учащихся и усиляли въ дѣтяхъ религіозно-научные интересы.

5. Для развитія литературнаго вкуса воспитанницъ, для пріученія ихъ къ правильному и выразительному чтенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для доставленія имъ пріятнаго и полезнаго развлеченія, иногда устраивались въ присутствіи близкихъ училищу лицъ литературно-вокальные вечера, на которыхъ воспитанницы произносили заученныя стихотворенія, пѣли хоромъ и играли на музыкальныхъ инструментахъ приготовленныя пьесы.

6. Въ видахъ поощренія къ трудолюбію лучшихъ по успѣхамъ и поведенію воспитанницъ, Совѣтъ училища награждалъ ихъ книгами и похвальными листами. Съ тою-же цѣлью при отпускахъ воспитанницъ въ дома родителей ихъ баллы по успѣхамъ и поведенію выставлялись въ отпускныхъ билетахъ, а послѣ каждой недѣли списокъ воспитанницъ, получившихъ неудовлетворительныя баллы представлялся начальницѣ училища, которая дѣлала означеннымъ воспитанницамъ внушенія и подвергала ихъ извѣстному взысканію. Инспекторъ классовъ съ своей стороны при удобномъ случаѣ побуждалъ ихъ къ усердному отношенію къ дѣлу.

7. Въ предотвращеніе случаевъ поздняго начнанія и некоторыми воспитанницами составленія заданныхъ сочиненій и другихъ письменныхъ работъ противъ назначеннаго срока и происходящей отсюда торопливости воспитанницъ въ исполненіи письменныхъ упражненій, требовалось отъ пишущихъ черновые тетради, которыя просматривались преподавателями. Въ случаѣ отступленія отъ этого требованія обращалось на несправныхъ вниманіе инспектора классовъ.

8. Для болѣе правильной постановки практическихъ занятій воспитанницъ въ образцовой церковно-приходской школѣ и для болѣе успѣшнаго подготовленія ихъ къ учительской дѣятельности, при означенной школѣ въ отчетномъ году учрежденъ школьно-учебный кабинетъ. Въ немъ сосредоточено полное собраніе наилучшихъ педагогическихъ и методическихъ руководствъ по всемъ предметамъ курса церковно-приходскихъ школъ, а вся педагогическая литература по важнѣйшимъ вопросамъ воспитанія и обученія, образцовая бібліотека—учительская, ученическая, планы и фасады школъ и т. п. предметы, имѣющіе подготовительное значеніе для воспитанницъ, будущихъ учительницъ.

Особыхъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ успѣшному веденію учебно-воспитательнаго дѣла, въ отчетномъ году не было.

(Продолженіе слѣдуетъ).

II.

Содержаніе. Къ вопросу о производствѣ дознаній и слѣдствій надъ духовенствомъ. *Священника Михаила Ковалевскаго*. — Воспоминаніе о посѣщеніи въ Возѣ почившаго Архіепископа Амавросіа слободы Квирюковки Архангело-Мвхайловскаго прихода, Ахтырскаго уѣзда. *Священника Димитрія Скрынникова*. Епархіальная хроника. Архіерейскія богослуженія. — Описаніе поѣздки Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, для обозрѣнія церквей и учебныхъ заведеній Изюмскаго уѣзда. — Пятидесятилѣтній юбилей Харьковскаго Епархіального женскаго училища. — Историческія свидѣнія объ Ахтырскомъ Покровскомъ соборѣ и Ахтырскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, Харьковской епархіи. Иноепархіальный отдѣлъ. По поводу истекшаго десятилѣтія со времени учрежденія фонда имепи Императора Александра III, предназначеннаго на церковное и школьное строительство въ районѣ Сибирской желѣзной дороги. — Изъ рѣчи В. К. Саблера при открытіи педагогическихъ курсовъ въ церковно-учительской школѣ въ селѣ Богословскомъ. Разныя извѣстія и замѣтки. Предложеніе Преосвященнаго Иппокентія епископа Тамбовскаго. — Епископъ Штроссмайеръ. — Законы и бракъ. — Объявленія.

Къ вопросу о производствѣ дознаній и слѣдствій надъ духовенствомъ.

(По поводу замѣтки священ. Н. Загоровскаго, помѣщенной въ № 7

„Извѣстій по Харьковской епархіи“).

Епархіальный Судъ, не смотря на свое несовершенство, стоитъ на высотѣ своего положенія: непристрастія, справедливости и, относительно, скорого рѣшенія дѣлъ. Такъ называемая „судебная волокита“ вызывается не Епархіальнымъ Судомъ, а отраслью его — слѣдствіемъ. Духовная Консисторія, назначая священника депутатомъ, не даетъ ему жизненнаго опыта, знанія законовъ церковныхъ и гражданскихъ, усвоенія формъ и правилъ слѣдственнаго дѣлопроизводства. вновь назначенный депутатъ, теряется въ мнѣніи вопросовъ: гдѣ найдти руководственные правила; какіе сборники законовъ считать лучшими и цѣлесообразными; какъ распорядиться матеріаломъ, добытымъ на слѣдствіи; можетъ ли своею властію расширить рамки Указа Духовной Консисторіи, если составъ преступленія выходитъ изъ границъ Указа, и т. д.

Результаты назначенія депутатомъ безъ надлежащей подготовки: а) неполнота изслѣдованія событія, выемки, осмотра метрическихъ и приходо-расходныхъ книгъ церковныхъ; б) неудовлетворительность изложенія свидѣтельскихъ показаній, въ которыхъ исчисляются иногда излишнія, мелочныя подробности

въ ущербъ ясности дѣла; в) неопытность распредѣленія свидѣтелей на болѣе и менѣе достовѣрныхъ; г) невыясненіе противорѣчивыхъ свидѣтельскихъ показаній, неприведеніе ихъ такъ сказать къ одному знаменателю.

Епархіальный Судъ не удовлетворяется неудачно произведеннымъ слѣдствіемъ, требуетъ отъ депутата дополненія слѣдствія, передопроса свидѣтелей, очной ставки. Вторичный вызовъ и опросъ свидѣтелей, обвиняемаго, очная ставка, сопряженные съ разъѣздами на большомъ разстояніи, потерю времени, перепискою съ разными учрежденіями или лицами о передпросѣ свидѣтелей, выѣхавшихъ изъ района своего мѣсто жительства, раздражаютъ прикосновенныя лица: обвинителя, обвиняемаго, ихъ свидѣтелей; тормозятъ успѣшный ходъ слѣдствія; не даютъ возможности Епархіальному Суду, въ ожиданіи разъясненій и дополненій, постановить свое рѣшеніе.

Трудно создать и институтъ опытныхъ о.о. депутатовъ, но легко и возможно усовершенствовать слѣдственное дѣлопроизводство. Намъ кажется, необходимы съѣзды о.о. депутатовъ въ епархіальномъ городѣ, подъ предсѣдательствомъ члена Духовной Консисторіи, завѣдующаго судебнымъ отдѣломъ, для устраниенія слабыхъ сторонъ слѣдствія.

Въ статьѣ о. Загоровскаго, кажется, сгущены краски прежде всего, при описаніи ожиданія прикосновенными къ слѣдствію лицами пріѣзда о. депутата. Сельское народонаселеніе прекрасно знаетъ, что на землѣ вѣтъ совершенныхъ людей, — что легко нарушить законъ Божій и человѣческой. „Что ни ступашь, говоритъ народная мудрость, то и согрѣшишь“. Приходъ, услышавъ о жалобѣ на члена причта, считаетъ своею обязанностию, и на слѣдствіи и въ частныхъ разговорахъ, указать на симпатичныя стороны души и сердца обвиняемаго. Прочтите протоколы обысковъ большихъ и малыхъ: вы удивитесь показаніямъ свидѣтелей въ пользу обвиняемаго. Рѣдко на слѣдствіяхъ встрѣчаются свидѣтели, радующіеся чужой бѣдѣ, не жалѣющіе ради краснаго словечка роднаго человѣчка, прибавляющіе къ обвиненіямъ доносчика свои мнѣнія и предположенія, какъ доказательства преступленія. Опытъ, знаніе духа народа, внимательное и разумное отношеніе къ свидѣтельскимъ показаніямъ помогутъ о. депутату узнать свойства и качества свидѣтеля, его достовѣрность; дадутъ возможность изслѣдовать проступокъ, въ большинствѣ случаевъ преувеличенный и извращенный доносчикомъ. Изложенное указываетъ на необходимость производства слѣдствія по мѣсту жительства обвиняемаго.

О. Загоровскій, ревнуя объ авторитетѣ духовенства, гово-

рить: во избѣжаніе крайне вредной огласки проступковъ священно-церковно-служителей, а также въ устраненіе той позорно-общественной обстановки, съ какою обыкновенно производятся слѣдствія, было бы, по его мнѣнію, весьма полезно не производить ни дознаній, ни формальныхъ слѣдствій въ приходѣ тѣхъ самыхъ пастырей, на которыхъ подается жалоба. Послѣдуемъ мнѣнію о. Загоровскаго, отправимся съ довосчикомъ, обвиняемымъ, ихъ свидѣтелями въ мѣсто жительства о. депутата или въ пунктъ, куда онъ вызываетъ прикосновенныхъ къ слѣдствію лицъ. Появленіе скопомъ людей разнаго общественнаго положенія новольно привлекаетъ вниманіе жителей села, гдѣ назначена слѣдственная квартира. Начинаются разпросы: кого судятъ? за что? Какое преступленіе совершилъ священно-церковно-служитель? Гдѣ, когда, при какихъ условіяхъ? Свидѣтели обвинителя и обвиняемаго стараются удовлетворить любознательности вопрошателей. Вопрошатели, не имѣя силъ и возможности разобратъся въ противорѣчивыхъ объясненіяхъ, съ свойственною русскому человеку ироніею и насмѣшкою относятся къ обвиняемому, неизвѣстному имъ лицу. На улицѣ, по первому впечатлѣнію, составляется мнѣніе о характерѣ преступленія, личности обвиняемаго: употребляющій вино становится въ глазахъ толпы горькимъ пьяницею; оскорбившій дѣйствіемъ—превращается въ убійцу; запросившій лишній рубль за исполненіе требы клеймится грабителемъ; внесшій неточную запись въ метрическія книги называется злодѣемъ, сознательно совершившимъ подлогъ. И пошла писать губернія!. Народное любопытство, подогрѣтое фантазіею, разноситъ худую славу, объ обвиняемомъ, о духовенствѣ.

Перейдемъ къ вопросу: какъ относится приходъ и Епархіальный Судъ къ доносчику, оклеветавшему кого либо изъ членовъ причта? Въ жизни села имѣютъ громадное значеніе матеріальныя средства доносчика, принадлежность его къ администраціи. Доносчика богатѣя, доносчика старшину, писаря, сельскаго старосту боится народъ; не смѣетъ громко проиавести о клеветникѣ свое мнѣніе. Клеветникъ, не имѣющій власти и матеріальныхъ средствъ, презирается прихожанами. Клеветнику нѣтъ мѣста на крестинахъ, на брачномъ пиру, на похоронныхъ и поминальныхъ обѣдахъ. На клеветника дѣти показываютъ на улицѣ пальцемъ, говоря брехун! Епархіальный Судъ, разобравъ слѣдственное дѣло, убѣдившись въ лживости довода, за отсутствіемъ свидѣтельскихъ показаній, гармонизирующахъ доносу, оставляетъ клеветника въ покоѣ. Изрѣдка Епархіальный Судъ предоставляетъ право оклеветанному

члену причта искать въ окружномъ судѣ нравственнаго удовлетворенія, обфленія чести, забрызганной грязью. Для веденія процесса въ окружномъ судѣ надобно пригласить опытнаго, честнаго адвоката, а гдѣ взять презрѣнное злато? Бѣдность большинства духовенства всѣмъ извѣстна.

Бываютъ случаи отыскиванія духовными лицами своей поправной чести, преслѣдованія клеветника въ Окружномъ Судѣ. Какіе получаютъ результаты процесса? Находить ли обиженный, оклеветанный священно-церковно-служитель нравственное удовлетвореніе и успокоеніе?

Окружный Судъ рѣдко видитъ въ своихъ стѣнахъ духовныхъ лицъ, ищущихъ возмездія за униженіе, потерю авторитета, за душевныя и сердечныя муки, причиненныя клеветникомъ. Подана жалоба. Назначенъ день и часъ разбора дѣла о клеветѣ. Публика, падкая на новости, ищущая развлеченій, наполняетъ залъ суда. Пойдемъ и мы въ Окружный Судъ, послушаемъ талаптливаго защитника клеветника, издѣвающегося иногда надъ саномъ истца. Адвокатъ можетъ бросить укоръ всему духовенству въ себялюбіи, въ непониманіи и неисполненіи своей миссіи. „Если вы, духовные отцы, патетически восклицаетъ развязный адвокатъ, поставленные свѣтильниками міру, не освѣщаетъ себя свѣтомъ разума, не согрѣваете душу свою прощепіемъ оскорбленій; не украшаете сердца своего незлобіемъ, то какъ жить и поступать намъ, свѣтскимъ людямъ, не читающимъ, и не обязаннымъ читать Евангеліе?! У кого намъ, свѣтскимъ людямъ, учиться кротости, смиренію, терпѣнію? Конечно у духовенства православнаго, поставленнаго на пьедесталъ правды, любви, снисхожденія, прощенія, самоотверженія, исполненія духа Христова ученія!. Представитель духовенства присутствуетъ въ судѣ. Мы имѣли возможность на судоговореніи убѣдиться, что истецъ, служитель Иисуса Христа, вопреки завѣту Сына Божія, гнѣвается, злобится, желаетъ зла ближнему, требуетъ наказанія моего кліента, благороднаго рыцаря долга и чести, рыцаря безъ страха и упрека. Вина, правильнѣе сказать—ошибка, моего возвышеннаго кліента, состоитъ въ томъ, что онъ, на основаніи циркулирующихъ слуховъ, сообщилъ мѣстному епископу о неблаговидныхъ поступкахъ члена причта, уже осужденнаго общественнымъ мнѣніемъ, этимъ неподкупнымъ нравственнымъ судіею“. „Г.г. судьи и присяжные засѣдатели! заключаетъ беззащитный адвокатъ, предъ вашими глазами прошелъ рядъ картинъ, обрисовавшихъ недостатки нашего духовенства, неподражающаго Божественному Учителю молиться за враговъ своихъ. Вы слышали требованіе наказать, на основаніи законовъ гражданскихъ, моего

симпатичнаго, заслуживающаго уваженія, кліента, обличителя отрицательныхъ сторонъ жизни и дѣятельности духовнаго лица. забывшаго заповѣдь Господа нашего Иисуса Христа: прощать до седмижды семдесятъ разъ. Г.г. судьи и присяжные засѣдатели! я глубоко увѣренъ, что вы раздѣляете общечеловѣческія убѣжденія, солидарны съ нами, и вынесете моему, высоконравственному кліенту полное оправданіе“.

Опасно намъ, отцы и братіе о Христѣ, обращаться въ Окружный Судъ съ жалобою на клеветника, взятаго подъ охрану остроумнаго, изворотливаго адвоката, дабы послѣдняя т. е. жалоба—глумленіе адвоката на судовореніи—не была горше первой—клеветы доносчика.

Защита оклеветаннаго духовенства, по нашему мнѣнію, принадлежитъ Епархіальному Начальству. Настало время, нагрѣла нужда, учредить при Духовныхъ Консисторіяхъ, на средства епархій, должность юрисъ-консультъ. Преслѣдованіе клеветника юрисъ-консультомъ въ Окружномъ Судѣ, по инициативѣ Епархіальнаго Начальства, можетъ сдѣлать переворотъ въ общественныхъ понятіяхъ и отношеніяхъ къ духовенству. Клеветникъ, осужденный Окружнымъ Судомъ по иски, вчиненному юрисъ-консультомъ, испытаетъ на себѣ заслуженную кару и понесеннымъ наказаніемъ предохранитъ другихъ лицъ отъ клеветы на духовенство, а Епархіальный Судъ избавитъ отъ ежедневнаго полученія ложныхъ доносовъ на священно-церковно-служителей.

Лучше намъ, сказалъ Каиафа, чтобы одинъ человекъ умеръ за людей, нежели чтобы весь народъ погибъ. Лучше, скажемъ и мы, привлечь Епархіальному Начальству черезъ юрисъ-консультъ перваго клеветника на одного изъ священно-церковно-служителей въ скорый, праведный и милостивый Окружный Судъ, чѣмъ выдавать на поруганіе все наличное православное духовенство.

О. Загоровскій, взывая къ духовенству о нравственномъ совершенствованіи, упустилъ изъ виду, что непорочная, нравственная, миролюбивая жизнь духовенства не гарантируетъ его отъ клеветы, Божество Господа нашего Иисуса Христа. Его дивные чудеса, Его идеально стройное нравственное ученіе, не оставили Іуду въ предательствѣ, не устрашили членовъ синедриона въ клеветѣ предъ Понтіемъ Пилатомъ. Для иллюстраціи дѣйствительности, клеветы, на выдающихся лицъ въ нравственномъ отношеніи, Церкви, Христовой, укажемъ на св. Іоанна Златоустаго и разбойничій соборъ, на св. Филиппа Митрополита Московскаго и его возмутительное осужденіе страха ради іудейска. Не забывайте, отцы и братіе, неовипно оклеветан-

ныхъ св. Григорія епископа Акрагантскаго, св. Петра митрополита Кіевскаго и другихъ святыхъ, имъ же вѣсть числа.

Избави насъ, Господи, отъ человѣческія клеветы!..

Священникъ Михаилъ Ковалевскій.

Воспоминаніе о посѣщеніи въ Бозѣ почившаго Архіепископа Амвросія слободы Кириковки Архангело-Михайловскаго прихода, Ахтырскаго уѣзда.

Прослуживъ болѣе тридцати лѣтъ священникомъ, я только въ послѣднее время именно съ 1899 года имѣлъ я счастье почти ежегодно не только встрѣчать, но даже принимать въ своемъ домѣ Архипастырей православной церкви, во время осмотра ими церквей и церковно-приходскихъ школъ своей Епархіи.

На этотъ разъ хочу сказать вѣскольکو словъ о посѣщеніи моего прихода приснопамятнымъ Архіепископомъ Амвросіемъ.

Высокопреосвященнѣйшій Амвросій ежегодно пріѣзжалъ въ слободу Кириковку на обратномъ пути изъ Дмитріевскаго Рясвянскаго (мужескаго) монастыря, который онъ всегда посѣщалъ послѣ перевесенія чудотворнаго образа Божіей Матери наконувѣ Св. Троицы изъ Ахтырскаго Покровскаго собора въ ближайшій Троицкій мужескій монастырь.

Передъ пріѣздомъ въ слободу Кириковку Высокопреосвященнаго Амвросія, я считалъ своею священной обязанностию заблаговременно объявить своимъ прихожанамъ о днѣ его пріѣзда и приглашалъ ихъ въ назначенный день собраться въ церковь для встрѣчи Владыки и получить отъ него святительское благословеніе. И не смотря обыкновенно на будній и рабочій день, (Владыка всегда пріѣзжалъ въ Кириковку въ среду первой недѣли Петрова поста), всегда собиралось въ церковь много прихожанъ, чтобы встрѣтить своего глубокоуважаемаго Владыку и получить отъ него святительское благословеніе.

Высокопреосвященнѣйшій Амвросій всѣ три раза предъ кончиною своею пріѣзжалъ въ слободу Кириковку къ 11 часамъ утра. Послѣ обычной при колокольномъ звонѣ встрѣчи въ церковной оградѣ, нашъ глубокоуважаемый маститый Архипастырь, предшествуемый священникомъ съ крестомъ, діакономъ съ кадиломъ и святою водою, входилъ окруженный народомъ въ храмъ и, приложившись къ храмовому образу, шелъ въ алтарь. Здѣсь онъ во время совершавшагося молебнаго пѣнія разсматривалъ приготовленныя для сего церковныя документы и церковныя сосуды, и послѣ краткаго отпуска, сказаннаго самимъ Владыкою и по произнесеніи ему многолѣтія, благо-

словлялъ всѣхъ бывшихъ въ церквѣ людей и затѣмъ, при колокольномъ же звонѣ, уѣзжалъ въ домъ мѣстнаго священника, гдѣ его встрѣчали съ хлѣбомъ и солью. Въ домѣ священника Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, преподавъ всѣмъ свое святительское благословеніе, просилъ дать ему мѣсто для отдыха. Такъ какъ послѣ дальней и скорой ѣзды (около 40 верстъ) на лошадахъ онъ утомлялся, какъ самъ обыкновенно говорилъ: „меня за дорогу укачиваетъ“; но отдохнувъ въ единенной комнатѣ около часу, выходилъ за тѣмъ въ столовую комнату, гдѣ уже былъ приготовленъ столъ къ обѣду. Послѣ святительскаго благословенія трапезы, всѣ сажались за обѣденный столъ. Обѣдъ былъ всегда въ 12 часовъ, повидимому ранній, потому что Владыка спѣшилъ къ 2 часамъ на ст. Кириковка къ поѣзду, съ которымъ и уѣзжалъ въ Харьковъ.

Отрадно было видѣть Владыку среди лицъ, искренно его любившихъ, среди которыхъ и онъ самъ былъ какъ-бы въ родной семьѣ. За обѣдомъ обыкновенно присутствовали всѣ сопровождавшіе дорого гостя архимандриты монастырей: Святогорскаго, Ахтырскаго, Троицкаго и Дмитріевскаго-Ряснянскаго, два благочинныхъ 1-го и 2-го Ахтырскаго округа, затѣмъ ѣхавшіе съ Владыкою, ключарь и протодіаконъ, а такъ же и другіе сосѣдніе священники и сопровождавшій Высокопреосвященнаго уѣздный исправникъ. Во время обѣда покойный Высокопреосвященный обыкновенно былъ всегда благодушенъ, веселъ и общителенъ. Много рассказывалъ, шутилъ и самъ угощалъ напитками и яствами гостей. Послѣ такого пріятнаго и истинно дружественнаго семейнаго обѣда, всѣ гости съ искреннимъ благопожеланіемъ сопровождали своего Владыку и Отца на станцію, гдѣ принимали отъ него прощальное благословеніе, съ пожеланіемъ ему благополучнаго и счастливаго пути. Особенно памятнымъ мнѣ остался 1901 годъ, въ послѣдній пріѣздъ Высокопреосвященнаго Амвросія въ слоб. Кириковку. Во время обѣда въ этотъ послѣдній разъ, Владыка Амвросій противъ обыкновеннаго казался такимъ еще бодрымъ и здоровымъ. Шутя онъ сказалъ мнѣ: „вотъ, батюшка, мы больше васъ не будемъ беспокоить своимъ посѣщеніемъ“. Я на это отвѣтилъ, что счастливъ я и душевно радъ принимать у себя такого, рѣдкаго и дорогого гостя. А затѣмъ, принявъ смѣлости, спросилъ его: „Владыка, отчего же Вы не пожелаете въ будущемъ году къ намъ“. На что онъ сказалъ, что въ будущемъ году, мы поѣдемъ въ Ряснянскій монастырь по новой дорогѣ (онъ предполагалъ ѣхать по новой желѣзнодорожной Вѣггородской вѣткѣ, которая проходитъ недалеко отъ монастыря). Но не судилъ Господь Богъ Высокопреосвященному Амвросію

быть въ слѣдующемъ году не только въ Кириковкѣ, но и въ монастырѣ Ряснянскомъ. Въ томъ же году 1901, 3 сентября, Владыка Амвросій отошелъ въ вѣчность. Миръ и покой душѣ твоей незабвенный нашъ Архипастырѣ и Отецѣ!

Можно удивляться, какъ покойный Владыка умѣлъ всехъ возвышать до себя и въ своихъ обращеніяхъ съ окружающими былъ доступенъ, не смотря на свое высокое положеніе по сану и своимъ выдающимся талантамъ. Во всякомъ случаѣ, такія встрѣчи и проводы высокихъ святителей нашей церкви составляютъ для сельскихъ жителей цѣлое событіе и дѣлаютъ для нихъ истинный праздникъ, оставляя въ душѣ ихъ глубокое и неизгладимое впечатлѣніе; а въ приходскихъ сельскихъ священно-служителяхъ поднимаютъ душевную энергію и вселяютъ бодрость въ дѣлѣ исполненія своихъ пастырскихъ многотрудныхъ обязанностей.

Священникъ Димитрій Скрынниковъ.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Панихиды по министру В. К. Фонъ-Плеве и архіерейскія богослуженія.

Телеграфъ привезъ потрясающее извѣстіе о трагической смерти, Министра Внутреннихъ Дѣлъ Вячеслава Константиновича фонъ-Плеве, погибшаго 15-го іюля насильственной смертью. В. К. фонъ-Плеве скончался почти 58 лѣтъ отъ роду и занималъ постъ Министра съ 4 апрѣля 1902 года, т. е. въ теченіе двухъ лѣтъ и 105 дней.—Св. Церковь наша осуждаетъ убійство и молится о безвременно погибшихъ. Да осуждаетъ это и всякое честное и правильно развитое сознаніе человѣческое. Прекрасно говорить г. Суворинъ въ своемъ маленькомъ письмѣ („Нов. Вр.“ 1904 г. № 10191): „Можно горѣть, говорить онъ, желаніемъ прогресса своей родины, можно негодовать на медленность его шествія и препятствія, которыя онъ встрѣчалъ, можно далеко идти въ своихъ убѣжденіяхъ и признавать право на существованіе даже самыхъ крайнихъ, можно желать свободы для выраженія смѣлой и открытой борьбы; но убійство должно быть нуждо, честной душѣ, должно волновать ее и настраивать враждебно къ этимъ окровавленнымъ рукамъ, какими

бы мотивами онѣ не побуждался. Миѣ всегда казалось, говорить онѣ еще, что глубочайшая фальшь оправдывать какого-либо убійцу, будь это Юдиѣ, убивающая Олоферна предательски и за это прославленная, или Шарлота Кордэ, убивающая Марата, и находившая тогда сочувствіе въ высокиихъ консервативныхъ сферахъ“... „По моему, надо такъ воспитывать человѣческую душу, чтобъ она не наввдѣла всякое убійство, чтобъ она искренно возмущалась имъ и не старалась находить ему оправданій“.— По поводу безвременной и мученической кончины В. К. фонъ-Плеве, въ г. Харьковѣ совершались заупокойныя богослуженія. Такъ 16 го іюля, въ кафедральномъ соборѣ архимандритомъ о. Іосифомъ была совершена заупокойная литургія, а послѣ нея Преосвященнымъ Алексіемъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи городского духовенства, отслужена панихида по скончавшемся Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ статсъ-секретарѣ Вячеславѣ Константиновичѣ фонъ-Плеве. На богослуженіи въ числѣ многочисленныхъ молящихся присутствовали: губернаторъ Э. А. Ватаци, губернский предводитель дворянства Г. А. Фирсовъ, начальникъ гарнизона генералъ-лейтенантъ С. Ф. Сергѣевскій, управляющій учебнымъ округомъ, Н. О. Куплеваскій, и. д. прокурора, судебной палаты П. Д. Юшневскій, прокуроръ окружнаго суда П. С. Порохонидовъ, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія А. Н. Рыковскій, врачѣбный инспекторъ П. И. Кольскаій, заступающій мѣсто городского головы Н. А. Северицъ, купеческій староста И. К. Велитченко и многія другія должностныя лица.— 18-го іюля, въ Вознесенской церкви, въ присутствіи чиновъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, была отслужена панихида по скончавшемся Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретарѣ В. К. фонъ-Плеве.— 19-го іюля, въ залѣ думскихъ засѣданій протоіереемъ о. Александромъ Федоровскимъ была тоже отслужена панихида по скончавшемся Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ. На панихидѣ присутствовалъ вступающій мѣсто городского головы Н. А. Северицъ, члены городской управы, гласныя думы, и служащіе въ управѣ. Одновременно съ симъ заупокойныя богослуженія совершались и въ другихъ церквахъ г. Харькова. 22-го іюля, въ высокоторжественный день тезоименитства Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Федоровны, въ кафедральномъ соборѣ литургію совершалъ, а послѣ нея служилъ молебенъ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ сослуженіи городского духовенства. На богослуженіи, въ числѣ многочисленныхъ молящихся, присутствовали: губернаторъ Э. А. Ватаци, начальникъ гарнизона

генераль-лейтенантъ С. Ф. Сергпинскій и представители правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. 22-го же Іюля молебвы были отслужены во всѣхъ городскихъ церквахъ. Въ теченіе дня городъ былъ украшенъ флагами.

— Имъ же, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, совершены божественныя литургіи— въ воскресенье 25-го іюля, въ Вознесенской церкви, а во вторникъ, 27-го іюля, въ Павтелеямоновской церкви, по случаю храмового праздника.

Описание поѣздки Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, для обозрѣнія церквей и учебныхъ заведеній Изюмскаго уѣзда.

Въ настоящемъ году Высокопреосвященный Арсеній, по примѣру прошлаго года, день своего Ангела, 8 мая провелъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, посвятивъ его молитвѣ, церковному богослуженію и отдохновенію послѣ многотрудныхъ подвиговъ епархіальнаго управленія.

На третій день своего пребыванія во Св. обитель, Высокопреосвященный Владыка, въ сопровожденіи архимандрита Святогорскаго монастыря о. Вассіана, ключаря Каѳедрального собора о. Георгія Виноградова и остальной свиты, прибылъ въ 8 часу вечера въ г. Изюмъ, посѣтивъ находящуюся на пути церковь сл. Стратылатовки. Колокольный звонъ градскихъ церквей вознѣстилъ горожанъ о приближеніи Архипастыря еще за полчаса до его прибытія. Въ храмъ и вокругъ него Владыку ожидалъ во множествѣ собравшійся народъ; на церковной панерти встрѣчало его городское и прѣгородней сл. Песовъ духовенство во главѣ съ прот. Николоемъ Ястремскимъ; здѣсь же были представители города—городской голова Жевержеевъ, предсѣдатель земской управы Норцовъ, члены управы, уѣздный исправникъ Раушъ, представители другихъ городскихъ учрежденій и кромѣ того свыше 2.000 запасныхъ чиновъ, предвѣданныхъ къ отправленію на Дальній Востокъ. Владыка вышелъ изъ кареты и затѣмъ, пройдя среди народа и принявъ встрѣчу отъ духовенства, прослѣдовалъ на приготовленную для него церковную каѳедру, на которой остановился, слушая пѣніе тропаря храмового праздника. Настоятель собора, свщ. о. Стефанъ Кохаповъ, онъ же и благочинный, прѣвѣтствовалъ Владыку слѣдующею рѣчью:

„Архипастырское служеніе Твое, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, было отъ предѣловъ Кіевскихъ и поморья Балтійскаго до области Казанскія в до наслѣдія отцевъ нашихъ—до Слободской

Украины. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ пронеслися глаголы апостольской проповѣди отъ Твоихъ Святительскихъ устъ. За недолгое время служенія въ благословенномъ краѣ нашемъ и во многихъ городахъ и всякъ Богохранимой паствы Харьковской уже являлъ Ты, Милостивѣйшій Архипастырь нашъ, Святительное лице свое и услышанъ сотворилъ умопительный гласъ жаждоу молитвы и исходящаго отъ любвеобильнаго сердца Твоего, неустанно преподаваемого названія врученному водительство Твоему овцамъ словеснаго стада Христова. Только градъ нашъ, удаленный отъ удобныхъ путей сообщенія, до сего дня лишень былъ возможности видѣть и слышать своего, Богомъ даннаго Наставника и Духовнаго Вождя къ Царствію Небесному. Но, испытывая такое лишеніе, мы не перестали лѣлѣять полную надежду рано или поздно дождать счастливаго времени прибытія Вашего Высокопреосвященства въ этотъ родной намъ градъ и св. храмъ. И надежда наша не посрамлена. Пришелъ и для насъ день желаннаго торжества. Предстатель предъ Богомъ за спасеніе наше пылъ у насъ! Вниди же къ радости встрѣчающимъ Тебя; вниди въ сей Домъ Отца Небеснаго; введи съ Собою и насъ въ этотъ чертогъ славы Преображенія Господня и въ немъ моли Христа Бога нашего—да укрѣпитъ Онъ вѣру нашу и да согрѣетъ сердца наши огнемъ любви, заповѣданной намъ Спасителемъ нашимъ! Нязнеди, Священно-Начальникъ нашъ, благодать Господню на насъ—Твоихъ духовныхъ чадъ и удостой насъ съ покорностію принять архипастырское благословеніе Твое, да исполненные благословенія святительскаго воскликнемъ радостно: Слава Тебѣ Богу, Благоутелю нашему, тако изволвшему, во вѣки вѣковъ“.

Выслушавъ рѣчь и поблагодаривъ о. пастыря за привѣтствіе, Архипастырь прошелъ въ алтарь и, облачившись въ мантию, вышелъ на среднюю храма для совершенія молебнаго пѣнія о дарованіи русскому воинству побѣды надъ иѣроломнымъ врагомъ—японцами. Въ виду большого стеченія въ храмъ запасныхъ чиновъ, отправляющихся на Дальній Востокъ, и провожающихъ ихъ женъ и семей, а также въ виду особеннаго подъема патриотическихъ чувствъ самихъ горожанъ, молебствіе оказало на предстоящихъ весьма благотворное дѣйствіе. Первый же пріѣздъ Архипастыря всѣхъ убѣдилъ въ томъ, насколько онъ внимателенъ къ духовнымъ нуждамъ своей паствы и какъ сердечно относится онъ къ своимъ духовнымъ чадамъ въ важнѣйшіе моменты ихъ жизни. Всѣ молились усердно. Невольными слезы умиленія показывались на глазахъ у многихъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвела на

народъ живая и въ высокой степени сердечная бесѣда Владыки о патріотическихъ чувствахъ народа, пережитыхъ имъ недавно при посѣщеніи г. Харькова Государемъ Императоромъ НИКОЛАЕМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ и при проѣздѣ черезъ тотъ же городъ знаменитыхъ героев Варяга и Корейца.

Молебное пѣніе закончилось провозглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, Христолюбивому побѣдоносному російскому воинству, и провозглашеніемъ вѣчной памяти всемъ православнымъ воинамъ „за вѣру, царя и отечество на полѣ брани животъ свой положившимъ“.

Затѣмъ Владыка, обратись къ народу, предлагая процѣль общимъ хоромъ всехъ присутствующихъ молитву за Царя. Такъ какъ храмъ не могъ вмѣстить и пятой части собравшихся, то народъ стоялъ и внѣ храма, за церковной оградой и на площади, и когда началось пѣніе въ храмѣ, то одновременно пѣли и на площади. Религіозное и патріотическое одушевленіе достигло высокой степени. Все толпилось, чтобы получить благословеніе отъ своего Архипастыря, но Владыка, за позднимъ временемъ, не могъ сдѣлать этого и обѣщалъ благословить запасныхъ чиновъ на другой день.

Осмотрѣвъ храмъ, въ которомъ послѣ его обновленія Владыкою было въ первый разъ совершенно богослуженіе и благословивъ духовенство, Архипастырь отбылъ отсюда въ домъ церковнаго старосты, кунца Веприцкаго, гдѣ для него была приготовлена трапеза и ночлегъ.

Вскорѣ въ квартиру Веприцкаго стали прибывать начальствующие разныхъ учебныхъ заведеній, городской тюрьмы, въ другихъ учрежденій съ просьбой посѣтить подвѣдомственные имъ учрежденія. Владыка обѣщалъ вездѣ побывать, если время и обстоятельства позволятъ ему.

На другой день въ 7 часовъ утра Владыка былъ уже въ подгородней сл. Пескахъ, мѣстѣ явленія чудотворной иконы Песковской Божіей Матери. Здѣсь Владыка, согласно давнему обѣту, отслужилъ при многочисленномъ стеченіи народа молебенъ предъ явленнымъ образомъ Богоматери, предваривъ его словомъ слѣдующаго содержанія:

„Вотъ что передается въ имѣющемся при Церкви „Сказаніи“ объ этой иконѣ“.

Въ 1754 году святитель Іоасафъ, объѣзжая свою епархію, въ со-

1) См. „Песчанск. чудотвори. Икона Бож. Матери“, стр. 5—7. Г. Извѣст. 1902 г.

ставъ которой входила и нынѣшняя Харьковская губернія, прибылъ въ г. Изюмъ. Первая церковь, которую онъ посвятилъ, была Вознесенская въ предмѣстьи города, называемая „Замостье“. Встрѣченный духовенствомъ и войдя въ притворъ, святитель съ изумленіемъ остановился и сталъ всматриваться въ большую икону Богоматери, стоящую въ углу притвора и служившую какъ бы перегородкой, за которой сыпали уголь для кадила. Долго съ умиленіемъ смотрѣлъ онъ на св. икону, потомъ, осенявъ себя крестнымъ знаменіемъ, палъ, предъ ней на колѣни и громко прозвесь: „Царица Небесная! прости небрежность твоихъ служителей: не вѣдять бо, что творить“. Потомъ сдѣлавъ благочинному замѣчаніе за такое небрежное отношеніе къ святыни, сказалъ: „почему этотъ образъ не поставленъ въ лучшемъ мѣстѣ? Въ семъ образѣ, преизоблуетъ особенная благодать Божія: въ немъ Пресвятая Владычица являетъ особенное знаменіе своего вступничества для сей веси и цѣлой страны“, — и тутъ-же приказалъ поставить эту святую въ болѣе приличномъ мѣстѣ. Благочинный въ оправданіе замѣтилъ, что въ церкви много иконъ отъ стараго иконостаса, которыми нѣтъ мѣста. Тогда святитель, быстро выйдя на среднюю церкву, посмотрѣвъ на всѣ стороны, и обративъ вниманіе на большой кіотъ, сзади дѣваго клароса, установленный „небольшими“ иконами изъ стараго иконостаса, сказалъ: „вотъ самое приличное мѣсто для иконы Божіей Матери. Поставить ее на мѣсто этихъ уже обветшавшихъ иконъ и чтобы она всегда стояла въ этомъ кіотѣ“. Съ тѣхъ поръ икона всегда стояла на этомъ мѣстѣ и даже послѣ перенесенія церкви на Пески. Послѣ же сооруженія въ 1826 г. новой каменной церкви, вслѣдствіе пзмѣненія плана, икона помѣщается и до настоящаго времени въ кіотѣ по лѣвую сторону иконостаса.

Святитель, Иоасафъ, прожилъ въ Изюмѣ болѣе трехъ дней; ежедневно утромъ и вечеромъ онъ приходилъ въ Вознесенскую церковь и молился предъ образомъ Божіей Матери, тогда же перенесеннымъ и поставленнымъ на мѣстѣ, указанномъ святителемъ.

Вѣсть о вниманіи, обращеннымъ святителемъ на икону, о его молитвѣ предъ нею, распространилась между жителями и многіе стали прибѣгать къ ней, какъ имѣющей особенную благодать; къ тому же въ это время, начали передавать, слухъ, что святитель передъ выѣздомъ изъ Вѣдгорода, видѣлъ сонъ: будто бы онъ осматривалъ церковь и въ одной изъ нихъ, въ притворѣ увидѣлъ на кучѣ сора икону Богоматери съ свѣтлымъ сіяніемъ, исшедшимъ отъ нея, при чемъ извѣстный, голосъ указывалъ на эту икону,

какъ на источникъ благодати для страны. Сонъ этотъ произвелъ такое впечатлѣніе на святителя, что онъ во время поѣздки по епархіи внимательно осматривалъ каждую церковь, какъ будто ожидалъ найти сходство съ тѣмъ, что видѣлъ во снѣ. Прибывъ въ Изюмъ, онъ былъ пораженъ сходствомъ иконы Воскресенской церкви, съ видѣнной во снѣ, а потому, взглянувъ на икону Божіей Матери, стоящую въ притворѣ и въ такомъ небреженіи, онъ повѣлъ, что сонъ его относился къ этой церкви и къ этой иконѣ.

И дѣйствительно, послѣ этого многіе стали обращаться съ вѣрою и молитвою къ Владычицѣ міра и получали у этого образа исполненіе просимаго; вслѣдствіе чего вѣсть о церкви, въ которой хранится дивный образъ Божіей Матери, распространилась далеко за предѣлы Изюма, и многочисленныя толпы желавшихъ поклониться св. иконѣ, начали стекаться въ эту церковь.

Съ перенесеніемъ Воскресенской церкви въ 1792 г. изъ Замостянской улицы на Пески была перенесена и икона, привлекавшая все большее и большее почитаніе и благоговѣніе какъ прихожанъ, такъ и окрестныхъ жителей. И Пречистая Дѣва, Царьца неба и земли, не посрамля чтущихъ пречестное Имя ея и съ вѣрою и любовію поклоняющихся ей пречистому образу. Вскорѣ послѣ перенесенія церкви и образа на Пески, Она благоволила явно показать всѣмъ, что на этомъ образѣ почиваетъ ея особенная благодать и что всякій съ вѣрою прибѣгающій и припадающій къ этому образу не отойдетъ отъ Лица Ея тощъ и не услышанъ.

Всѣ иконы православной христіанской церкви священны для насъ, братіе, ибо употребленіе ихъ освящено примѣромъ Самого Господа Нашего Иисуса Христа, Божіей Матери и Святыхъ. Благочестивое преданіе повѣствуетъ намъ, что Иисусъ Христосъ еще при жизни своей послалъ свой нерукотворенный образъ царю Авгарю для исцѣленія его отъ тяжелой болѣзни. Св. евангелистъ Лука самъ былъ живописцемъ и, кнѣзь удостовѣряетъ преданіе, написалъ четыре иконы Божіей Матери.

И сама Божія Матерь, благословляя привѣтствіе Елисаветы, говорила: *отнынѣ ублажатъ мя вси роды*. По сему великому примѣру и мы, христіане, почитаемъ иконы, молясь предъ ними въ храмахъ и въ домахъ своихъ и утверждая ихъ по всѣхъ мѣстахъ, особенно дорогихъ для насъ. Эти священныя иконы, служа для насъ живымъ напоминаніемъ о тѣхъ лицахъ и событіяхъ, какіе на нихъ изображены, возбуждаютъ въ насъ молитвенныя чувства. Иконы и священно-историческія изображенія являются лучшимъ украшеніемъ нашихъ храмовъ. Худо-

жественные иконостасы и священныя картины, въ нихъ утвержденныя, — красота нашихъ храмовъ. Войдите въ любой православный храмъ и ваше религіозное чувство невольно восприметъ при видѣ цѣлаго сонма святителей христіанской церкви, которыми во главѣ съ Богомъ Отцомъ, Сыномъ Божиимъ и Духомъ Святымъ, украшены его стѣны. Но представляйте храмъ сей безъ всякихъ художественныхъ украшеній: пустынно и мрачно въ немъ, непривѣтливо, какъ въ мрачную погоду, гдѣ не видно луча солнечнаго.

Но въ ряду многихъ иконъ христіанской церкви есть иконы имѣющія особый смыслъ и особенное значеніе для христіанина. Къ такимъ иконамъ принадлежатъ чудотворныя иконы, являющіяся носительницами особой благодати Божіей. Вотъ я вашу Богоспасаемую весь Господь не оставилъ своимъ милосердіемъ, явивъ вамъ чудотворную икону Богоматери.

Откуда же, братіе, и для чего являются чудотворныя иконы сіи среди христіанъ? Вы знаете, разумѣется, что Господь Богъ не вездѣ являетъ свои чудотворныя иконы и не всегда ихъ посылаетъ людямъ въ утѣшеніе, но въ особенное время и по особымъ велѣніямъ Промысла Своего. Для спасенія рода человѣческаго являются чудотворныя иконы, для вразумленія невѣрующихъ, для укрѣпленія ослабѣвающей вѣры нашей, для утѣшенія страждущихъ и въ позданіе праведнымъ. А содѣлываетъ иконы сіи, являетъ ихъ, силу чудотворенія и испѣляющей благодати, Самъ Богъ в жизнь нашу по вѣрѣ и добрымъ дѣламъ, надежда христіанская и любовь къ Богу Спасителю нашему и ближнимъ.

Отсюда заключайте, братіе, что Господь Богъ особенно благоволяетъ вамъ, явивъ къ веси сей чудотворный ливкъ Песчанской Божіей Матери. Дорожите же симъ знаменіемъ благодати Божіей, храните его, яко зѣницу ока своего, и не прогнѣвляйте Господа грѣхамъ своими. Нерѣдко бываетъ, когда чудотворныя иконы по грѣхамъ нашимъ вземлются изъ среды грѣшныхъ и невидимую славою Божіею переносятся въ другія мѣста, въ общество людей болѣе достойныхъ. И кака великая скорбь объемлетъ тогда грѣшниковъ, лишенныхъ благости Божіей! За то какъ счастливы грады, веси и обители, гдѣ хранится этотъ великій источникъ милосердія Божія! Здѣсь непрестанно наливаются горячія молитвы грѣшниковъ, здѣсь особенное возбужденіе вѣры нашей бываетъ, здѣсь же явленіе особаго промыслительнаго дѣйствія Божія надъ людьми совершается.

Старайтесь же, братіе, не прогнѣвлять Бога согрѣшеніями своими. Будьте усердны къ храму Божію. Молитесь усердно предъ

пречистымъ ликомъ Богоматери. Помолимся нынѣ и всѣ мы купно со мною. Я благодарю Господа Бога, удостоившаго меня поклониться святынь вашей и исполнить давній обѣтъ мой⁴.

Затѣмъ Высокопреосвященный Владыка торжественно совершилъ въ сослуженіи многихъ священниковъ молебное пѣніе предъ чудотворнымъ ликомъ Песчанской Божіей Матери, выставленнымъ на среданѣ храма въ особомъ кіотѣ.

По окончаніи молебна настоятель церкви прот. Николай Ястремскій, обратясь къ Владыкѣ съ слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ, въ которомъ сердечно благодарилъ Высокопреосвященнаго Гостя за милость, оказанную приходу сл. Песокъ своимъ посѣщеніемъ.

„Весьма обрадованы, сказалъ онъ, утѣшены, счастливы, что Ваше Высокопреосвященство, какъ милостивый нашъ Архипастыръ и отецъ, въ заботахъ о духовныхъ нуждахъ духовныхъ дѣтей, вѣренн^{ой} Богомъ Вашему водительство паствы Харьковской, соблаговолила посѣтить и папу весь и исполнили сердечное свое желаніе помолиться, совмѣстно съ нами, въ храмѣ славы Царьцы Небесной, предъ чудотворнымъ образомъ Песковской Божіей Матери. За такое доброе дѣло, приносимъ Вамъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, благодѣйшій нашъ Архипастыръ, искренно-признательнѣйшую сыновнюю благодарность и усердно молимъ, богатаго милостями Бога, да укрѣпляетъ и оградитъ Вашу многополезную жизнь, въ полнѣйшемъ здравіи и всякомъ благополучіи на многая и премогающія лѣта, для блага всей паствы, насъ же и всѣхъ православныхъ христіанъ дорогого нашего отечества, по святымъ, Вашего Высокопреосвященства, молитвамъ, да не лишитъ Своихъ милостей, покрова и защиты для временнаго нашего благосостоянія, во всемъ добромъ и полезномъ для насъ, и вѣчнаго нашего спасенія“.

Выслушавъ о. настоятеля и поблагодаривъ за выраженное имъ привѣтствіе, Владыка вошелъ въ алтарь, разоблачился и, предложивъ ученикамъ земскихъ и церковно-приходской школы приготовиться къ испытанію, приступилъ къ осмотру распыряемаго храма. Тѣмъ временемъ учащіеся въ числѣ свыше 200 чел. собралась въ правомъ предѣлѣ. Окруживъ себя дѣтьми, Владыка сначала заставилъ ихъ пропѣть молитву Господню: пѣніе получилось недружное и несогласное. Это дало поводъ Архипастырю освѣдомиться, кто въ школахъ состоитъ преподавателемъ церковнаго пѣнія и какъ поставлено въ нихъ преподаваніе этого важнаго предмета. Оказалось, что мѣстный регентъ, состоявшій преподавателемъ пѣнія въ церковно-приходской школѣ, отбылъ на

Дальній Востокъ, въ качествѣ запасного, почему школьный хоръ значительно ослабѣлъ въ своихъ пѣвческихъ познаніяхъ. Узнавъ далѣе, что въ двухъ Песчавскихъ земскихъ школахъ пѣніе вовсе не преподается, Владыка высказалъ крайнее сожалѣніе по поводу этого и настоятельно просилъ законоучителя школъ обратить серьезное вниманіе на то, чтобы церковное пѣніе, стоящее въ тѣснѣйшей связи съ Закономъ Божіимъ, здѣсь было поставлено на должную высоту.

„Церковное пѣніе, сказалъ далѣе Владыка, это живая почва для религіознаго воспитанія нашего народа“. На замѣчаніе учителя пѣнцы земской школы, что пѣнію у нихъ не придается такого серьезнаго значенія и что сама она не обладаетъ пѣвческими способностями, Владыка указалъ на то, что сама жизнь, народъ и церковь, независимо отъ учебныхъ программъ и разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, требуютъ широкой постановки церковнаго пѣнія въ начальныхъ школахъ.

Бываетъ ли, спросилъ затѣмъ Владыка, у васъ общенародное пѣніе въ храмѣ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Владыка снова высказало сожалѣніе, что здѣсь не пользуются такою великою силою религіознаго воздѣйствія.

Послѣ этого, по предложенію Владыки, весь собравшійся въ храмѣ народъ вмѣстѣ съ учениками запѣвалъ молитву за царя. Испытавъ затѣмъ учениковъ въ знаніи Закона Божія и раздалъ имъ и учащимъ, а такъ же женамъ священно-церковно-служителей крестики, Владыка отбылъ отсюда въ домъ о. пастоятеля прот. Николая Ястремскаго, гдѣ для него былъ приготовленъ чай. Въ домѣ прот. Ястремскаго Владыкѣ былъ представленъ 80-лѣтній старикъ, заштатный дьячокъ В. Грабовскій. Архипастыръ любовно отнесся къ этому вымирающему представителю низшаго клера и удостоилъ его своею бесѣдою. Награжденный золотою медалью за свыше пятидесятилѣтнюю службу, въ подрясникѣ и рясѣ, Грабовскій стоялъ предъ Архипастыремъ, полный благоговѣйныхъ чувствъ къ нему, счастливый и довольный представившимся ему случаемъ получить архипастырское благословеніе на закатѣ своихъ дней. Владыка разспрашивалъ Грабовскаго о протекшей службѣ и испытывалъ его въ пѣніи древне-церковныхъ псалмовъ. Когда Грабовскій запѣлъ догматикъ „Въ черномъ морѣ“, невольно у всѣхъ явилась мысль, что современный псадомщикъ едва ли можетъ сообщать своему пѣнію таковой молитвенный и истовый характеръ. За доставленное Грабовскимъ духовное утѣшеніе Владыка угостилъ его чашею вина, въ отвѣтъ на что онъ, осчастливленный вниманіемъ

Владыки, пропѣлъ Архипастырю многолѣтіе. Выслушавъ пѣніе маститаго пѣвца, Владыка поблагодарилъ его и, подавая ему деньги, прибавилъ: „это тебѣ, старикъ, за потребу“. Трудно выразить словами умиленіе старца—дьячка, удостоившагося получить отъ самого Владыки даяніе „за потребу“.

Пробывъ въ квартирѣ о. настоятели около получаса, Владыка возвратился въ гор. Изюмъ для дальнѣйшаго осмотра школъ и церквей.

Оставляя квартиру гостепріимнаго о. протоіеря, Владыка указалъ ему, какъ завѣдующему, на необходимость скорѣйшаго устройства въ многолюдномъ Песчанскомъ приходѣ собственнаго школьнаго помѣщенія, на что послѣдовало заявленіе о. Ястремскаго о полной готовности пріята, прихода и старосты въ непродолжительномъ времени приступить къ этому существенно-необходимому дѣлу.

(Окончаніе будетъ).

Пятидесятилѣтній юбилей Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

(6 іюня 1864 г.—6 іюня 1904 г.).

(Окончаніе *).

Послѣ акта на юбилей приглашеннымъ на торжество лицамъ былъ предложенъ обѣдъ; столъ былъ сервированъ на 400 персонъ. Трапезу благословилъ Высокопреосвященный Арсеній, Владыка провозгласилъ первый тостъ за здравіе Государя Императора и всего Царствующаго Дома. Прот. Т. И. Буткевичъ провозгласилъ тостъ за здравіе Высокопреосвященнаго Арсенія. Далѣе слѣдовали другіе тосты за разныхъ лицъ, имѣющихъ или же имѣвшихъ отношеніе къ училищу.

По окончаніи обѣда Владыка Арсеній отбылъ изъ училища, а за нимъ разѣхались и всѣ приглашенныя на торжество лица.

Въ день юбилея на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, предсѣдателя Совѣта прот. Т. И. Буткевича, начальницы училища Е. Н. Рейцигъ и самаго училища были получены слѣдующія привѣтственные телеграммы и поздравительныя письма:¹⁾

Сердечно привѣтствую съ полувѣковымъ юбилеемъ Харьковское Епархіальное женское училище; желаю ему дальнѣйшаго процвѣтанія и преуспѣанія и молитвенно призываю на трудящихся и учащихъ въ немъ благословеніе Божіе. Митрополитъ Флавіанъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1904 г. № 13.

¹⁾ Приводимъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ; остальные будутъ помѣщены въ юбилейномъ сборникѣ.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Архипастырь!

Глубокую благодарность приношу Вамъ за достолюбезное Ваше приглашеніе меня къ участию въ празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. Екъ сожалѣнію, не могу посѣтить его въ этотъ торжественный для него день. Шестого числа іюня и въ Одесскомъ Епархіальномъ училищѣ, если Богъ благословитъ, небольшое ежегодно повторяемое торжество—архіерейское служеніе Божественной литургіи и годичный актъ по случаю окончанія учебнаго года и выпуска окончившихъ полный курсъ ученія воспитанницъ.

Съ удовольствіемъ я воспоминаю Харьковское училище, и въ день юбилея да ниспошлетъ Господь на всѣхъ трудящихся въ немъ, учащихъ и учащихся свое благословеніе.

Прося затѣмъ святыхъ молитвъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и съ братскою о Христѣ любовью имѣю честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшимъ слугою Іустинъ, Архіепископъ Херсонскій.

Считаю долгомъ принести усерднѣйшее поздравленіе училищу съ пятидесятилѣтіемъ полезнаго служенія его Харьковской епархіи, церкви и отечеству, желаю ему дальнѣйшаго процвѣтанія въ грядущія столѣтія.

Сергій архіепископъ Владимирскій.

Примите отъ меня сердечный привѣтъ съ завершеніемъ пятидесятилѣтія многоплодной дѣятельности; молитвенно призываю Божіе благословеніе на всѣхъ; съ удовольствіемъ вспоминаю о своемъ пребываніи въ Харьковѣ и въ училищѣ. Николай, Епископъ Таврическій.

Привѣтствую училище съ полувѣкомъ его существованія, молитвенно вспоминаю Архипастырей, крѣпко потрудившихся для образцоваго его благоустройства; въ сонмѣ ихъ да будетъ благословенно имя святителя Амвросія; въ новомъ полувѣкѣ желаю училищу славы его дѣтелямъ, силъ и крѣпости духовной, а покровителю святителю Арсенію многихъ лѣтъ. Иннокентій, Епископъ Тамбовскій.

Душевный привѣтъ отъ меня и Полтавскаго женскаго епархіальнаго училища Харьковскому училищу съ юбилейнымъ праздникомъ; молитвенно благожелаемъ, да возрастаетъ и цвѣтетъ училище во славу Церкви Божіей. Епископъ Іоаннъ.

Привѣтствую училище со днемъ юбилея, молитвенно желаю ему дальнѣйшаго процвѣтанія и благословенія Возжыго. Стефанъ Епископъ Могилевскій.

Молитвенно присоединяюсь къ празднованію пятидесятилѣтія училища, призываю Божіе благословеніе на дальнѣйшую жизнь училища и на дѣателей труждающихся для его благосостоянія и процвѣтанія. Епископъ Владиміръ.

Пятидесятилѣтнему училищу привѣтъ съ настоящимъ и молитвеннымъ пожеланіемъ на будущее. Епископъ Платонъ.

Ваше Высокопреподобіе,

Отецъ Протоіерей!

Свѣтлы и пріятны мои воспоминанія о давнемъ — быломъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища: Благодарю отъ всей души членовъ Совѣта этого училища за ту честь, какую они оказали мнѣ своимъ приглашеніемъ къ исполнившемуся пятидесятилѣтнему юбилейному своему празднику. Радуюсь и вполнѣ сочувствую знаменательному Вашему торжеству. Призываю Божіе благословеніе на всѣхъ труженниковъ, учащихъ и учащихся въ Вашемъ заведеніи, при пожеланіи ему дальнѣйшаго процвѣтанія и преуспѣянія во всемъ благомъ, честномъ, святомъ и общепольномъ для жизни человѣка временной и вѣчной.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашего Высокопреподобія покорный слуга Веніаминъ, Епископъ Енисейскій, Викарій Костромской епархіи.

Искренно привѣтствую Харьковское Епархіальное женское училище съ торжествомъ его пятидесятилѣтія, да процвѣтаетъ оно, воспитывая христіански настроенныхъ труженицъ, любящихъ святую церковь, преданныхъ царю, подлежаще подготовленныхъ къ учительству въ церковныхъ школахъ на пользу истиннаго просвѣщенія народа, сердечно поздравляю съ торжествомъ Ваше Высокопреосвященство, начальство, учащихся, учащихъ, сердечно признателенъ за дорогую память. Владиміръ Саблеръ.

Прошу Ваше Высокопреосвященство принять мои почтительныя заочныя привѣтствія въ юбилейный день духовнаго училища. Алексѣенко.

Въ Совѣтъ, Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Имѣю честь принести мою глубочайшую благодарность за приглашеніе на празднованіе дня пятидесятилѣтія со времени основанія училища, сего іюня 6-го

Къ сожалѣнію я никакъ не могу лично принять участіе въ торжествѣ.

Приношу мое поздравленіе вмѣстѣ съ пожеланіемъ всѣхъ благъ заведенію, оставившему мнѣ столь много свѣтлыхъ воспоминаній.

Тайный совѣтникъ Иванъ Хрущевъ.

Сердечно поздравляю училище съ юбилеемъ. Искренно желаю ему постоянного процвѣтанія.

Нечаевъ Петръ Ивановичъ—ревизоръ учебнаго комитета при Св. Синодѣ.

Поздравляю съ юбилеемъ, училище радуюсь могучему его росту, нынѣ оно обширнѣйшее благоустроеннѣйшее заведеніе, заслуги его предъ роднымъ краемъ неопѣнимы, да процвѣтаетъ оно и

впредь, воспитывая для общества и церкви убѣжденныхъ, твердыхъ, кроткихъ христіанокъ, неуклонно проводящихъ въ жизнь добрыя начала и правила, воспринятыя ими въ училищѣ. Григоревскій.

Не откажите принять и передать училищу мое поздравленіе съ 50-тилѣтнимъ юбилеемъ и искреннее пожеланіе ему дальнѣйшаго развитія и преуспѣванія, съ истинно отраднымъ чувствомъ всегда вспоминаю тѣ часы, которые иногда случалось проводить въ вашемъ училищѣ. Сенаторъ Петровъ.

Сердечное участіе принимаю въ сегодняшнемъ торжествѣ, жалѣю, что не присутствую, тронута, что память моей матери сохранилась, желаю полного процвѣтанія, привѣтъ всеѣмъ. Принцесса Мюратъ.

Привѣтъ отъ ввѣреннаго вамъ училища, переданъ намъ Преосвященнѣйшимъ Владыкой Николаемъ, былъ намъ чрезвычайно пріятенъ и приять нами съ благодарностью, взаимно сердечно привѣтствуемъ всеѣхъ васъ, поздравляемъ съ сегодняшнимъ торжественнымъ днемъ и просимъ приять наши наилучшія благопожеланія на многіе, многіе годы. Начальница, воспитательницы, воспитанницы Таврическаго Епархіальнаго женскаго училища.

Томское Епархіальное женское училище привѣтствуетъ Харьковское Епархіальное женское училище съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ, искренно желаетъ ему дальнѣйшаго процвѣтанія. Совѣтъ училища.

Первое Кіевское женское училище духовнаго вѣдомства представляетъ для себя пріятнымъ долгомъ привѣтствовать Харьковское училище съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ его просвѣтительной дѣятельности и шлетъ сердечное пожеланіе дальнѣйшаго процвѣтанія и преуспѣванія на этомъ поприщѣ.

Купянское духовное училище въ день юбилея усерднѣе и братски привѣтствуетъ Харьковское Епархіальное женское училище съ его славнымъ прошедшимъ и блестящимъ настоящимъ, съ искреннимъ пожеланіемъ дальнѣйшаго процвѣтанія и въ будущемъ. Смотритель училища Григоровичъ.

Одесское Епархіальное женское училище съ чувствомъ искренней братской любви привѣтствуетъ Харьковское Епархіальное женское училище съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ его плодотворной просвѣтительной дѣятельности и отъ души желаетъ ему такъ же успѣшно продолжать свое благотворное служеніе обществу. Начальница Мокіевская.

Епархіальному женскому училищу въ г. Харьковѣ.

Въ жизни учебнаго заведенія пятьдесятъ лѣтъ, можно сказать,—не много. Но тѣмъ болѣе дорога и отрадна для насъ эта первая юбилейная годовщина учебнаго заведенія, которое успѣло уже внести въ жизнь такъ много свѣтлаго и хорошаго и такъ

блестяще оправдало возложенныя на него надежды и ожиданія. Епархіальное Харьковское женское училище, какъ и всѣ вообще духовно учебныя женскія заведенія, вызвано было полвѣка тому назадъ къ жизни самыми неотложными, настоячими потребностями и запросами времени—дать нашей деревнѣ возможно больше образованныхъ, христіански-воспитанныхъ и настроенныхъ женщинъ, которыя, придя въ близкое соприкосновеніе съ крестьянской средой въ положеніи женъ и дочерей духовенства, а также учительницъ церковно-приходскихъ школъ, явились бы энергичными, неутомимыми труженицами и помощницами пастырей церкви въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія народа.

И вотъ, осуществленію этой поистинѣ высокой и святой цѣли и служить съ такою честью Епархіальное Харьковское женское училище уже полвѣка. Обозрѣвая въ настоящій день эти прожитые пмѣ полвѣка, оно съ чувствомъ искренней духовной радости и гордости можетъ видѣть, какъ много вышло въ жизнь изъ его стѣнъ такихъ добрыхъ, христіански предсвѣщенныхъ женщинъ, которыя внесли столько свѣта въ темную крестьянскую среду, столько радости и утѣхи въ семейную жизнь нашего духовенства.

Вотъ почему настоящій юбилейный праздникъ Епархіальнаго женскаго училища есть вмѣстѣ съ тѣмъ и радостное торжество нашего духовнаго просвѣщенія вообще, праздникъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній нашей епархіи, и Сумское духовное училище съ чувствомъ искрошной радости участвуетъ въ этомъ торжествѣ и съ чувствомъ искренней же радости привѣтствуетъ Епархіальное Харьковское женское училище съ исполненнымъ сегодня пятидесятилѣтіемъ со дня его основанія, молитвенно желая ему не ослабѣвая трудиться съ такою же пользою на своемъ славномъ поприщѣ

Предсѣдатель Правленія, смотритель училища протоіерей А. Грузовъ. Помощникъ смотрителя, священникъ Іаковъ Матусевичъ, Члены: учитель Ѡ. Гораня, священникъ Николай Мощенко, священникъ Симоонъ Недѣдька.

Многоуважаемая Евгенія Николаевна!

Позвольте благодарить Васъ за присланное Вами мнѣ приглашеніе на юбилей Училища и принести Вамъ и достоуважаемому о. Тимоѳею Ивановичу сердечное поздравленіе съ этимъ торжествомъ.

Вспоминая тѣ заботы и то горячее участіе въ устроеніи и улучшеніи Харьковскаго женскаго епархіальнаго училища, которыя раздѣляли Вы и Тимоѳей Ивановичъ съ нашимъ незабвеннымъ Владыкою Амвросіемъ, я отъ всей души желаю, чтобы Господь послалъ Вамъ здоровья и силъ къ продолженію Вашихъ трудовъ и утѣшеніе всегда видѣть добрые плоды, приносимые этимъ прекраснымъ учебнымъ заведеніемъ.

Горжусь, что хоть немножко связанъ съ нимъ, состоя братчикомъ его вспомогательнаго Общества и благодаря любезному от-

ношенію ко мнѣ глубоко мною почитаемыхъ Начальницы и Предсѣдателя Совѣта Училища.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою П. Владимірскаго.

Историческія свѣдѣнія объ Ахтырскомъ Покровскомъ соборѣ и Ахтырскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, Харьковской епархіи

Ахтырскій Покровскій соборъ, въ которомъ находится св. чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, есть замѣчательнѣйшее сооруженіе позапрошлаго столѣтія. Основаніе, устройство и украшеніе этого храма принадлежитъ какъ заботливости въ Богѣ почивающей Императрицы Елисаветы Петровны, такъ и усердію благочестивыхъ христіанъ всей Россіи. Первая мысль объ устройствѣ этого обширнаго каменнаго храма принадлежитъ тогдашнему Ахтырскому полковнику Ѡ. И. Каченовскому. Полковникъ Каченовскій въ 1751 г., когда, по указу Св. Синода св. икону Богоматери, явившуюся въ Ахтыркѣ, повелѣно было почитать чудотворною, замѣтилъ, что деревянная Покровская церковь оказывалась не только тѣсною для постоянно увеличивавшагося числа богомольцевъ, но и очень ветхой, — выхлопоталъ просительную книгу.

Сдѣлавъ въ этой книгѣ ко всѣмъ благочестивымъ христіанамъ воззваніе, Каченовскій представилъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Сочувствуя благочестивому намѣренію полковника и вмѣстѣ съ тѣмъ радуясь, что въ ея царствованіе явилась милость Божія, Императрица рѣшила устроить храмъ въ Ахтыркѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ явилась чудотворная икона Богоматери.

Для этого она поручила знаменитому въ то время зодчему Растрелли составить планъ храма и пожертвовала отъ своихъ щедротъ 2000 руб., которыя собственноручно записала въ сборной книгѣ

„Милостивое пожертвованіе Императрицы глубоко повліяло и на ея подданныхъ. Пожертвованія полились обильно.

Въ 1753 году, 25 апрѣля, по благословенію Бѣлгородскаго епископа Іоасафа (Горленко), положено основаніе храму именуемому Ахтырскому Свято-Троицкому монастырю Іоанномъ (Солунскимъ) вмѣстѣ съ городскимъ духовенствомъ.

Объ этомъ событіи церковный лѣтописецъ говоритъ такъ: „сего числа, зная пресѣщеніемъ Небесныя Царицы чудеса подобное воздуха премѣненіе содѣяся: изъ утра и во время литургіи съ студенымъ вѣтромъ шелъ дождь, егда же преста самое время заложенія церкви, внезапно стужа и дождь преста, ясный-же и теплый день продолжался даже до вечера“.

Спустя 15 лѣтъ послѣ основанія, храмъ былъ оконченъ и освященъ, при чемъ главный престолъ въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, южный въ память положенія честныя ризы Богоматери и вмѣстѣ явленія образа въ гор. Ахтыркѣ, сѣверный во

ямя праведныхъ Захаріи и Елисаветы—ангела Императрицы. Освященіе храмовъ происходило въ 1768 году, 2 іюля, епископомъ Бѣлгородскимъ Порфиріемъ (Крайскимъ).

Въ этотъ же день 2 іюля была торжественно перенесена въ новый храмъ и св. икона Богоматери.

Сія св. икона явилась слѣдующимъ образомъ:

Въ позапозномъ столѣтіи въ гор. Ахтыркѣ, за стѣнами бывшей ея крѣпости, находилась небольшая древняя церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. При этомъ храмѣ почти во всю первую половину 18 столѣтія состоялъ священникомъ о. Даніилъ Васильевичъ Помянскій, человекъ простой, кроткій и благочестивый, весьма бѣдный. Велѣдствіе своей бѣдности онъ для поддержанія своего семейства занимался лично земледѣліемъ. Готовясь къ уборкѣ хлѣба, онъ купилъ новую косу и, желая узнать ея качества, вышелъ на предмѣстье своего двора, поросшее сорною травой. Едва только о. Даніилъ ударилъ косою два раза, какъ замѣтилъ стоящую въ той травѣ икону, отъ которой исходилъ необыкновенный свѣтъ. Отъ овладѣвшаго имъ при этомъ видѣніи страха о. Даніилъ выпустилъ даже косу. Прійдя въ себя, онъ сотворилъ крестное знаменіе и началъ читать кондакъ предпразднеству Рождества Богородицы. Потомъ положивъ предъ иконою три земныхъ поклона, безъ всякаго препятствія взялъ ее и отнесъ въ свой домъ, гдѣ и поставилъ ее на престономъ мѣстѣ. Событіе это произошло 2 іюля, 1739 года. 1743 года св. икона была перенесена священникомъ о. Даніиломъ въ храмъ.

О времени основанія Ахтырскаго Свято-Троицкаго мужскаго общежительнаго монастыря достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ. Это объясняется тѣмъ, что при закрытіи нѣкоторыхъ монастырей въ царствованіе Императрицы Екатерины II всѣ документы Свято-Троицкаго монастыря были отравлены въ Бѣлгородскій монастырь—гдѣ во время пожара всѣ погибли. Надо, однако, думать, что въ 1739 году (годъ явленія чудотворной иконы Богоматери) монастырь уже существовалъ и очевидно болѣе или менѣе продолжительное время. 30 іюля 1743 года Бѣлгородскій митрополитъ Антоній указомъ изъ конясторіи приказалъ ректору Харьковскаго коллегіума архимандриту Аванасію совместно съ игуменомъ Ахтырскаго Свято-Троицкаго монастыря Іоанномъ (Солунскимъ) и протоіереемъ Садовскимъ произвести слѣдствіе о чудесахъ св. иконы. Слѣдовательно въ 1743 году въ Ахтырскомъ монастырѣ были уже игумены.

Въ числѣ иночествующихъ обители до закрытія ея подвизался бывший духовникъ Императора Петра Великаго, протоіерей о. Тимофей Надаржипекій, пядивеніемъ котораго построенъ въ семъ монастырѣ храмъ во имя Пресвятыя Живоначальныя Троицы (въ 1724 году). О. Тимофей по смерти своего сына распредѣлилъ свое имѣніе между остальными дѣтьми, не забывъ и любимой имъ Ахтырской обители, обогативъ оную вкладами, оставивъ „сѣтѣломъ и душой“, отказавъ отъ свѣта и принявъ въ семъ мо-

настырѣ схиму съ именемъ Товіи, скончался въ ономъ въ 1729 году. Прахъ добродѣтельнаго старца погребенъ на правой сторонѣ внутри Троицкаго, созданнаго имъ, храма ¹⁾).

Закрытъ монастырь былъ въ 1788 году. Въ 1842 году, 31-го октября, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи монастыря, и первымъ его строителемъ назначенъ былъ изъ братіи Харьковскаго Архіерейскаго Дома іеромонахъ Сергій (Измайловъ), возведенный въ томъ же году въ санъ игумена, а въ 1853 году и въ санъ архимандрита.

О. Сергій особенно много потрудился при возобновленіи монастыря. Когда онъ съ двумя іеромонахами, двумя или тремя іеродіаконами и тремя послушниками прибылъ въ обитель, то тамъ, кромѣ совершенно запущенныхъ Троицкаго храма и колоколни, да старой сторожки, ничего не было.

Въ этой то сторожкѣ отецъ Сергій и поселился съ братією, при чемъ онъ, какъ игумень, спалъ на скамьѣ, а братія на полу или вѣрнѣе на землѣ и это зимою на довольно высокой горѣ, 15 января 1843 года о. Сергій первый разъ совершилъ богослуженіе въ храмѣ, какъ только онъ былъ приведенъ хотя не много въ порядокъ.

Въ этомъ храмѣ находилась и нынѣ находится чтимая чудотворная икона Божіей Матери „Всѣхъ Скорбящихъ Радости“, отъ которой съ вѣрою притекающіе получали и получаютъ исцѣленіе, благодатное утѣшеніе и скорую помощь. Она изображена на деревянной доскѣ, имѣющей 3 арш. 3¹/₂ верш. въ вышину и 2 арш. 3¹/₄ верш. въ ширину, съ распростертыми руками, надъ головою ея корона, держащая двумя ангелами, а по обѣимъ ея сторонамъ предстоящіе страждущіе.

Когда и какъ пріобрѣтена и съ какого времени находится въ монастырѣ икона „Всѣхъ Скорбящихъ Радость“, письменныхъ документовъ на то нѣтъ, но преданіе, занесенное въ позднѣйшее время въ лѣтопись монастыря, помнитъ, что она привезена въ монастырь по чудесному указанію, какимъ-то священникомъ еще до упраздненія монастыря въ 1788 г. Священникъ тотъ, по преданію, давъ обѣдъ пожертвовать икону въ Кіевъ, невѣ ее туда, но когда остановился почевать близъ рѣки Вореклы, протекающей около Ахтырскаго монастыря, то явившіеся ому въ сонномъ видѣніи два монаха одинъ преклонныхъ, а другой молодыхъ лѣтъ велѣли ему оставить икону въ этой обители. Когда же священникъ, не внимая видѣнію, продолжалъ путь съ иконою въ Кіевъ, ему вторично было то же самое видѣніе и онъ, принимая это за указаніе свыше, рѣшился исполнить повелѣніе - принести икону въ Ахтырскую обитель.

Много надо было употребить трудовъ, чтобы на мѣстѣ совершеннаго заустынія возсоздать обитель въ надлежащемъ видѣ, и труды о. Сергія не погибли, а принесли благіе плоды.

¹⁾ При монастырѣ имѣется портретъ Надержинскаго, который въ 1902 г. былъ на Археологической выставкѣ въ Харьковѣ.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ св. обитель окружена оградой въ 272 саж. протяженія; внутри ограды начатъ постройкой каменный корпусъ съ теплымъ храмомъ, построенъ деревянный корпусъ съ церковью во имя Преподобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца и другіе деревянные корпуса, а внѣ ограды три гостиницы, въ Троицкомъ храмѣ возобновленъ иконостасъ; на св. чудотворную икону Богоматери „Всѣхъ Скорбящихъ Радость“ сдѣлана серебряная вышпощенная риза вѣсомъ въ одинъ пудъ и 13^{1/2} ф. цѣною около трехъ тысячъ рублей. Приобрѣтены также сосуды для совершенія таинства Евхаристіи и двѣ дароносицы стоимостью обѣ въ 1314 руб. и приличная ризница.

Въ 1850 году былъ оконченъ каменный братскій корпусъ съ теплымъ храмомъ, съ престоломъ во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Въ 1852 году заботами о. Сергія главный Свято-Троицкій храмъ былъ реставрированъ тремя прилѣпами: входнымъ и двумя боковыми съ престолами: сѣвернымъ во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, а южнымъ „Всѣхъ Скорбящихъ Радость“. Въ 1862 году въ главномъ храмѣ устроенъ новый иконостасъ и кіотъ для чудотворной иконы Богоматери „Всѣхъ Скорбящихъ Радость“.

Неустанные труды о. Сергія по устройству св. обители продолжались до конца его жизни. Онъ скончался 7 января 1863 года на 68 году своей жизни.

Кротость, смиреніе, любовь къ ближнимъ, благочестіе и трудолюбіе были отличительными его чертами, заслужившими ему преданность и уваженіе многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Прахъ его погребенъ въ главномъ Троицкомъ храмѣ съ правой стороны около первой колонны въ склепу.

Особенно благоустроенный видъ обитель приняла въ настоящее время. Куда ни пойдешь теперь въ храмъ-ли, въ келліи, гостиницы, на экономическій дворъ—вездѣ чистота, порядокъ, вездѣ устроены капитальныя зданія. На мѣстѣ какихъ-то ямъ, изъ которыхъ брали глину, теперь зеленѣютъ садики и устроены небольшія дома для помѣщенія богомольцевъ.

Обширный монастырскій садъ, прежде никакого дохода монастырю не приносившій, теперь сдается въ аренду, при чемъ извѣстная часть фруктовъ предоставляется и монастырю. Этотъ садъ служилъ раньше мѣстомъ загороднаго гулянья и капешваренія горожанъ, которые являлись сюда съ лошадьми и экипажами, и все комилосердно выламывалось и вытаптывалось ими. Когда это было запрещено, горожане долго не могли съ этимъ помириться.

О красотѣ мѣстоположенія монастыря хорошо говоритъ авторъ небольшой книжки (37 стр.) о жизни, трудахъ, заслугахъ и характерѣ о. Сергія, священникъ Алексѣей Евфимовъ.

Онъ пишетъ: „кто знакомъ съ Ахтырскимъ монастыремъ, тотъ самъ опѣнитъ его прекрасную и восхитительную мѣстность. Кто же незнакомъ, тотъ пусть себѣ представитъ довольно возвышенный холмъ, который внизу почти со всѣхъ сторонъ омывается прекрасною рѣчкой Ворсклою. Чтобы взойти на этотъ холмъ,

нужно непременно отправляться съ запада по единственной, не весьма широкой полосѣ земли въ видѣ ленты, которая какъ-бы нарочно устроена природою для вѣзда въ монастырь. Отсюда съ возвышеннаго холма глазъ вашъ видитъ, съ сѣверо-западной и сѣверной стороны, цѣль горъ, гребневыхъ, покрытую густымъ лѣсомъ; на востокъ и юго-востокъ широкую, далеко растилающуюся долину, покрытую лугами и полями, а у подошвы холма кругомъ, за исключеніемъ западной части блеститъ между равниной серебристою лентой рѣка Ворскла Прекрасная, восхитительная мѣстность Ахтырской обители на многихъ путешественниковъ производила большое впечатлѣніе; отъ чего многими она называлась и называется евангельскимъ именемъ „Ѡаворомъ“.

Вотъ что писалъ Кіево-Почерской Лавры іеромонахъ Амвросій въ о. Сергію: „Ахъ, добрѣйшій о. игуменъ, гора ваша большое впечатлѣніе оставила въ душѣ моей, такъ что со временемъ, если Богу угодно будетъ, то желалъ-бы, чтобы по крайней мѣрѣ прахъ мой почолъ-бы на этомъ „Богоизбранномъ Россійскомъ Ѡаворѣ“.

Въ настоящее время Ахтырскій монастырь имѣетъ три храма, изъ которыхъ два каменныхъ и одинъ деревянный, 2 каменныхъ и 4 деревянныхъ корпуса внутри ограды и шѣ ограды 6 гостиницъ, постоялый дворъ и много другихъ капитальныхъ построекъ. Въ 1897 году, по благословенію въ Возѣ почивающаго Архіепископа Амвросія, основана, а въ 1899 году 23 сентября открыта монастыремъ церковно-приходская школа. Устроена она при вѣздѣ въ городъ Ахтырку (съ запада), на отведенной городомъ землѣ (1 дес. 200 кв. с.). Первоначально школа имѣла 40 мальчиковъ и 1 учителя. Въ настоящее время въ ней 82 мальчика и 2 учителя, изъ которыхъ одинъ состоитъ законоучителемъ. За (все) время существованія школы, въ ней окончилъ курсъ 68 мальчиковъ. При школѣ имѣется теперь уже порядочный садъ.

Архимандритъ Алимпій.

Инопархіальный отдѣлъ.

По поводу истекшаго десятилѣтія со времени учрежденія фонда Имени Императора Александра III, предназначеннаго на церковное и школьное строительство въ районъ Сибирской желѣзной дороги.

Большую помощь какъ церковному, такъ и школьному строительству въ Сибири оказывалъ всегда Святѣйшій Синодъ, принимая на свой счетъ содержаніе причтовъ всѣхъ вновь образуемыхъ

при церквахъ фонда приходовъ и жалованіе учителей учреждений при нихъ школъ.

Какъ ни отрадны результаты дѣятельности фонда за истекшее десятилѣтіе, какъ ни значительны собранныя средства, но зато, что нужда переселенцевъ въ храмахъ и школахъ удовлетворена и сложить руки никакъ нельзя. Напротивъ, чрезвычайно было бы грустно, если бы приливъ пожертвованій въ фондъ, участіе жертвователей *изсякли и прекратилось отъ этого самое существованіе. И въ самомъ дѣлѣ, за время существованія Казанскаго общества Сибирской желѣзной дороги осѣло на казенныхъ земляхъ Сибири до 600000 душъ обоего пола. Считая по самому скромному расчету по 1500 душъ на приходъ, выходитъ крайне необходимо открытіе не менѣе 400 приходовъ; слѣдовательно необходимо еще не менѣе 200 церквей въ добавокъ къ выстроенымъ. Дѣти школьнаго возраста переселенческаго населенія составляютъ около 9% или 55000 душъ. Слѣдовательно къ организованному 200 школамъ нужно еще не менѣе 800.

Въ портфель статсъ-секретаря Куломзина имѣется до 100 писемъ разныхъ селеній о сооруженіи у нихъ церквей. Многие изъ Сибирскіе поселки настолько окрѣпли за это десятилѣтіе, они охотно жертвуютъ до 2000 р. и болѣе на сооруженіе церквей и въ добавокъ къ этой суммѣ нужны какіе нибудь 4000 руб. на школу и дома для причта тысячи три. Вообще за 1000 руб. можно въ Сибири выстроить въ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсъ не scarce, комъ дорогъ, отдѣльную деревянную церковь и при ней причтъ, дома и школу.

Печально будетъ, если заботы о войнѣ и ея послѣдствіяхъ оневозможатъ приливъ пожертвованій на церковное и школьное строительство въ Сибири. Тяжелый годъ, говорится въ отчетѣ, предстоитъ переживать теперь Россіи, вовлеченной въ войну, и особенно трудная задача въ эту эпоху выпала на долю нашихъ братьевъ, которые должны были первые принести самую дорогую жертву на алтарь отечества; провожая на войну своихъ сыновъ, мужей и близкихъ, они отдали родня все: жизнь дорогихъ людей и рабочую силу своихъ семей, составляющихъ въ сущности все ихъ достояніе. Велика жертва эта, но и сильна въ православно-христіанскомъ народѣ вѣра во Всемогущаго Царя Царствующаго, съ упованіемъ на Котораго русскій крестьянинъ способенъ, не задумываясь о будущемъ, отдать послѣднее съ любовью, когда это необходимо; теперь больше чѣмъ когда либо чувствуется всѣми потребность въ храмѣ Божіемъ, этомъ свѣтломъ пріютѣ для скорбящихъ, ищущихъ утѣшенія, и въ пастырѣ добромъ, всееляющемъ силой Слова Христова бодрость духа въ паствѣ своей, отеческимъ наставленіемъ напутствующемъ на подвиги и врачующемъ горю и увныніе.

Невыразимо тяжело думать, что за Ураломъ, въ переселенческихъ поселкахъ, заброшенныхъ въ глухую тайгу и пустыни степи, населеніе лишено этого утѣшенія, именно теперь; не

ему будетъ собратъся во имя Христово, чтобы излить горе свое, утѣшить жгучую скорбь о тѣхъ, которые въ борьбѣ за родину отдали жизнь, не къ кому будетъ обратиться за наставленіемъ, какъ найти путь къ источнику возобновленія силъ, побѣждающихъ отчаяніе.

Движимые чувствомъ любви къ отечеству и сознаніемъ долга, русскіе люди горячо отозвались со всѣхъ концовъ нашей Великой Матушки на вѣсть о дерзкомъ вызовѣ врага; щедрою рукою посыпались взношенія отъ бѣдныхъ и богатыхъ, свѣдѣвшихъ каждый своей посильной лептою присоединиться къ мощному проявленію силы духа русскаго народа; заботливость, съ которой жертвователи старались при этомъ предусмотрѣть и не оставить безъ удовлетворенія все разнообразіе грядущихъ потребностей нашего отечества, указываетъ на чуткость русской души, способной обнять и понять сердцемъ нужды ближняго въ тяжелую минуту.

Широкая рѣка приношеній нашихъ соотечественниковъ, свѣдѣннмъ теченіемъ стремящаяся въ море любви къ родинѣ, раздѣляла при устьяхъ воды свои, заполяя всѣ вѣдущіе къ этому морю протоки; забота объ усиленіи нашей военной мощи, помощь раненымъ, облегченіе лѣшеній храбрымъ воинамъ, попеченіе о семьяхъ ихъ,—все это нашло откликъ въ усердіи благотворителей. Будемъ же твердо надѣяться, что имъ не будутъ забыты также мольбы осиротѣвшихъ сибирскихъ семей, жаждущихъ святаго утѣшенія, и такимъ образомъ наступившій, знаменательный для всей Россіи, 1904 годъ обиліемъ милостивыхъ приношеній на церковно-школьное строительство позволитъ намъ расширить сѣть Св. Храмовъ Божіихъ на радость обездоленной паствы необъятныхъ дальнихъ Сибирскихъ епархій.

Пожелаемъ же этому прекрасному дѣлу дальнѣйшаго успѣха, ибо нельзя забывать, что если русскіе благотворители не придутъ на помощь заброшеннымъ на дальнюю окраину соотечественникамъ нашимъ, то послѣдніе могутъ очень скоро пойти въ своемъ духовномъ развитіи назадъ: у полуграмотнаго поколѣнія можетъ вырасти новое совсѣмъ безграмотное. Едва ли подобныя результаты переселенческаго стихійнаго у насъ движенія достойны были бы великаго народа. Образованные члены общества должны придти на помощь и не вѣрятся, чтобы это не случилось въ дѣйствительности.

«По жертвованіи принимаются въ канцеляріи комитета Министровъ (О.-Петербургъ, Маріинскій Дворецъ).

Изъ рѣчи В. К. Саблера при открытіи педагогическихъ курсовъ въ церковно-учительской школѣ въ селѣ Богословскомъ.

2-го іюля н. г. въ селѣ Богословскомъ (Кашинскаго уѣзда, Тульской губерніи) открыты были для учительницъ педагогическіе курсы въ церковно-учительской школѣ. При открытіи ихъ, В. К. Саблеръ, обращаясь къ слушательницамъ курсовъ, сказалъ прекрасную рѣчь, съ нѣкоторыми мѣстами которой мы хотѣли бы

познакомить нашихъ читателей. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о замѣчательно быстромъ развитіи церковно-приходскихъ школъ въ этомъ селѣ. По словамъ В. К. Саблера, въ августѣ 1897 года здѣсь была открыта небольшая школа грамоты. Число учащихся въ ней быстро возрастало, и въ 1898 году эта школа была преобразована въ церковно-приходскую. Число учащихся все увеличивалось. Нужно было приступить къ расширенію школы, и Преосвященный Питиримъ вполне одобрилъ проектъ перестройки школы и вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ желательнымъ устройство въ Богословскомъ второклассной школы. 16 августа 1899 года состоялась закладка новаго каменнаго зданія, а 21 октября 1900 г. послѣдовало и открытіе этой школы. Лѣтомъ 1902 года было приступлено, на спеціальныя средства училищнаго совѣта, къ надстройкѣ третьяго этажа, и 21 октября 1903 года была открыта церковно-учительская школа. Такимъ образомъ, нынѣ въ Богословскомъ находятся слѣдующія школы: церковно-учительская съ двумя классами, второклассная, двѣ образцовыя школы для дѣвочекъ и мальчиковъ и одна церковно-приходская, а всего пять школъ со 118 живущими въ нихъ воспитанницами и 150 приходящими.—Замѣчательная по глубинѣ и жизненности рѣчь В. К. Саблера, сказанная при открытіи этихъ курсовъ, обнимаетъ собою весь кругъ педагогической дѣятельности слушательницъ. Но мы приводимъ изъ ней лишь слѣдующую выдержку: „Эта школа (то есть церковно-приходская), говоритъ онъ, должна воспитывать въ дѣтяхъ добрыя патриотическія чувства. Знакомство съ отечественною исторіей уясняетъ величіе Россіи, раскрываетъ значеніе Самодержавія, этой мощной силы, объединяющей въ одно неразрывное цѣлое многомилліонное населеніе Россіи. Заботы Царя о благѣ и преуспѣяніи Родины должны быть вѣдомы дѣтямъ. Вамъ, учащимъ, надлежитъ знать, какія силы способствовали созданію нашего великаго міроваго Государства. Вы знаете значеніе Православія в Самодержавіи для родной земли. Многовѣковыми условіями предковъ и славными подвигами собиралась и создавалась русская земля. Дорогое наслѣдіе мы воспріяли и должны передать его въ сохранности и цѣлости грядущимъ поколѣніямъ. И какъ намъ не любить нашу чудную Родину, на десятки тысячъ верстъ раскинувшуюся въ двухъ полушаріяхъ, съ ея богатымъ разнообразіемъ красотъ природы, обильно надѣленную Творцомъ плодородною почвой и сокровищами въ недрахъ земли. Какъ намъ не дорожить нашимъ прошлымъ, въ немъ, конечно, было много скорбей и страданій, но сколько было славнаго и свѣтлаго. Враги наши,—а ихъ много,—съ завистью взираютъ на величіе Россіи и стараются въ корни поколебать его. Прикрываясь громкими словами, они смущаютъ людей съ неокрѣпимъ національнымъ сознаніемъ праздными рѣчами о необходимости коренной ломки всего государственнаго строя. Особенно прискорбно, что враги стремились проникнуть въ начальную школу. Они не остановившись предъ попыткой сбить съ толку безпомощныхъ дѣтей, еще не твердыхъ въ позна-

ни истинны. Начальную школу они хотѣли подчинить вліянію противогосударственныхъ ученій. Но мы вѣримъ, что доброе національное направленіе сплотитъ учащихся въ начальныхъ школахъ и поможетъ имъ дать отпоръ невзваннымъ наставникамъ, способнымъ вносить злобу и вражду туда, гдѣ должны царить миръ и согласіе, эти лучшія условія правильного роста хорошей школы. Будьте на стражѣ родной школы, охраняйте ее отъ темныхъ вліяній, боящихся свѣта. Вы служите великому правому дѣлу. Вашъ трудъ будетъ способствовать національному росту грядущихъ поколѣній, гордыхъ сознаніемъ принадлежности къ великой Русской Державѣ.

Развивая въ дѣтяхъ любовь къ роднѣ, школа должна утверждать въ нихъ чувство долга и упорно бороться съ недостатками, присущими нашему національному характеру. Съ настойчивостью, чуждою, конечно, педагогизму, слѣдуетъ приучать дѣтей дѣлать хорошо все, что имъ поручено, рѣшительно устраняя въ работѣ непозволительное „кое-какъ“, не терпя „столь обычныхъ у насъ „авось“ и „небось“ и столь безотраднато „ничего“. Школьное воспитаніе должно явиться однимъ изъ наиболѣе мощныхъ средствъ для борьбы съ этимъ печальнымъ національнымъ недостаткомъ. Въ хорошей школѣ виденъ порядокъ во всемъ,—порядокъ есть здоровая стихія воспитанія. Учительница заботится, чтобы въ школѣ было чисто и прибрано, ей извѣстны начала школьной гигиены и она, по мѣрѣ возможности, применяетъ ихъ. Отъ нея вниманія не ускользаетъ неопрятность дѣтей, она приучаетъ ихъ къ чистотѣ, она разумно соединяетъ требованія школьной дисциплины съ возможнымъ предоставленіемъ дѣтямъ свободы, необходимой для ихъ физическаго развитія. Бодрое, жизнерадостное настроеніе учащихся и учащихся—лучшій показателъ правильной постановки воспитанія. Настроеніе это, конечно, находитъ поддержку и въ заботѣ объ эстетическомъ развитіи дѣтей. Большимъ подспорьемъ здѣсь является изученіе церковнаго пѣнія. Учительница, со скрипкою въ рукахъ, можетъ легко собрать около себя хоръ поющихъ дѣтей. И сельскій храмъ огласится стройнымъ пѣніемъ церковной школы. Родители съ умаленіемъ слушаютъ, какъ дѣти ихъ славословятъ Творца. Народъ русскій музыкаленъ, онъ любитъ пѣніе. И школа можетъ доставить трупящемуся населенію великую усладу. По вечерамъ воскресныхъ и праздничныхъ дней часто она будетъ оглашаться пѣніемъ, способнымъ пробуждать въ сердцахъ слушателей добрыя и хорошія чувства. Такое пѣніе, чередуясь съ полезнымъ и содержательнымъ чтеніемъ, составитъ здоровое развлечіе для народа“.

(„М. В.“ 1904 г. № 184).

В. Е. Саблеръ, какъ это очевидно, обращаетъ серьезное вниманіе своихъ слушательницъ на патристическое и эстетическое развитіе въ церковно-приходской школѣ. Намъ кажется, что именно это развитіе, послѣ религіозно-нравственнаго, особенно нужно въ сельскомъ быту въ наше время, и среди женской, и среди мужской половины учащихся.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Предложеніе преосвященнаго Иннокентія епископа Тамбовскаго.

По словамъ „Нов. Вр.“ (№ 10145), Преосвященный Иннокентій, епископъ Тамбовскій, предложилъ всемъ женскимъ монастырямъ и обителямъ вѣренной ему епархіи безотлагательно приступить къ изготовленію 16000 верхнихъ форменныхъ рубахъ для нижнихъ чиновъ, отправляемыхъ на Дальній Востокъ. Холстъ для рубахъ и казенные образцы будутъ розданы настоятельницамъ или уполномоченнымъ монастырей супругою мѣстнаго губернатора.

+ *Епископъ Штроссмайеръ.*

Дьяковскій епископъ Штроссмайеръ, какъ сообщилъ телеграфъ, скончался на дняхъ въ купальномъ мѣстѣчкѣ Рогичъ въ Штиріи 89 лѣтъ отъ роду.

Родился онъ въ Словеніи 4 февраля 1815 года, шестнадцати лѣтъ поступилъ въ семинарію и въ 1838 году былъ рукоположенъ въ священники.

Молодой хорватъ мало-по-малу сталъ выдающимся дѣятелемъ хорватской національной партіи и поддерживалъ въ 1860 году федеральныя принципы. Въ послѣднее время онъ мало принималъ участія въ политической борьбѣ, мирно проживая въ епископскомъ дворцѣ въ Дьяковѣ. Онъ много заботился о расширеніи образованія среди хорватовъ, былъ основателемъ загребскаго университета, академіи наукъ и искусства, не щадя своего состоянія на благо народа. Не ограничиваясь заботой о хорватахъ, онъ мечталъ объ объединеніи всего славянства и дѣятельно работалъ на этой почвѣ, навлекая на себя даже гнѣвъ Франца-Иосифа за свои панславистскія идеи. Въ дѣлахъ церкви онъ игралъ немаловажную роль въ 1869—70 году, выступивъ яркимъ противникомъ догмата о непогрѣшимости папы. Впослѣдствіи, однако, онъ примирился съ его принятіемъ. Южное славянство теряетъ въ немъ незамѣнимаго дѣятеля.

Бракъ и законъ.

Въ наше время много говорятъ о бракѣ и думаютъ, что законодатель можетъ исправить ненормальности брачной жизни. По словамъ „Харьк. Губерн. Вѣдом.“, одни зовутъ его въ семью съ тою цѣлью, чтобы онъ ослабилъ «узъ», потому что тогда де только наступитъ настоящее счастье, другіе зовутъ для того, чтобы онъ «узъ» закрѣпилъ, потому что въ самой семьѣ уже нѣтъ скрѣпы. И тѣ, и другіе уповаютъ на законодателя.

Такъ ли это? Что говоритъ намъ исторія по этому вопросу?

Въ этомъ отношеніи въ исторіи нашего европейскаго міра мы находимъ двѣ различныхъ эпохи: въ одну изъ этихъ эпохъ раз-

водъ былъ не только облегченъ, но и совершенно свободенъ; въ другую, напротивъ, онъ былъ до крайности затрудненъ, и не только въ отношеніи къ расторженію брака, но даже и въ отношеніи къ расторженію обрученія, т. е. общапія будущаго брака. Свобода разводовъ, допускавшаяся въ римской исторіи, была крайне ограничена въ византійской имперіи послѣ принятія римской имперіей христіанства. Что же, спрашивается, мы встрѣчаемъ въ Римѣ и въ Константинополѣ по отношенію къ семейной жизни? Когда была семейная жизнь прочнѣе, чище и счастливѣе—при свободѣ разводовъ или при ихъ затрудненіи?

Исторія даетъ отвѣтъ, что свобода разводовъ повела къ разрушенію единобрачія, моногаміи, и установленію послѣдовательнаго многобрачія, полигаміи и полиандріи. Въ одинъ мѣсяць, „въ 30 дней, Телезілла пошла замужъ въ десятый ужъ разъ“—говоритъ Марціалъ. Непрочность семейныхъ связей не только повела къ совершенному разрушенію семьи, но и породила отвращеніе отъ семейной жизни. Счастье стали видѣть только въ одинокой жизни. безъ жены, дѣтей и заботъ. Такое достойное зависти существованіе называлось трудно переводимымъ словомъ: *orbitas*. Развились фиктивные браки для имущественныхъ цѣлей. Отъ мужей, женъ и дѣтей освобождались посредствомъ знахарей и вѣдуновъ, при помощи отравы. Не удивительно, что разврату представлялся полный просторъ и онъ достигалъ своего апогея. Всего ужаснѣе было то, что находились люди, которые избирали себѣ профессіей преподаваніе молодежи практическихъ и теоретическихъ уроковъ порока. Послушайте Сенеку, который пишетъ: «Развѣ какая нибудь женщина станетъ краснѣть отъ развода, когда нѣкоторые знатныя и благородныя женщины считаютъ свои годы не по числу консуловъ, а по числу мужей, и разводятся только для того, чтобы выдти замужъ, а выходятъ замужъ для того, чтобы развестись. Развѣ теперь сколько нибудь стыдятся супружеской невѣрности, когда дѣло дошло уже до того, что женщина имѣетъ мужа только для привлеченія любовника. Цѣломудріе теперь только доказательство безобразія. Положеніе было таково, что возбуждало всеобщее опасеніе. Развратъ сопровождался вырожденіемъ, населеніе вымирало. „Счастливая Кампанья, никогда не выдавшая варваровъ, насчитываетъ уже 120000 гектаровъ земли, гдѣ не встрѣтишь ни хижины, ни человѣка“. Тщетно Августъ и послѣдующіе императоры издавали цѣлый рядъ законовъ, чтобы поправить дѣло и расположить къ семейной жизни и добродѣтели. Законодательство ничего существеннаго не сдѣлало. Пришли варвары, новые люди, и пришло христіанство, которое и дало Европѣ новую силу жизни въ ея новыхъ людяхъ».

Теперь перенесемъ мыслью въ другую эпоху. Ученію Іисуса Христа о томъ, что въ бракѣ два человѣка, уже не двое, но одна плоть, и что разводъ допускается только въ слѣдствіе преступленія противъ супружеской вѣрности, медленно, но глубоко повліяло на греко-римское законодательство, особенно со времени перенесенія столицы въ Константинополь и основанія византійской имперіи. Разводы были обставлены весьма многими стѣс-

нительными условіями. Но что же случилось? Если семейная жизнь въ христіанскомъ мірѣ сдѣлалась выше, чище, прочнѣе и счастливѣе, какъ напр. описываетъ ее Тертулліанъ, то это произошло, не благодаря законодательству, а вслѣдствіе вліянія христіанства, глубоко преобразовавшаго человѣка. Тамъ, гдѣ христіанское нравственное ученіе не находило приложенія, не помогли никакіе законы. Разводы были затруднены, но развратъ свивалъ себѣ гнѣздо и въ семейной жизни, если человѣкъ продолжалъ оставаться язычникомъ. Императоръ Андроникъ Комнентъ зло смѣялся надъ рогоносцами, которыми были переполнены Константинополь, приказавъ развѣшать, по свидѣтельству историка, на портикахъ форума большіе олени рога, чтобы показать гражданамъ столицы распутство ихъ женъ. Увеселительныя введенія были всегда переполнены пошлостями. Развратъ доходилъ прямо до какихъ то патологическихъ формъ, которыя съ точностью психіатровъ описываются тогдашними законодателями. Значитъ воспрещеніе разводовъ, тоже не достигало той цѣли, какая имѣлась въ виду, и законъ оказывался безсиленъ.

Этотъ примѣръ, по нашему мнѣнію, весьма рельефно показываетъ, что брачное законодательство не обладаетъ такою силою, чтобы внести въ семью порядокъ и счастье, ибо законъ не можетъ создать добрыхъ нравовъ, а добрые нравы въ данномъ случаѣ гораздо важнѣе, чѣмъ хорошіе законы (*plus valent boni mores, quam bonae leges*). Нельзя принудить человѣка быть хорошимъ семьяниномъ и сдѣлать его насильно счастливымъ, если онъ самъ не прилагаетъ къ тому усилій. Семья основывается на взаимномъ самоотверженіи и взаимной преданности мужа и жены, а не на себялюбіи. Семейная жизнь—это осуществленіе долга и трудъ, полный заботъ и подвиговъ, а не увеселеніе и не „вѣчно текущій праздникъ“. Вотъ почему упадокъ семейной жизни всегда указываетъ на упадокъ нравовъ; вотъ почему исправленіе семьи зависитъ отъ исправленія нравовъ.

Пока крѣпки нравы и развито чувство долга, пока существуетъ правильное воззрѣніе на жизнь и ея задачи, пока религія дѣйствуетъ въ глубинѣ человѣческаго сердца, пока человѣкъ чтитъ своего Создателя въ дѣлахъ своихъ, до тѣхъ поръ семейная жизнь будетъ крѣпка и счастлива.

Чтобы исправить семью, нужно перевоспитаться!

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ книжномъ магазинѣ „ПРАВОВѢДѢНІЕ“ Ив. Каллинъ Голубова

(Москва, Никольская, д. Славян. базара) продаются:

- 1) Сборникъ поученій, провознесенныхъ въ Московской Николаевской, что въ Хлыковѣ, церкви, — свящ. М. Д. Смирнова. Поученія на воскресные и праздничные дни, 555 стр. ц. 2 р.
- 2) Сѣмя духовное. Поученія на Символъ вѣры, свящ. Василій—Кессарійской ц. въ Москвѣ, Арсенія Разумихина. 116 стр. ц. 50 к.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; въ первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Курсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Ворксовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Вуткевича.—„Протестантская мысль о омовожденіи и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Столкова (К. Истомина).—Многія статьи о. Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованіе евреевъ въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Столкова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Столкова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Столкова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Вуткевича.—„О славянскомъ Бого-служеніи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической ямровинадѣ“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) кратко и подробно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ едиктовъ“. П. Ожирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Вуткевича.—„Обращеніе Самыя и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Бого-слово“. Профес.—прот. Т. И. Вуткевича.—„Отвѣтъ объ антихриствѣ“. Профес. А. Д. Вѣлава.—„Книга Руувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Оумскаго (внѣшн. Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Вуткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія моназма“. Профес.—прот. Т. Вуткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныя началъ философіи“. Профес. П. И. Диницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ повѣдѣней идеалистической философіи“. Профес. П. И. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Отрахова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Онегирева.—„Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщены были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Баро, Жане, Фумье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Вѣ~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ **ЗНАМЕНСКІЙ**
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Князь Константинъ **ИСТОМИНЪ**.